

ДОРОГАЯ ПРОПАЖА

Сергей Минский

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Алексеевич Минский

Дорогая пропажа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30826689

SelfPub; 2023

Аннотация

Что Наташа и Паша – пара, такая же истина, как и та, что Солнце всходит и заходит. Но вернувшись из рядов Советской Армии, Паша вдруг заявляет, что хочет учиться в университете, и для этого ему необходимо уехать в областной город и три курса закончить на стационаре. Наташа чувствует себя униженной. С двумя подругами она уезжает по комсомольской путевке на Север. А через полгода, получив предложение руки и сердца от главного инженера шахты, выходит замуж. Через пятнадцать лет под Новый год – на рубеже смены тысячелетий – волей провидения дороги Павла и Наташи снова пересекаются. Содержит нецензурную брань.

Сергей Минский

Дорогая пропажа

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Билеты на поезд Наташа брала за две недели. Туда и обратно.

В зале с междугородними кассами людей немного. К одной – и вовсе – две претенциозных в одежде дамы, девушка и мужик. Со спины именно мужик. Высокого роста. Неопрятно одетый. Длинная худая шея торчит из когда-то белого полушубка – без шарфа. «Странный какой-то», – Наташа, колебавшись, стала за ним. Услышала, как он что-то нашептывает сам себе. Автоматически отодвинулась. Появилось чувство гадливости от истекающего от человека запаха. Тут же напомнила о себе совесть. Наташе всегда становилось не по себе, когда успевала пропустить иницированную подсознанием, в таких случаях, негативную оценку. Но на помощь уже спешила оправдательная философия – соломинка – спасительная реакция организма. «Следить за собой нужно... – подумала, – Почему я должна с уважением относиться к тому, кто с неуважением относится ко мне? – она сделала еще

полшага назад, – До чего же отвратительно пахнет». Появилась даже тошнота. Подступила к горлу от кислого запаха давно нестиранной одежды, от дыма дешевого табака, въевшегося в овчину явно не фабричной выделки. Она усмехнулась: «Видимо, поэтому и людей к этой кассе столько».

Мужик резко обернулся, продолжая почти неслышно шевелить толстыми губами, странной деталью выступавшими на худом с мелкими чертами лице. Под носом и немного на подбородке пучками торчавшая редкая растительность почему-то обошла своим вниманием чуть обвисавшие щеки. Они розовели, как у подростка, несмотря на то, что их обладателю не меньше пятидесяти. Мужик словно услышал мысли Наташи. Бессмысленно посмотрел сквозь нее рыбьими глазами.

«Ненормальный какой-то», – ей стало жутковато. Появилось желание перейти к другой кассе. Но сразу пропало, когда увидела, что дамы впереди, как оказалось, вместе: они, разглядывая билеты, отошли в сторону. «Потерпишь, дорогая, немного осталось. И вообще: нечего аристократку из себя корчить».

Девушка, стоявшая перед «кислым» мужиком, задержалась буквально на три минуты. Но «кислый», пытаясь добиться своего, проторчал у окна минут десять. Достал своей

бестолковостью и невразумительной речью всех: и кассира, и Наташу, и тех, кто уже выстроился за ней. За спиной она слышала ропот и соответствующие ситуации реплики.

В конце концов, так и не добившись своего, мужик, чуть прихрамывая, удалился. Наташа вздохнула с облегчением, подошла к кассе и сразу же о нем забыла.

– Слушаю вас? – юное создание в железнодорожной форме вдруг вызвало ностальгию. Девушка напомнила о времени, когда Наташа и сама работала на «железке» – проводницей на линии «Москва – Воркута». Вот так же – в форме. С молоточками в петлицах. Словно вчера.

– Мне на двадцать девятое, до Минска, один купейный, – она подождала, пока тонкие пальчики, с длинными накрашенными ноготками царапали клавиатуру, – И обратный – из Минска, на третье января... Тоже купейный.

– Так, – девушка назвала стоимость билетов, номера поездов до Москвы и от Москвы, выдала дежурную улыбку с ничего – по ее голосу – не значившей фразой «счастливого пути».

– Спасибо, – Наташа улыбнулась, по старой привычке пробежала глазами по цифрам на листке и отошла, вздох-

нув облегченно – дело сделано. Девушка с молоточками в петлицах, навеяла ностальгию: захотелось пойти на перрон – вдохнуть запах юности. Она поправила шаль, застегнула дубленку и вышла из кассового зала на освещенное фонарями внутреннее пространство вокзала. Поднялась на перрон – к поездам.

Казалось, здесь уже царило предпраздничное оживление: словно до Нового года не две недели, а часа два – не больше. Искрящийся отраженным светом снег, клочками пуха разбросанный по притоптанному перрону, испуганно шаркался в стороны от торопливых ног. Бесперывная полярная ночь и яркие – даже здесь – звезды на черном небе рождали ощущение присутствия вечности. И от этого присутствия в сиюминутности житейской суеты в душе исподволь возникал конфликт, внося в окружающую картину еще большую жизненность. Легкий запах крезота и угольного дыма, вертикально поднимавшегося над крышами вагонов, возвращали полузабытые чувства. А морозный, покалывающий ноздри, воздух, словно лопающиеся пузырьки восхитительного шампанского, добавлял в них остроты. Это бередило душу, соединяя прошлое и настоящее, отчего все, что в ней происходило, и начинало казаться настоящим.

«Господи, как же давно это было! И как недавно», – Наташа бесцельно пошла по перрону. Окна с фирменными занавесками

весками и провожающие, смешно жестикулировавшие около них. Девушки и парни в темно-синих, кажущихся черными шинелях у проемов вагонных дверей, занятые проверкой билетов и просто общавшиеся со своими коллегами из соседних вагонов. Группы и одинокие пассажиры с чемоданами и сумками, спешившие скорее занять свои теплые места. Это было так знакомо, так грустью отзывалось в сердце, и в то же время наполняло его радостью, что у Наташи увлажнились глаза. Наконец, после горделивого напоминания диктора, поезд гроыхнул многотонным металлом, стронулся с места и, набирая ход, стал все чаще повторять на стыках свое привычное «тук-дук, тук-дук».

«Все! Домой! Хватит ностальгии!» – она вдруг ощутила дискомфорт. Пальцы ног начинали зябнуть даже в пимах. А волоски мохеровой шали с осевшим на них от дыхания инеем, норовили неприятно коснуться щек, если нужно было повернуть голову. Тепло кассового зала, недолго ощущавшееся под дубленкой, ушло, как и желание оставаться на стылом морозном перроне. Наташа заторопилась. Обошла здание вокзала и через пару минут уже была на привокзальной площади. Пришлось немного пробежаться, потому что боялась не успеть на стоявший у остановки автобус. Оказалось – зря. Он еще минут пять не трогался с места.

Из автобуса – в магазин: купить, по дороге, молока и хле-

ба.

Выйдя на улицу, Наташа снова испытала радостное чувство: при полном отсутствии движения в воздухе, плавно паря, кружились редкие снежинки. Это было так красиво – так сказочно красиво, что она остановилась, залюбовавшись. И покупка билетов, предполагавшая поездку к сестре на Новый год. И начинавшийся в безветрии и свете фонарей снегопад. И витрины магазинов, сплошь украшенные огнями и серпантином. Ярко освещенная улица и толпы народа, сновавшего взад и вперед по своим делам. Все это создавало ощущение неизбежно приближавшегося праздника. Вплетало в его канву ожидание чего-то хорошего и светлого. Того, что обязательно должно случиться, наперекор уже случившемуся.

Состояние сознания, только что восторгавшегося великолепием окружающего мира, изменилось, заставив Наташу уйти в себя. Вот радоваться бы. Ведь по-настоящему не любила мужа. И не то чтобы просто догадывалась, знала наверняка – изменяет. Ушел. Оставил все. Казалось, о чем мечтать? Ведь иногда сама об этом думала: «Вот если бы...» А ушел, и как-то грустно стало. «Ну не любила. Ну и что? – во внутреннем взоре мелькнуло лицо мужа, – Жили же все-таки. Сколько таких, как мы... А, может, привычка? Из-за этого и не по себе?» В сознании на секунду возникла пауза. Словно оно куда-то исчезло – улетело на краткий миг. И сразу же вернулось. Принесло с собой понимание, что привычка

привычкой, но ее роль не настолько велика, как может показаться, что причина грусти и сосущего ощущения пустоты совершенно в другом. «Потому что опять бросили... – тайна, которую тщательно прятала и охраняла бессознательная Наташина суть, наконец, стала явью, – Потому что оставили за ненадобностью... Та ведь беременна», – Наташа исподволь тяжело вздохнула и мысленно, как бы очнувшись ото сна, поймала себя на этом. Она знала имя любовницы мужа, но иначе как «та» или «эта» не называла – язык не поворачивался. «А чего я ожидала? Что все будет тишь да гладь, если муж на десять лет старше? Я увела, и у меня увели... Так тебе и надо». Но где-то глубоко внутри теплилось и уже начинало расти удовлетворение. Она свободна. У нее есть все для жизни. А тут еще письмо Полины. Подсознание, зацепившись за возникшую информацию, стало провоцировать чувства, а те, в свою очередь, воображение. И Наташа, не колеблясь, поддалась обаянию их тандема. «Неужели, Пашечка развелся со своей? Полька написала, что обратный ход вряд ли будет – проблема разрослась... Теперь эта поездка... Неужели судьба снова собирается свести нас? – сердцу в груди стало тесно, и она выдохнула воздух, – А сын его? Вдруг ради сына сойдутся?» Наташа нутром вдруг ощутила, что не сможет вот так – сходу. Поняла, что ей необходимо время, чтобы окончательно убедиться, что с Пашей не все в прошлом. «Приеду – увижу, – решила, – Мало ли что Полинка говорит».

Воспоминания пробудили «спящую собаку». Неприятное ощущение, еще неосознанное, испортило кровь. Появилось жжение в ямочке между ключиц: «Неужели обида так и не ушла?»»

Уже дома, лежа в постели и муссируя моменты прошлого, поняла окончательно – нет, не ушла. Притупилась с годами, но при мысли о возможной встрече стала оживать. В тишине и полутьме ночи яснее и четче проступало минувшее, которое, казалось, давно отпустило. «Вот как? – подумала, – Меняются обстоятельства, и все возвращается? Ну и как тебе такое будущее? Как оставить пережитое там, если – вот оно – тут как тут?» – картины последних перед расставанием встреч, пробиваясь из памяти и сменяя одна другую, стали оживлять горечь унижения и тоску бессмысленности жизни, навалившихся тогда от невозможности изменить течение жизни, от почти детской беспомощности.

Несколько раз перед тем, как уйти, сознание Наташи ныряло в пограничную зону, но снова возвращалось, перемежая сон и явь. И, наконец, прозрачная, словно сквозь сеточку матрицы, темнота, как показалось, поглотила восприятие реальности.

– Пашенька! – кричала она через огромную, окаймленную березами поляну, благоухающую цветами, – Я люблю тебя!

Па-а-ша-а!

Неестественно яркий солнечный свет, нестерпимо отражавшийся от стволов, от молодой, еще с клевиной, светлой листвы, от белого, чуть с розовинкой подола сарафана, заставлял щуриться. Сквозь ресницы видела – Паша не слышит ее. Побежала в его сторону, размахивая руками, и продолжая звать. Но вдруг заметила, что луг, как беговая дорожка, проскальзывает под ногами, и она остается на месте. Пришло недоумение: «Так ведь не может быть». Взглянула в сторону любимого и удивилась еще больше. Поляна растягивалась, и крошечный Пашечка становился все меньше и меньше, пока, наконец, не исчез.

За недоумением пришло отчаяние. И она снова закричала, стала звать его... И проснулась, уловив при пробуждении свой пораженный страхом утробный голос. Скорее звериный вой, чем произвольный вскрик напуганного человека. От этих обертонов сердце заколотилось еще сильнее, заставив окончательно отступить сон.

Еще несколько секунд Наташа пыталась сдерживать слезы. Но все же расплакалась.

Свет уличного фонаря, чуть растворял темноту комнаты. Причудливо очерчивая предметы, он создавал иллюзию ве-

чера. Не воспринимаемое до этого тиканье часов неожиданно заполнило пространство комнаты, заменив собой всхлипы и шмыганье носом. Слез уже не было: на душе стало легко и ясно, как в летний день после смывающего отупение жары роскошного ливня. Лишь неприятно пощипывало веки, и чувствовалась их припухлость при моргании. Автоматически прикрыв глаза, Наташа щелкнула выключателем ночника. Освободилась от одеяла и, опустив ноги на коврик, села. Сон, только что владевший сознанием, померк. Стали появляться мысли о насущных делах, связанных с началом дня, чтобы упрятать видения в бессознательность памяти. И лишь кровь, все еще несущая по венам остатки отравы, брошенной страхом, не давала чувствам полной свободы от только что увиденного.

2.

За окном шел снег, своим падением выдавая силу и направление ветра. Подхваченные воздушными потоками у стен дома снежинки иногда, изменив направление, начинали быстро подниматься вверх. Павел провожал их взглядом. И получалось – уже не видел домов, расположенных в линию напротив. Исчезали ориентиры, отчего казалось, что что-то не так, что мир перевернут с ног на голову. Снежинки, увлекаемые к небу – уже не белые против света, а темные, словно сажа, искажали действительность, нарушая привычное ми-

роощущение. Щекочущее непонятное чувство появлялось в груди. Интересное, захватывающее зрелище. В сбитом с толку сознании возникало ощущение беспредельности пространства, провоцируя собой такое же беспредельное одиночество. В этот момент душа Павла отождествлялась со всем, о чем он спонтанно размышлял. С пульсирующим безбрежным пространством. Со снегом, похожим на сажу. С жизнью – с ее всеми такими мелкими в этой беспредельности переживаниями. Тогда он сам начинал пульсировать. То вырывался мыслью в безграничный простор, то вновь возвращался к повседневности. Вселенная завораживала своим величием, трансформируя психику. Мысли делали настойчивые попытки описать эмоциональное состояние. Возвращали к реальности, цепляясь за конкретно существующие детали жизни. Но через несколько секунд одержимые высокими чувствами снова взмывали к вершинам совершенства и снова лелеяли надуманное, которое, вопреки прагматичности ума, в этот момент казалось не менее реальным. В конце концов, все это стало надоедать. И Павел перевел взгляд на проспект.

До Нового года оставалось несколько дней, а он, оставшись без семьи, еще до конца не решил, где будет его отмечать.

Благодаря беспардонности тещи их общие знакомые ока-

зались втянутыми в семейные разборки. Она периодически названивала всем, рассказывая то, что считала нужным. Было совершенно понятно, что женщина всеми возможными способами старается рассорить дочь с мужем. И через создаваемое ею общественное мнение в том числе. Казалось, успокоиться бы ей после рождения внука. Но нет. Однажды наметив себе такую задачу, когда зять как-то попытался поставить ее на место, она методично проводила задуманное в жизнь. Да и задуманное ли. Судя по всему, все у нее, скорее, получалось само по себе, от переизбытка энергии. Просто она так чувствовала, и законы логики, не говоря уже о более высоких материях, для ее уровня восприятия жизни были чужды. Капля камень точит. Если вначале Лена отмахивалась от матери, от ее неуклюжих домыслов, связанных с мужем, то со временем вся эта галиматья стала прорастать в ней. Порой ей начинало видеться подтверждение ее слов. Срабатывал принцип: если в этом случае мама права, значит и в остальном, наверное, тоже. Сколько раз Павел просил жену уйти жить на квартиру. Ни в какую. Сколько раз задавал простой вопрос – почему? Но ни разу не получил вразумительного ответа. Только детский лепет. Понятно было одно – никакая квартира, которую мог позволить себе снять муж, не шла в сравнение с папиными апартаментами. В дополнение ко всему Лена оказалась до крайности ревнивой женщиной. Впрочем, как и ее мать, всю жизнь донимавшая мужа претензиями, что тот ей изменяет. Количество собираемого

негатива подходило к критической массе. Прибавилось еще и то, что с братом Лены – на почве разногласий с Елизаветой Кондратьевной, у Павла случилось пару серьезных стычек. Двадцатидвухлетний – достаточно инфантильный – молодой человек дважды в состоянии опьянения пытался ударить Павла. И если в первый раз Павел «отнырялся», уходя от кулаков, казалось, ни с того, ни с сего разъярившегося парня, и все, слава богу, успокоилось с приходом тестя, то в другой – драка случилась. За несколько лет диверсионной работы, очень эмоционально проводившейся, теще, наконец, удалось добиться своего. Она торжествовала. В один из вечеров – пару недель назад, когда Павел пришел за оставшимися вещами, Елизавета Кондратьевна, обращаясь к дочери, почти прокричала с надрывом: «Ну что я тебе говорила?» По всему было видно, что на самом деле она обращается не к ней – к нему. «Ленке, – догадался, – она уже высказала это не раз».

– Я же говорила, – в ее голосе еще сильнее проступило торжество, – не остановит его ребенок. Таких безответственных поискать еще надо, – теща победоносно проследовала в другую комнату, громко хлопнув дверью, – Папочка твой, негодяй, пришел. Полюбуйтесь на него.

За дверью раздался голос сына:

– Сама ты... – он всхлипнул, видимо, сдерживаясь, чтобы не заплакать, – Мой папа хороший.

Павла передернуло.

– Елизавета Кондратьевна... ну зачем вы так?

– А как с тобой прикажешь? – визгливо прокричала теща, – Ты же – подонок. Ребенка сиротой оставляешь.

«Затравили суки ребенка», – он чуть сдержался, чтобы не пойти туда. Но вовремя остановился, зная, что за этим может последовать.

– Алеша, – позвал, – Иди ко мне, сынок.

Мальчик вышел и растерянно посмотрел на него, видимо, не понимая, что ему делать дальше.

Павел подошел, сунул ему шоколадку и погладил по голове.

– Как дела... солдат? – вспомнил, что отвечал сын, когда его спрашивали, кем он хочет стать.

– Харлашо, – Алеша как-то грустно улыбнулся.

– Ну, хорошо это хорошо, – не нашел ничего лучшего сказать Павел, и снова погладил сына по голове, – Ну беги, играй, – он посмотрел на жену, словно хотел что-то сказать.

Та продолжала молчать: она за все время не проронила ни слова. Сидела в кресле, разглядывая ногти, и демонстративно не обращала на него внимания. Лена побаивалась матери, позорно позволяя ей вытворять гадости. «Совсем неадекватна. Не понимает, что так не должно быть. Что у нас своя... – сознание запнулось, не закончив мысль, – Была...» В душе снова поднялась волна противоборствующих сил. И не хотелось уходить – оставлять сына: а вдруг бы все наладилось, вдруг жена перестала бы потакать теще? И понимал – дороги назад нет. Ничего уже не срастется. Разве что теща отдаст богу душу. Но, глядя на энергичность сорокасемилетней «мамочки», об этом не стоило и мечтать. «Эта всех закопает», – нахлынули чувства.

За дверью слышались оскорбительные в полголоса выпады тещи. «Больная!» – опять не выдержал Павел. Жена все так же, как тронутая умом, сидела, исследуя пальцы рук. Словно выискивала и исправляла огрехи маникюра, что-то сосредоточенно приглаживая на ногтях.

– Лен, где мои вещи?

Она приподняла плечо и прижала к нему голову с той стороны, откуда раздавался голос мужа, словно защищая ухо от этого голоса. Словно он ей ужасно неприятен.

– Там, где ты их оставил, – бросила, не посмотрев в его сторону. Чувствовалось, что она сдерживается, как может. Последнее время, как и теща, Лена начинала закатывать истерики, добиваясь своего. Но делала это в отсутствие матери, осторожно перенимая пальму первенства. И не допускала подобной вольности при ней. Такая манера ее поведения поражала Павла.

Он открыл встроенный шкаф. Рыночный полосатый баул, взятый у одного из друзей, на месте. Но почему-то с расстегнутой наполовину молнией. «И здесь уже поковырялась, – поморщился Павел, имея ввиду тещу, – Неугомонная! Вот уже...» Ситуация вызвала горькую усмешку. Он вытащил сумку. Подошел к двери, приоткрыл ее и обернулся: хотел сказать что-то хорошее, но почувствовал, что это отдает дурным пафосом.

– Лен? – обратился к жене.

Она резко – почти выкрикнула – выдохнула:

– Ну, иди уже! Не рви сердце!

– До свидания, Алеша.

Павел вышел, и, насколько можно быстро, засеменял по лестнице. Словно убегая. Будто боялся, что вот сейчас выскочит Елизавета Кондратьевна и что-нибудь прокричит вслед – она это могла.

Внизу ждал Слава. Он выскочил из машины, увидев выходящего из подъезда товарища, и быстро открыл багажник:

– Ну что? Дома эта?

Павел кивнул утвердительно.

– Орала? – Слава прекрасно знал Елизавету Кондратьевну.

Павел промолчал, угрюмо взглянув на друга.

– Ну что – ко мне? – засуетился тот, уловив настроение Павла, – Или к тебе – на квартиру?

– Давай, на квартиру, Слава. Что-то мне сегодня не до гостей. Если бы ты еще один был, другое дело. Не хочу кук-

ситься перед Полиной.

– Ну, смотри, Паша... Как скажешь.

3.

За пару дней до Нового года Павел, наконец-то, решил – пойдет к Ковальским. В одиночку, в неудобной квартире отмечать смену тысячелетий – хотя подобная мысль и проскользнула – это кощунство. Предыдущие жильцы оставили после себя помещение не в лучшем виде, и он договорился с хозяевами, что сделает косметический ремонт. А стоимость зачтется ему в квартплату. Но вот уже месяц ни до чего не доходили руки: еще не пришло осмысление того, что нужно делать. Не выветрились мысли о случившемся. О том, как жить дальше. Какие отношения сложатся с ребенком – дадут ли ему встречаться с Алешей? «Судя по нынешним отношениям – вряд ли, – не заставил себя ждать ответ, – Этой... глубоко плевать на все, что за пределами ее примитивного разума». Почему-то выплыл из памяти Шариков со своим «абырвалг» и появилась нелепая мысль, что ему несказанно «свезло». «Да уж, – вздохнул, – Свезло, так свезло», – Павел вдруг ощутил всю абсурдность ситуации. Он уходит от жены, а думает о теще. Как будто с ней собирается разводиться. «А ведь и, правда, с ней, – удивился запоздало пришедшему откровению, – Как будто у меня две жены – старшая и

младшая». Последнее утверждение вытаскило из памяти ассоциацию с сестрами – старшей и младшей – Наташей и Полиной. Вернуло к размышлениям о Новом годе. О том, что у Славы будет не так много народу, большинство из которых – не свои. «Коллеги Станислава Францевича по бизнесу, – съязвил Павел, улыбаясь, – А им и дела до моих проблем нет. И это здорово». Но все же главное, что могло произойти в канун Нового года, было связано с возможным приездом той, что, казалось, была потеряна для него навсегда. Именно она – главная интрига вечера. Первая и единственная его любовь.

Чувство вины с годами притупилось. Осталось лишь ощущение духовной близости – иллюзия постоянного присутствия в себе на фоне тихой надежды, что рано или поздно разлука закончится. Свернувшиеся чувства, так долго подавляемые, и, в конце концов, уснувшие в укромном уголке души, проснулись и, пока еле заметно, стали разворачиваться, заявляя о себе. Они пришли как альтернатива всему его нынешнему состоянию. И поэтому защитная функция организма не запихнула их, как и прежде, в архив памяти, а начала исподволь тихонечко лелеять. Нет-нет, да и всплывали далекие, давно забытые картины и – как наяву – сопровождавшие их фантомы звуков и запахов. И тогда чувства начинали трепетать, будто от стыда. И за то, что им так и не удалось реализоваться из-за его, Павла, вины. И за то, что

он подсознательно не отошел от уз брака, еще воспринимая разрыв эмоционально, а уже думал о другой женщине. Эти чувства уносили его в пятнадцатилетнее – «как будто вчера» – прошлое, пленяя теплотой и наивностью сцен. Негой вечеров, переходивших плавно в такую же прелесть ночей. В то далекое и такое близкое начало жизни, когда еще не было ни тещи, ни жены, ни этой сволочной ситуации, отнимавшей у него Алешу. Настроение изменилось. Железы внутренней секреции испортили кровь, и все прекрасное в Павле свернулось в точку. Она тут же развернулась, но уже в другом качестве. Стала культивировать и без того плачевное состояние зацикленными на негативе мыслями, просочившимися из нижних пластов психики. «Точно, – цинично отреагировал ум, – Состояние существования. По-другому и не скажешь».

Три часа с момента его прихода домой пролетели почти мгновенно. Сумерки в комнате, создаваемые огнями уличных фонарей, и сосущая пустота в желудке напомнили о внешнем мире. Появилось осознание, что уже пора бы и перекусить. Он поднялся с дивана, на который прилег «на секунду», и пошел на кухню. Сделал себе пару бутербродов с сыром и чай, и, используя разделочную доску как поднос, пошел к телевизору в надежде отвлечься.

Расстился, когда почувствовал, что вот-вот уснет. На-

брал на пульте время. Разделся. Скользнул под одеяло. И почти сразу же стал растворяться в потерявших смысл диалогах героев фильма. А вскоре уснул и телевизор.

Будильник в телефоне прозвенел, когда Павел уже минут десять лежал без сна. Это отвлекло от раздумий о Наташе. Она приснилась ему – такая теплая и близкая. Как наяву. Вроде, и не сон. Он даже не сразу осознал, просыпаясь, что ее нет рядом – так реально все было, и было здесь – в этой с обшарпанными обоями комнатухе, такой неуютной до появления любимой. Звонок огорчил действительностью. С тещей и всем с нею связанным.

– Тьфу ты! – Павел не сдержался от досады на такие быстрые перемены в состоянии разума, – «Быстрее в душ».

На некоторое время удалось отвлечься от беспокоивших мыслей. Тем более жизнь обязывала. Мысли о работе, о недоделанных делах, о планах на сегодня стали потихоньку брать верх. «Сегодня уже тридцатое, – констатировало сознание, – последний рабочий день, – Завтра выходной. Вот завтра подарок сыну и куплю... и отвезу...» Последняя мысль заставила инстинктивно сделать выдох. Павел на секунду замер. Словно задержка дыхания защищала его от чего-то, что могло проникнуть в организм при вдохе – могло навредить.

Через полчаса Павел уже вышел во двор и сразу оказался около машины, припаркованной здесь же – у подъезда.

– Привет, дорогая, – он, в шутку, всегда обращался с ней, как с живым существом. Однажды пришла мысль – почему? С неделю время от времени перебирал в памяти все то, что могло бы дать подсказку – привести к ответу. Потом плюнул – отпустил мысли. А через какой-то день пришла догадка. «Точно! – обрадовался, – Это же корни мои языческие. Вот где сила. Сколько тысячелетий формировалось это мировосприятие. Сколько предков моих разговаривало с камнями и деревьями, с водными потоками и горами – со всем, что только можно было одухотворить». Появилось удовлетворение. Он словно проник в прошлое, познав зов пращуров. Ощутил силу инстинктов, связавшую с теми, кто передал ему драгоценную эстафету жизни – свою кровь. Теперь каждый раз вспоминал об этом, когда приветствовал по утрам машину. А сегодня, вспомнив об эстафете, подумал о сыне: «Спит, наверное». На улице еще темно. Свет фонарей, преломляясь в заиндевевших стеклах автомобилей, делал их не просто белыми – искрящимися. «Вектра» моргнула и радостно пикнула сигнализацией. Завелась с пол оборота. Павел вышел из нее, пока она прогревалась, чтобы не запотевали изнутри стекла.

Приехав на работу, он набросал план общения с новым набором рекламных агентов, которых брали на бесплатное недельное обучение. Это его инициатива – собрать их тридцатого, провести вступительное мероприятие по выявлению потенциальных сотрудников. А уже в январе продолжить полноценные занятия с теми, кто останется. Может, кто-то передумает – сам уйдет, а кому-то придется и помочь – есть и такие. Сегодня все выяснится. Самое неприятное во всей отборочной процедуре: тактично объяснить тем, кто уж точно не потянет работу, что это для них – трата времени, что зарплата зависит от результатов напрямую. Для фирмы же эта проблема выливалась еще и в потерю времени, за которое обязательно обойдут по этим адресам конкуренты. Обязанность агента – заключение договоров. А общение с директорами небольших предприятий – задача не из простых. Они – калачи тертые. Для них нужны веские доводы, почему «именно наш каталог предоставит достойный продукт». То ли дело крупные предприятия: тут уж – кто первый пришел. Павел усмехнулся – слово «продукт» его всегда забавляло. Но таковы законы маркетинга. Реклама – это реклама. А продукт – это продукт. Слово само по себе как-то ощути-мей звучит и для подсознания основательней выглядит...

– Можно войти?

Он посмотрел на часы – без четверти десять: «Сейчас нач-

нут собираться».

– Да-да! Проходите, – кивнул просунувшейся в дверь голове.

Парень вошел, осторожно переступая. Замешкался стеснительно, как бы ища место, куда сесть.

«Неуверен в себе, – отметил Павел, – Вряд ли за неделю что-то изменится».

– Располагайтесь, – показал рукой, – Выбирайте любой стул. Напомните ваше имя, пожалуйста...

– Максим...

– А фамилия ваша, Максим... – он заглянул в список, – Покровский?

– Ну, – несмело согласился тот.

«Да-а... – диагноз напрашивался сам собой, – Ладно. Посмотрим».

Вошла девушка. Улыбаясь, сообщила, что она Татьяна Никольская, «если Павел Петрович забыл», что «думала, что

уже опоздала». Спросила, куда можно сесть. И если бы не вошел следующий соискатель, вряд ли бы остановилась.

– Здравствуйте, господа. Не рано ли я? – пробасил парень и бросил свою сумку на первый попавшийся стул, – Пойду еще покурю. Где у вас тут можно, Павел Петрович?

– Направо и до упора, – Павел улыбнулся, – «Сколько лет, а никак не могу привыкнуть. Какие же все разные».

К десяти уже набралось тринадцать человек. Он подождал еще минут десять, и решил, что последних двоих ждать не будет: «Либо опоздают, либо вообще не придут».

– Внимание, – сделал паузу, пока народ сосредотачивался на нем, – Начнем, пожалуй, с того, что многие из вас, когда входили, обращались ко мне по имени-отчеству... Сообщаю вам, что у нас это не принято. Пожалуйста, по имени, но, конечно же, без фамильярности, – улыбаясь, заметил он.

Аудитория отреагировала.

– И еще, в связи с этим... У нас – да. Но, не дай вам бог, таким образом обращаться к директорам предприятий, на которые вы пойдете. Никаких таких – Николай, Иван или Александр, – Павел снова улыбнулся, – Давайте знакомить-

ся. Мне вы о себе рассказали на собеседовании. А теперь – вкратце для остальных.

По очереди все сообщили о себе, что хотели. А дальше Павел устроил тест. Предложил ролевою игру. Разбил людей на пары, объяснив условия общения – хотелось посмотреть, кто чего стоит до обучения.

– Представьте, что уже сегодня вы пришли на предприятие.

Каждый принимал роль либо рекламного агента, либо руководителя предприятия. А Павел сосредоточенно записывал все, что считал нужным, иногда отвлекаясь на замечания или отвечая на вопросы. Четыре часа, всего с одним перерывом, прошли быстро. И в конце он сделал краткий обзор особенно часто повторявшихся ошибок.

– На этом, пожалуй, на сегодня мы и закончим. Вопросы есть? Вопросов нет, – не сделал он по-армейски паузу, зная заранее, какой будет первым, – Встречаемся с теми, кто не передумает, в четверг третьего января, – люди засуетились, собирая вещи, – И еще... – Павел нарочито громко произнес эти слова и сделал паузу.

Все замерли, обернувшись к нему – как-то по-детски,

ожидая чего-то важного. И Павел, собиравшийся сотворить на лице дежурный оскал, вдруг улыбнулся от души, почувствовав, как теплота, вытекая из сердца, заполняет грудь и подступает к горлу.

– С наступающим всех. Желаю успехов в Новом году. И не только в Новом... Всем хорошо погулять.

Аудитория зашумела благодарностями. Раздались редкие аплодисменты. И народ, прощаясь, потянулся к выходу.

В дверях показалась директор. Она улыбалась, глядя на новые кадры и отвечая на приветствия. Впрочем, на работе она улыбалась всегда. Это ее стиль.

– Павел, загляните ко мне, как справитесь.

– Да я – уже. Сейчас – только закрою кабинет.

Последней выходила девушка, назвавшаяся Татьяной Никольской. И обещанного «сейчас» у Павла не получилось. Она тараторила как из пулемета, задавала вопросы, не успевая получать ответы. В конце концов, ему все же удалось культурно «выдавить» ее из кабинета. «С чувством такта у девочки слабовато, конечно. Но напориста». Павел замкнул дверь. И, войдя в соседнюю и улыбнувшись секретарше, по-

стучался к директору.

– Ну, что, Паша? Что ты решил? – с порога спросила она.

– Вероника, огромное спасибо тебе за предложение, но я не буду все-таки нарушать традицию, буду – у Славы.

4.

Отношения между Вероникой и Павлом сложились давно. Когда-то они начинали рекламными агентами в одном из городских каталогов. Пройдя все тернии профессии и наработав достаточную клиентуру за несколько лет, оба стали лучшими по количеству заключаемых договоров. И даже в девяносто шестом, когда, казалось, все рухнет, фирма удержалась на плаву не без их участия. По-очереди лидируя, они подспудно конкурировали, стараясь не показывать этого. Но всевидящее начальство подливало масла в огонь, поощряя негласное соревнование, тем самым разводя их по разные стороны невидимого барьера. Так продолжалось до тех пор, пока у Вероники не случился конфликт с одним из учредителей на почве сексуальных притязаний. Коллеги, как всегда бывает в таких случаях, разделились во мнениях. Кто-то сочувствовал. Кто-то злорадствовал. Ну а большинство, как водится, плевало на все то, что его не касалось напрямую. Павел же воспринял это по-своему. Как личное оскорб-

ление. Почему? Он и сам толком не смог бы объяснить. Просто Ник Ник – Николай Николаевич был ему по-человечески неприятен, если не сказать отвратителен. Хамоватый, с огромными амбициями в адрес своей собственной персоны, он раздражал его. Хотя по отношению к нему лично учредитель был лоялен. Мысль о том, что всему есть предел долго ждать реализации не заставила. И в один из понедельников, единственный обязательный для посещения конторы день в неделю, после планерки в вестибюле Павел подошел к Веронике.

– Пойдем, провожу. Нам почти по пути.

– А ты что – без машины сегодня? – она посмотрела как бы сквозь него, невесело улыбнувшись, – Что это ты, Паша? Решил приударить за конкурентом? – последнее время грустная, с каким-то оттенком обреченности улыбка нарисовалась на ее лице.

– Разговор есть.

– А-а, секреты мои профессиональные хочешь выведать. Хочешь в следующем выпуске быть лидером?

– Не смешно, – Павел взял ее за локоть, сокращая дистанцию общения.

– И ты тоже... – Вероника вопросительно посмотрела на него. Во взгляде сквозила вся накопившаяся горечь последнего отрезка ее жизни. И на глазах появились слезы.

«Кажется, я попал вовремя, – засомневался Павел, – Только мне истерики не хватало». Он вдруг понял, что ее мысли, на которых она сосредоточена последнее время, наконец, дошли до предела. Что его несанкционированное вторжение в личное пространство Вероники оказалось последней каплей, за которой последует переход количества в качество. Тем более, планерку сегодня проводил Николай Николаевич. И он подходил к ней.

– Вероника! Приди в себя! – одернул он ее, показывая серьезность намерения.

– У меня есть к тебе деловое предложение.

– А-а, деловое? – с сарказмом проговорила она сквозь слезы, доставая платок и вытирая под глазами, чтобы не размазать краску, – Ну, давай, реки... – она и впрямь успокоилась, и дежурно улыбнулась ему.

Они спустились по боковой лестнице со второго этажа, вышли на улицу и направились в сторону небольшого скве-

ра. Вероника молчала. Павел поглядывал на нее мельком, стараясь не вызвать нового негатива. Ему было жалко эту хрупкую девушку со следами глубокой печали на лице, подчеркнутой покрасневшими белками глаз и шмыгающим иногда и тоже покрасневшим носом. «Ну, сволочь! – зло констатировал Павел, – Так девчонку достал. А, вроде, и придраться-то не к чему. Все – шито-крыто». Он еще какое-то время молчал, как будто сомневался. А потом, словно боясь, что его кто-то остановит, выпалил:

– Я предлагаю нашим благодетелям козу сделать.

– Думанский... у тебя с головой все в порядке? – удивленно посмотрела на него Вероника, – Какую козу? Ты это что, по поводу Ник Ника?

– Нет! – он словно оправдывался, – Ты все неправильно поняла. Мне плевать на него, хотя и это сыграло свою роль, – Павел остановился.

– Ну-ну? Я тебя слушаю, Думанский. Продолжай.

Он еще несколько секунд молчал, соображая, с чего начать.

– Сколько мы с тобой уже здесь паримся? Три года?

– Даже уже три с половиной, – поправила Вероника, – Ну и к чему ты это?

– Да к тому, – не стал дальше тянуть резину Павел, – что, может быть, нам с тобой пора уже подумать о том, чтобы создать свою фирму – свой каталог? Кухню-то всю мы с тобой знаем. Что еще надо?

Вероника грустно усмехнулась:

– Деньги нужны, Паша. День-ги, – обреченно констатировала она, – И время. Пока все это будет согласовываться и оформляться, – и после паузы, во время которой он обдумывал, как ответить ей, добавила, – А мысль твоя мне нравится. Такая и у меня проскакивала. Только вот я чувствовала, что не потяну одна. А обращаться к кому-то в нашем серпентарии, – заметила язвительно, – боялась. Не верила, что пройдет без огласки.

– Ну и? – Павел посмотрел в глаза Веронике, – Дело-то реальное. Соглашайся. Тебе сам бог велел, – он улыбнулся.

Она, почувствовав его расположение к себе, тоже улыбнулась. А потом вдруг посмотрела на него простодушно, почти по-детски.

– Вот скажешь правду – подумаю... и искренне, не сдержав своего природного кокетства, снова улыбнулась.

– Какую-такую правду? – с нарочитой, в ее тоне веселостью спросил Павел.

– Пожалел меня?

Вопрос оказался неожиданным, но Павел успел сориентироваться и перевел разговор в плоскость шутки.

– А ты как думала? Конечно, пожалел. Ходит девочка с грустными глазами.

Она внимательно посмотрела на него – шутит или нет?

– А если серьезно... – предупредил он ее реплику, уходя от неопределенности дальнейшего обсуждения, – Кому как не нам с тобой объединить усилия. Тем более что и ты об этом думала.

Так в девяносто седьмом появилась новая фирма. К двум учредителям, исполнявшим обязанности директора и зама, прибавился бухгалтер и секретарь. Плюс штат из четырех-пяти более-менее постоянных рекламных агентов и в

районе пятнадцати человек, периодически меняющихся. И вот уже около трех лет фирма успешно выпускала каталоги. Дружеские отношения между Павлом и Вероникой, сложившиеся тогда вдруг и навсегда, поддерживались не показной, но достаточно ощутимой нежностью до той самой поры, пока Павел не ушел из семьи. И вот тут все изменилось. Вероника, так еще и не вышедшая замуж, настойчиво стала опекать друга. Это никак не озвучивалось. Но и так было ясно, чего она хотела. Павел же, с уважением и братской любовью относившийся к ней, начинал этим тяготиться. Ее предложение – очень уж откровенное – встретить Новый год вдвоем, не то, чтобы застало его врасплох, но как-то неприятно покорило. Назрел серьезный разговор, который не хотелось начинать в канун праздника. И Павел свернул все на традицию – он и до женитьбы, и потом – с Леной – этот праздник всегда отмечал у Ковальских.

– Да, Думанский, ты не исправим. А если Ленка там будет?

– Вероника, ну мы же все выяснили, – Павел не прятал неудовольствия, – Славик – мой друг, а не Ленкин, и мне такую свинью не подсунет. Да она и сама не пойдет, даже если пригласят.

– Ладно, Думанский. Когда разбегаемся?

– Я еще, пожалуй, часик посижу, поработаю с материалом.
А ты?

– А я уже пойду, – она нарочито – это было видно – потянулась, – Прошвырнусь по магазинам... Хоть чем-то порадуя себя любимую.

Павел понял – разговор окончен. Он был и доволен, и недоволен тем, как разрулилась ситуация. Досада на себя и на Веронику за случившееся не покидала его некоторое время даже после того, как она зашла попрощаться. Они обнялись и пожелали друг другу и фирме благополучия и процветания в наступающем году.

5.

На следующее утро проснулся Павел рано. Сработала многолетняя привычка. Сегодня будний день. «Тридцать первое, – сознание услужливо вбросило расслабляющую информацию, – Можно полежать. И даже вздремнуть». Появилось предпраздничное воодушевление, и сознание не преминуло связать эмоциональный подъем с Наташей. Воодушевление провоцировало спонтанно сменявшие друг друга чувства и мысли, выводило на сцену жизни из бездны памяти все новые и новые воспоминания, сопровождая новыми же ощущениями. Это были такие натуральные пережива-

ния в промежутке между сном и явью. Но поддерживать их оказалось непросто. Сознание то пыталось нырнуть в небытие – уснуть, то возвращалось к обычному режиму работы. И лишь в промежутках, неправдоподобно растягивавшихся, Павел оказывался в волшебной стране грез, где мысли приобретали жизненность. И настолько все, что видел и чувствовал, казалось реальным...

Заиграла мелодия будильника в телефоне. И сказочный мир, отпрянув, рухнул. Мысль, что надо вставать – собираться ехать в магазин, чтобы купить Алеше радиоуправляемое авто, вслед за приятными чувствами подняли волну негатива. «Вспомнить сына без этой чокнутой семейки – ну, никак, прости, господи», – Павел попробовал переключиться на работу. Но и тут оказалась засада. Отравленная негативом кровь подтолкнула к размышлениям о Веронике. К тому, что теперь как-то по-другому придется выстраивать отношения с ней. Вспомнился их последний разговор о Новом годе. О Славе. О Ленке. О сыне. Снова выплыл образ тещи. И Павел чертыхнулся: «Эта песня хороша, начинай сначала». Выругался. Наконец, уже невозможно стало терпеть – физиологическая потребность заявила о себе основательно.

– Все! – скомандовал, – Подъем!

Привычно быстро привел себя в порядок, оделся, налил в

чайник воды и поставил на плиту. Так же быстро позавтракал и решил немного убраться в доме – в магазин игрушек ехать рановато.

Через час он замкнул дверь и пешком сбежал вниз.

Декабрь не злобствовал. Даже на рассвете градусов восемь мороза. Снега сейчас нет совсем. И влажности, такой как днем, нет. Через промежуток между домами виден почти сухой асфальт улицы. После недавнего месива на дорогах ее проезжая часть кое-где даже белеет в свете уличных фонарей разводами соли.

Улица, по которой поехал, уходила вниз и шла, судя по краю неба, с запада на восток по направлению движения автомобиля – впереди светлее. Там открывалась перспектива зарождавшегося утра. Багрянец, пробиваясь между высотками, оттенял их, делая совершенно черными. Что-то холодное и зловещее пыталось просочиться сквозь гребенку зданий в праздничную атмосферу городской суеты, рано начавшейся в последний день старого года.

У дверей магазина – куча народа. На огромной парковке Павел чуть нашел свободное место. Пришлось покружить. Припарковавшись, посмотрел на часы. Уже – без десяти. Не хотелось выходить на мороз – в машине стало уютно.

Несколько минут сидел, не глуша двигатель. Вслушивался в Стинга, наполнявшего салон своим англичанином в Нью-Йорке.

Магазин открыли чуть раньше, и народ нетерпеливо устремился вовнутрь. Закрыв машину, подтянулся к входу и Павел.

В общей сложности – на все про все – у него ушло минут тридцать. Пока нашел. Пока упаковали. Пока постоял в очереди у кассы. Укладывая игрушку в багажник, подумал: «Слава богу, подарок есть. Осталось пережить позор общения с семейкой». Вслед за этим в сердце закралась надежда, что, может, повезет, и тесть окажется дома. При нем теща всегда вела себя сдержаннее. Не то чтобы она боялась Петра Даниловича – могла пошуметь и при нем, но это бывало крайне редко. «Наверно, подспудно срабатывает извечное в человеческой психике почитание власти? – попытался рассуждать Павел. Но тут же усмехнулся, осознав всю абсурдность своих философских изысков, – Нет. Здесь что-то другое».

Петр Данилович – так сложилось в его жизни – ходил в вечных замах. После партшколы больше, чем положено, пробыл инструктором. Потом начальником отдела. За это время его друзья продвинулись довольно далеко. Двое – к тому

времени уже прописались в Минске, а один – даже в Москве. Их тянули люди из второй волны, которая пошла за Громыко. Вот так Петр Данилович и получил должность второго секретаря в одном из районных комитетов партии города. И все. Ближе со своей мягкостью характера он друзьям нужен не был. Когда все стало ломаться в начале девяностых, пришлось поработать в «рогах и копытах» в разных должностях. Брели его, как правило, из-за наработанных за годы службы в партийных органах связей. В конце концов, друзья пристроили его к проходному кандидату в меры – в предвыборную команду. Опять же через связи он пришелся ко двору. Вот так и стал одним из заместителей мэра. Так и держался на должности в основном благодаря связям: к себе не звали, но здесь поддерживали.

Петр Данилович оказался дома, а Ленка и теща, как по заказу, отсутствовали.

– С наступающим, Петр Данилович.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Здравствуй, Алешенька. Посмотри, что я тебе принес.

Алеша радостно, но сдержанно отреагировавший на его появление, расслабился. Детское сознание, сконцентриро-

вавшись на любопытной коробке, уже отмело все проблемы, навязанные социумом. Он с восторгом отдался своей детской непосредственности, забыв все, что мешало радоваться жизни. Минут двадцать отец и сын увлеченно разбирались с машинкой, наслаждаясь единством, которое подарила Павлу не беспокоившая в это время память.

Вернулся Петр Данилович, уходящий куда-то.

– А где все? – Павел старался бодриться, как будто его на самом деле это интересовало. А впрочем, конечно, интересовало.

– По магазинам поехали, – тесть сделал паузу, – Паша... – чувствовалось, ему трудно выразить мысль. Но он преодолел себя, – Может, все-таки с нами – Новый год все же, – натянутая улыбка и неуверенность показывали, что Петр Данилович говорит, осознавая неприемлемость подобного сценария, но и не сказать об этом также не может.

Замешательство тестя напомнило, что в любую минуту могут вернуться женщины, а встречаться с ними Павлу совсем не хотелось. Его любимое «свезло» из лексикона Шарикова могло и не реализоваться, задержись он еще на несколько минут. И он стал прощаться. Прижал к себе и поцеловал Алешу. Пожал, поздравляя с наступающим, руку Петру Да-

ниловичу на его «очень жаль». И заторопился, якобы на работу – «на пару часиков – доделать кое-что».

«Свезло, – Павел тихо торжествовал, – Хоть что-то хорошее». Банальное – все познается в сравнении – сработало в своем классическом варианте. Казнь, на которую обрекала жизнь, не состоялась. И от этого пришло простое, но весьма жизнеутверждающее понимание, что она – жизнь – не так уж и плоха. По крайней мере, сегодня. И не важно, что будет дальше. Он пообщался с сыном и поговорил с тестем, почувствовав его молчаливое понимание происходившего. Иллюзия того, что все будет в порядке, на какое-то время освободила его от неприятных переживаний. От тех, которые владели его сознанием почти безраздельно, поддерживая негативный фон. Напоминая о своем существовании, появилась надежда. Конечно – внутренний радар, сканируя бессознательные сферы и натываясь на блоки негативной информации, продолжал формировать общий фон. Но, не смотря на это, из прошлого, подобно фантому, на какое-то время возвращалась уверенность, что решение – как и что нужно делать, чтобы снизошел душевный покой – существует.

Павел вышел из подъезда и оглянулся в надежде не увидеть «любимых женщин». Судьба благоволила ему сегодня. Сдав чуть назад, он развернулся и направился к арке, разделявшей дом пополам. И лишь выезжая на проезжую часть

проспекта, встретился с красной «маздой» жены. Машины разъехались не останавливаясь. «Слава богу, – мелькнула мысль. И где-то из глубин подсознания пришел чуть слышный язвительный шепоток, – С наступающим, мои дорогие». Стало не по себе. Словно исподтишка сделал что-то постыдное.

От неприятного ощущения освободил звонок. На экранчике телефона – «Полина Ковальская». «Что, интересно, скажет? Вроде, все вчера оговорили».

– Да, Поля.

– Привет, Паша. С наступающим тебя.

– Привет. И тебя... Есть коррективы какие-то? Только быстренько – я подъезжаю к перекрестку.

Полина позвонила, чтобы подтвердить время.

6.

Поезд шел без опоздания. За час до прибытия Наташа уже собралась и села у окна: оставалось только накинуть шаль и дубленку. Она, не отрываясь, наблюдала, как вспыхивают островки жизни исчезающих в ночи полустанков, цепляясь взглядом за яркие круги под столбами, проплывавшими за

двойными стеклами. Всмотривалась в гирлянды уходящих вдаль огней небольших городков, уже подпорченных вездесущей чужеродной рекламой. Огоньки возникали из зимнего небытия лесов, подступавших к несущейся стреле поезда, напоминая пирамидками разноцветных елок о скором наступлении эпохального события.

Но вот картина за окном резко поменялась. Ночь отступила под ярким городским освещением. Здесь даже небо светилось, отражая сотни тысяч, а, может, и миллионы лампочек. Везде. На столбах. В витринах. В окнах домов. В вереницах мчавшихся по городским магистралям автомобилей. В праздничной иллюминации. Поезд влетел в этот океан света так неожиданно – как будто пересек четкую границу. Наташа, на какое-то время ушедшая в себя, так и почувствовала. Подумала о сестре. О Славе, который должен ее встретить. Стала думать о Паше. Какой он? Как увидит ее? Хоть и говорит Полинка о его равнодушии к ней, но это все может оказаться иллюзией: «Вот рассмотрит меня теперешнюю, и прощай чувства». Наташа улыбнулась. Ей почему-то стало весело. Она представила его изумленное лицо. В сознании спонтанно произошла трансформация – любимый предстал в морщинках и с лысиной. «Ну не до такой же степени», – она снова улыбнулась.

Попутчики зашевелились. «Пора одеваться», – она отвер-

нулась от окна. В проеме открытой двери стали появляться, продвигаясь к тамбуру, люди с сумками и чемоданами на колесиках. Устремились к выходу и ее соседи по купе.

Наташа осталась одна. Она тоже уже была одета, но выйти опоздала – в коридоре вагона выстроилась очередь. А потому сидела и ждала.

– Товарищи... господа, дайте пройти. Что ж вы так торопитесь? Это же конечная – все успеют выйти, – слышался дежурно возмущенный голос проводницы, видимо, пытавшейся протиснуться в тамбур.

За окном ярко вспыхнул и поплыл перрон со стоявшими тут и там и бежавшими куда-то людьми. Заскрипели железом тормоза, и поезд, напрягаясь всей своей огромной массой, остановился.

Еще некоторое время пассажиры стояли, переминаясь с ноги на ногу, и, наконец, пошли. Парень, оказавшийся в дверях, с которым Наташа встретилась взглядом, приветливо улыбнулся, рукой предложив ей влиться в поток выходивших.

Уже перед самой платформой она попыталась высмотреть в толпе встречающих Славу. Заметила, когда тот помахал ей

рукой.

– Я здесь! – он засветился улыбкой, увидев ее, и стал протискиваться к вагону между плотно стоявшими людьми. И как раз успел. Подхватил чемодан и сумку, умудрившись при этом чмокнуть ее в щеку.

– Ну, привет. С наступающим тебя.

– И тебя, – Наташа засмеялась, оценив его жест.

Пока выбирались из толчеи и шли через подземный переход, Слава одолевал Наташу вопросами, одновременно успевая отвечать на встречные, вставляя реплики по поводу предстоящего празднования. И только одной темы ни один, ни другой не коснулись. Но она стала молчаливо присутствовать в паузах, когда вопросы поредели.

Уже у машины, укладывая в багажник чемодан, Слава не выдержал.

– Наташ... – посмотрел ей в глаза.

– ... – она вся внутренне напряглась. Опустила ресницы, прекрасно осознавая, что речь пойдет «об этом». Даже щеки загорелись, выдавая прозорливость. В образовавшейся паузе

«это» уже не просило – требовало обретения формы.

– Ты ни разу не спросила о Пашке, – он улыбнулся, сглаживая ситуацию, – Тебе совсем не интересно – будет ли он с нами?

Наташа подняла ресницы. Увидела его улыбку. Улыбнулась виновато в ответ, как будто ее за чем-то застукали.

– Да ну тебя, Славик... Отстань. Ты же сам все знаешь.

Двигатель еще не успел остыть. Мороза, считай, нет. Градуса три-четыре от силы. Просто влажность большая, потому и прохладно. Слава включил обогрев салона на полную, и сразу стало тепло.

Машина тронулась.

Наташа исподволь отмечала разницу, глядя на влажный от соли асфальт улиц и проспектов, на машины в серых разводах, на черные ветви деревьев. По сравнению с той – настоящей зимой, эта больше напоминала какой-то пасмурный начала весны вечер, но никак не тридцать первое декабря. Она уже отвыкла от таких зим. Когда уезжала, мороз стоял под сорок. Все белым бело. Красота. Провода и деревья в инее. Ни ветерка, ни влажности в воздухе. Просто сказка. А

здесь? Хотя и не сильный, но пронизывающий насквозь ветер. Потому что влажность чуть ли не сто процентов. А еще эта влага под ногами – от химреагентов. Из машины выходить не хочется. «Хорошо, что хоть сапоги с собой взяла».

Слава что-то мурлыкал себе под нос, не докучая больше своими светскими и совсем не светскими вопросами, видимо, конкретно отреагировав на Наташино «отстань».

– Ну, говори, что хотел, – она посмотрела на него и улыбнулась загадочно.

– Не понял... – Слава оторвался от своих мыслей. Посмотрел на нее удивленно, не сразу сообразив, чего от него хотят, – А-а, ты об этом? Да с нами, – заулыбался, – Конечно.

Это прозвучало так, как будто все недосказанное существовало само по себе, словно между ними установилась телепатическая связь. А язык – так – для разнообразия.

Они еще перебросились парой уточняющих фраз, и опять каждый ушел в себя.

Приветливые огни бульваров и проспектов. Огромные ели на площадях, светившиеся всеми цветами радуги. Вспыхивавшая и гаснувшая иллюминация в богатых из дорогого

стекла витринах магазинов. Все это вызвало у Наташи восторг, сосредоточившийся в середине груди. И она забыла о ситуации, освободившей почему-то внутреннее неудобство, как будто душа перенеслась в бескомпромиссную юность. Забыла о Паше. О том, куда и зачем едет. Сидела, очарованная вечерним в преддверии праздника городом. Его новыми, взметнувшимися ввысь на бывших пустырях зеркальными зданиями, отражавшими линии деревьев в паутине синих миниатюрных лампочек с обеих сторон улицы.

Наконец, они свернули в один из широких проемов между зданиями, и не останавливаясь, а только притормозив перед шлагбаумом, взметнувшись вверх, въехали в просторный, с огромной стоянкой двор и припарковались у одного из красиво оформленных подъездов.

– Ну, вот мы и приехали, – Слава заглушил двигатель. – Сейчас увидишь наше новое жильё.

В интонации прозвучали специфические нотки. Они как будто уточняли то, что было недосказано. Они словно говорили: «Сейчас ты увидишь, как я забочусь о твоей сестре, как ей хорошо со мной». Наташино подсознание так это и прочитало. Она поняла – надо что-то сказать хорошее ему, по-человечески теплое. Иначе этого «чего-то» будет не хватать в будущем в цепочке событий их общения. В сердце по-

явилась нежность к этому умному и хорошему человеку, не лишенному, как и все, простой человеческой слабости, которую он, как мог, пытался скрыть, но которая проступила между строк. «Возможно, он уже и сам пожалел, об этом», – Наташа внимательно посмотрела ему в глаза.

– Слав... я так рада, что у вас все складывается. И я горжусь, что у моей сестры такой муж.

Это прозвучало искренне, без фальши, и Слава принял ее слова с благодарностью, не смотря на то, что сам напросился на похвалу.

– Да ладно тебе, Наташка, дифирамбы петь.

– Слава, ты же меня знаешь. Я либо говорю правду, либо молчу.

– О да, знаю. И ценю это в тебе больше всего.

– Ну вот, – улыбнулась Наташа, – я уже и некрасивая.

– Ну, Наташка... Ну не можешь ты без своих подковырок, – засмеялся Слава, – Что уже опять не так сказал?

– Когда женщине говорят, что ее ценят за что-то больше,

чем за то, что она женщина, нужно делать выводы, – засмеялась она в ответ.

– Да-а, нельзя быть женщине такой умной. Все. Хватит меня смущать. Выходим. А то Поля там уже заждалась.

7.

Квартира у Ковальских огромная по меркам клетушек восьмидесятых, да и начала девяностых годов. Пять больших комнат, одна из которых почти сорок квадратов, с эркером, сегодня будет центром их праздничной вселенной. Как-никак событие грандиозное: смена тысячелетий. По сравнению с этим о смене веков даже и не думается всерьез. Полина постаралась на славу. И сейчас, глядя на то, как реализовал ее задумку дизайнер из «Декоррастиль», осталась довольна. Когда общалась с ним, представить себе не могла, насколько ее идею смогут трансформировать профессионалы, не убив саму идею. Она разглядывала украшения, продлевая приятное ощущение довольства собой. Центральный шар, с мелкими зеркалами и что-то еще, не схваченное мыслью, смутными ощущениями в сердце объединили прошлое и настоящее. «Что это?» – Полина подошла к большой вазе с фруктами. Машинально прикоснулась к мандарину. Словно погладила его. Усмехнулась, догадавшись о причине, очаровавшей память. И этот неповторимый аромат, и зеркальный

шар, и ожидание сестры – все сегодня взывало к воспоминаниям – ярким и чувственным. В сознании возникали эпизоды, удивляя тем, как могла забыть о таком. Вспомнились куклы – с золотистыми волосами, подаренные родителями в какой-то из Новых годов. Совершенно одинаковые. Только одна оказалась в синем платье и с синим бантом. Другая – в розовом, и, соответственно, с розовым. Почему-то эта другая понравилась обеим. Появилось тепло в груди, заставив улыбнуться. словно не своей собственной наивности, а просто наивности двух маленьких девочек, на которых смотрела со стороны.

Вернулось беспокойство: «Уже Славе пора бы и приехать... С Наташкой!» Восторг охватил все ее существо: пять лет не виделись, и вот сестра приехала.

Они со Славой предложили ей пожить у себя, пока все устроится. Наташа, в связи с уходом мужа, собиралась покидать «севера»: ну и не ехать же ей к родителям – в их маленький городок, где ни работы толковой, ни жизни. А тут еще у Павла с женой развод случился. Сопоставив факты, Полина прониклась тайным желанием. Ни о какой конкретике речь, конечно, не шла: не ей решать такие жизненные сложности. Просто видела их почему-то вместе. Может, это оттуда – из прошлой жизни, когда не было никаких сомнений: Наташа и Паша – пара...

Заиграла мелодия звонка. «Приехали, наконец-то», – Полина поспешила к двери. Даже не посмотрела в глазок, не подумала, что у мужа есть свои ключи: уверена была – это они.

За дверью оказался Павел с белыми розами и большим пакетом.

– Паша? – она не успела стереть с лица разочарование, – Заходи... А я думала это Славик с Наташкой.

Выражение лица у Павла поменялось.

– Наташа? – подсевшим от волнения голосом спросил он и кашлянул, – Приехала, значит?

– Приехала, – улыбаясь его реакции, кивнула Полина.

– Ты, вроде, и не рада мне, – Павел, только что оголивший душу, по привычке начал хохмить, словно стеснялся своего промаха.

– Паш, не перевирай. Конечно, я рада тебе. Заставляешь меня оправдываться... – она пристально посмотрела на него, словно не могла поверить в его – такое быстрое – преобра-

жение, – Славик поехал за ней на вокзал. Вот-вот должны быть. Я и подумала, что это они, когда ты позвонил. Не ожидала, что ты придешь раньше.

– Конечно... – Павел иронично улыбнулся, растягивая фразу, как будто отыгрываясь всем своим видом за предыдущую оплошность, – А, может, и я на что сгожусь? Чай, не чужой?

– Не чужой, не чужой, – восстановила Полина его статус, – Сейчас озадачу тебя по-свойски. Раздевайся, давай.

Павел снял куртку и стал искать, куда повесить – будто впервые был у Ковальских. Мысли крутились вокруг приезда Наташи. «Какая она теперь? – почему-то вспомнилась Ирина Сергеевна, – Поправилась – стала как мать – или нет? Да, нет, не может быть. Полина на какие-то три года моложе – не располнела же... – он вдруг осекся, – Ну и логика у меня». Почувствовал неудобство от своих размышлений. «Да и какая разница? – чертыхнулся, – Полная? Худая? Тебе-то какое дело?»

– Паша, иди сюда, – деловитый тон Полины из кухни напомнил, что его собирались озадачить.

Войдя, он увидел у плиты незнакомую женщину средних

лет и рядом девушку.

– Вот, знакомься, Паша. Это – Анна Семеновна, а это – Света – твой временный руководитель, – Полина засмеялась и нарочито серьезно добавила, – Все распоряжения выполнять неукоснительно и, главное, быстро. Анна Семеновна и Света через полчаса уходят, – на его вопросительный взгляд ответила, махнув рукой – потом.

В принципе Павел и сам догадался, что это наемные люди. И, скорее всего, повар и дизайнер. Конечно, где же Полине одной справиться. Да и гости будут – ну, не то, чтобы чужие, но и не свои. А Славик не любил падать в грязь лицом. И средств у него на это хватало.

Когда нес на стол очередное блюдо, из прихожей раздались радостные голоса. Судя по тому, что не было звонка – «они». Сердце замерло: «Славка, видимо, своим ключом открыл». Захотелось подойти. Но возникшее ощущение, спровоцированное кровью, отравленной адреналином, остановило. Как будто порог не смог перешагнуть. словно преграда встала на пути той юношеской непосредственности, которая вдруг выплеснулась из него, но которой оказалось так мало, чтобы преодолеть сомнение – а как это все сегодня будет выглядеть? Павел вдруг почувствовал багаж и лет, и семьи за спиной. Мгновенно вспомнил, как распрощались с Наташей.

Да и кто он теперь? Разве тот самый юноша, чей радостный щенячий восторг сейчас испытал?

«Абсурдная ситуация, Павел Петрович, – пришла досада на себя из-за минутной слабости, – Ищешь оправдания... Значит, струсил. Позорно струсил, стоило услышать ее голос». Показалось – вернулось то состояние души, когда он, юный и растерянный, не знал, что делать и как вести себя с объектом обожания. «Да ну – не может быть, – возмутилось сознание, – столько времени прошло».

8.

Хотя они и одноклассники, Наташа все же на полгода старше. И родилась она до сентября. А Паша – в декабре. И потому Наташа в десятом, а он – еще в девятом классе.

Сначала он просто обратил на нее внимание – она понравилась ему очень. А потом влюбился.

Его «9б» напротив ее «10а». На перемене Паша старался выйти поскорей, чтобы увидеть, как из противоположного кабинета выходит Наташа. Он с замиранием сердца смотрел на ее лицо, если она не обращала на него внимания. И сразу отворачивался или опускал глаза, когда их глаза встречались. А если кабинет литературы был занят другими, он шел

искать ее. Не мог пропустить ни одну перемену, чтобы не взглянуть на свою любимую.

Он никому не говорил об этом. Да и как можно? Это же тайна. Казалось – если кто-то узнает о его любви, она может разрушиться, стать чем-то обыденным, потеряться в словах. Совсем другое дело, когда мальчишки просто гуляли с девочками. Это нормально. К тому же – достойно уважения. Когда такой-то и такая-то где-то засвечивались, негласный рейтинг парня повышался. Это как бы игра во взрослость. Есть у тебя девушка – значит, ты уже на ступеньку выше. Ты уже не сосунок там какой-то. Ты – мужчина. Вселенские законы никто, конечно, не отменял. Статус статусом, но без притяжения природного нужен ли он был бы вообще. У Паши – все по-другому. Здесь не просто притяжение полов, а большое и светлое чувство, о котором он так много читал. Не так, как раньше – с другими девочками, когда, находясь рядом, просто хотелось проникнуть в святая святых их юных тел, обещавших непонятные, но такие притягательные чудеса.

В конце мая на летней танцплощадке Паша, наконец, решился – пригласил Наташу на медленный танец. Соло-гитара выплакивала битловское «Yesterday». Танцевали молча. Ему казалось, что, если он заговорит, вся прелесть улетучится. А ей на смену придет его косноязычие. А что оно при-

дет, не было никаких сомнений. Слишком хорошо знал себя. Когда появлялось волнение, исчезали слова. Он их просто забывал. Начиная мямлить, и от этого становился смешным. Этого и боялся. Но говорить сегодня было необходимо, потому что именно сегодня он должен проводить любимую домой. Не должен – обязан. И никаких отговорок.

– Наташа... – он боялся, как бы голос не выдал волнения, не подвел, сорвавшись на фальцет. Но в голосе – в его тембре зазвучал мужчина. И Паша почувствовал – сможет, – Позволь я провожу тебя после танцев?

Она подняла голову, посмотрела на него и улыбнулась.

– Позволяю, – усмехнулась.

И Паша почувствовал, что смеются не над ним. В ответе не было ни высокомерия, ни пренебрежения, когда сказала «позволяю». Скорее, шутливое удовольствие. «А я, дурак, боялся», – с невероятным облегчением вздохнул он.

– А меня Пашкой зовут, – сказал как-то даже залихватски.

– А я знаю, – подхватила она его тон, как бы передразнивая. И они, теперь уже оба, рассмеялись.

Когда закончилась музыка, Паша отвел ее туда, «где брал» и где уже стояли ее подружки. Посмотрел на часы: до конца – около сорока минут. Можно еще раз пригласить Наташу. А, может, и не один. Знал, что вряд ли притронется к ней наедине. И потому воспользоваться этой возможностью здесь было очень даже резонно.

Следующий танец – шейк – танцевали своей группой. А следующий – он прозевал. Какой-то парень постарше, которого Паша ни разу до этого не видел, «увел» его Наташу в круг. Потом снова махали руками. И только после этого удалось пригласить любимую. Он заранее, сразу после шейка, пошел в ее направлении. И хорошо сделал: краем глаза увидел, как опоздавший – тот же парень – развернулся и пригласил другую девушку. Вроде бы он шел к ней, а не к Наташе. Паша мысленно показал ему фигу: «Вот тебе». От удовольствия, что получилось опередить конкурента, на душе стало невероятно хорошо.

– А что это за парень с тобой танцевал? – после некоторого молчания не удержался он, – Ты его знаешь?

– Ух, ты! А это что – ревность? – лукаво вопросом на вопрос ответила Наташа.

У него перехватило дыхание. Почувствовал, как загоре-

лись уши и щеки.

– Да нет же... Просто спросил... Просто я его раньше ни разу не видел.

– Знаешь, Пашечка, так и я его впервые вижу, – в ее голосе проскочили покровительственные нотки.

И Пашечка вконец стушевался. Он бессовестно промолчал, оставив ситуацию без дальнейшего развития. Но это только вовне. Внутри же он себя уже обругал последними словами, где самое мягкое было, наверное, «идиот». Наконец, после непростительной, как ему показалось, паузы он вновь обрел голос.

– Наташа, если я тебя обидел, прости, пожалуйста.

– Да не обидел ты меня ничем, Паша. Я просто не предполагала, что ты такой серьезный и не поймешь, что я шучу... Я пошутила, – надавила она как-то особенно на последнее слово и посмотрела на него внимательно. И он не отвел по обыкновению взгляд. И душу обожгло прикосновением чего-то такого, что невозможно увидеть, нельзя понять или почувствовать. Да и слов-то, наверное, нет таких, чтобы описать, что произошло. Он вдруг осознал, что не любил Наташу до сих пор. Что только с этого момента началось это

настоящее всепоглощающее нечто, которое называют любовью. Сердце на мгновение замерло. Но это мгновение показалось чуть ли не равным всей его жизни – таким емким и всепоглощающим оно было.

– Наташа, – прошептал он восхищенно, не думая в этот момент – как выглядит в ее глазах – смешно ли, глупо ли. Великое открытие, подаренное божественной Вселенной, не было и не могло быть поражением, потому что шло не от него. Это высшие силы распорядились его сознанием и не давали времени на раздумья, имевшие слишком расточительную цену для короткой человеческой жизни. Паша этого, конечно, не знал, но опыт предков предопределил его неопытность. Свершилось одно из чудес. Мужчина шел к обладанию женщиной через ошеломляющий интерес, прежде всего, к ее душе, а не к ее телу. И Наташа почувствовала это, испытал благодарность к восторженному подростку. По физиологическому развитию она уже была сформировавшейся женщиной, чью более раннюю природу, более быстрое созревание определила природа выживания живых организмов. Он же еще по-настоящему не был мужчиной. И это проявлялось во всем великолепии его наивности. Его поглупевшего от влюбленности и соприкосновения с ней сознания, что делало его ребенком рядом с ней. Она так чувствовала. И это, наряду с благодарностью и нежностью за его возвышенную восторженную любовь, вызывало чувство досады. Хотелось

ощутить крепкое плечо, на которое можно опереться, почувствовать мужчину – фундамент будущего дома. Но видела перед собой только мальчика – восторженного и напуганного первыми серьезными чувствами. Она, как могла, пыталась не смутить его, оградить его неустойчивую психику от собственной язвительности, которая поднималась откуда-то из глубин бессознательности. И пусть делала все это спонтанно, полагаясь на спящий в ней, тысячелетиями формировавшийся материнский инстинкт. Пусть не понимала еще по-настоящему своих действий. Но все же вела себя так, как подсказывала совесть, а не стержозность, вдруг ставшая пробуждаться в ней из-за наготы его души.

Танцы закончились, и они пошли темными улочками, кое-где освещенными редкими фонарями. Теплая майская ночь окутывала их тела густыми запахами проснувшейся земли. Еще не распустившейся до конца листвы. Первых цветов в палисадниках. Они чаще молчали, лишь иногда перебрасываясь короткими фразами. Паша испытывал блаженство. Никак не мог насладиться близостью с любимой. Наташа же – непреодолимую тоску от несоответствия того, о чем мечтала, и того, что было на самом деле.

На следующее свидание, которое было как-то совсем нечетко оговорено, она не пришла. Пашина одноклассница сообщила ему по секрету, что Наташе с ним было не инте-

ресно. И горделивый юношеский максимализм не позволил больше набиваться на свидание с избранницей. Судьба предлагала лишь одно – страдать в одиночестве, не показывая вида. И Паша решил, что такова его участь – прожить всю жизнь в неразделенной любви. А что это на всю жизнь, у него не было никаких сомнений.

9.

Сколько лет прошло, но стоило только прозвучать голосу Наташи, как фонтан чувств его души, взметнувшись ввысь, вспыхнул радугой, пронзенный ярчайшим светом ее присутствия. В нем смешалось все. Знойная истома горячего лета и освежающая влага водного потока. Раскаленные пески Сахары и пустынные снега Антарктиды. Павел ждал ее выхода, как его предок – язычник – ждал когда-то восхода солнца, чтобы поклониться ему – выказать свой восторг его божественному великолепию. «Неужели такое еще может быть? После стольких лет...» – подумал. И эта мысль почему-то сразу отрезвила. Заблуждение чувств, отбросившее его только что в прошлое, сошло на нет, передав сознанию лишь маленькую частичку себя – несуетливое ощущение надежды. Прекрасное и великодушное, в котором уже не было места безудержности юношеского «хочу».

Наташа в сопровождении Полины вошла в комнату. Сви-

тер, джинсы, тапочки. И никакого сияния, никакого нимба. Никакой претензии на божественность. И все же сияние было – улыбка, которую она дарила ему.

– Привет, Паша, – она подошла и поцеловала его в щеку.

И он ответил. Почувствовал ее близость – волнующее соприкосновение полярных энергий.

– Здравствуй... Наташа.

В ее глазах, затянутых легкой паволокой чувственности, увидел, если не любовь, то, по меньшей мере, глубокую симпатию. «Сейчас она любит все и вся, – догадался Павел, – Любит свои воспоминания, свое прошлое».

– Выглядишь великолепно, – он шутливо окинул ее взглядом, – Не хочу говорить банальные вещи, но север своими холодами и впрямь консервирует. Ты этому прямое подтверждение.

– Паш, ты как всегда, витиеват, – она широко улыбнулась, довольная комплиментом или тем, как он на нее смотрел, – Ну, скажи просто, что я красивая.

– Ты – кра-си-ва-я, – Павел изобразил угловатые движе-

ния работа.

Наташа рассмеялась.

– Великолепно, Пашечка. Ты не стареешь, – она взяла его руку в свою, – Ну как ты?

Павел уловил в ее вопросе тончайшие нотки жалости. И судя по взгляду, вырвались они из ее души бесконтрольно, о чем она, заметив, пожалела.

– Небось, Славик тебе уже все расписал обо мне?

– Ну не расписал... но ответил на мои вопросы, – Наташа сказала это лукаво, удержав руку, которую он хотел машинально высвободить, – Паша, когда все перемелется, сам знаешь, что будет.

Подошла Полина.

– Наташ, я тебе все приготовила. Все в ванной. Давай в темпе – скоро уже гости начнут собираться.

– Спасибо, Полюшка. Иду... Потом договорим, Паша, – она отпустила его руку, – Мне будет очень интересно услышать все, что ты расскажешь о себе.

Павел вдруг почувствовал, что с ним твориться что-то странное. В самом низу горла – между ключицами неприятно запершило, напомнив о давно забытой обиде. Контрольное слово, произнесенное Наташей, вытащило из памяти образ одноклассницы, насмешливо сообщавшей, что «ей с тобой не интересно».

10.

Юношеский максимализм воспринял отказ, с одной стороны, как смертельную обиду, а с другой – повысил статус объекта обожания. Отсутствие жизненного опыта доводило ситуацию до абсурда, рисуя мучения неразделенной любви до конца дней и сцены раскаяния Наташи у его смертного одра по истечении жизни. Паша мысленно разговаривал с любимой, доказывая, что она не права, что он интересный человек – просто ей не удалось этого увидеть. Но условие, которое подбросила судьба в лице Наташи, уже сработало, определив его жизненный путь на долгие годы вперед. В Пашином сознании выстроилась логическая цепочка. Оказалось, чтобы понравиться, надо быть интересным. А, чтобы быть интересным, нужно многое знать и уметь. А это подразумевает – учиться. Учиться, чтобы быть интересным. И Паша, что понимал тогда под этим, то и начал интенсивно постигать. Стал много читать по вечерам. Освоил, благода-

ря другу, пару десятков гитарных аккордов, чтобы можно было петь дворовые песни. Записался в секцию бокса. Захотелось схватить все сразу, чтобы вызвать интерес к себе. Жизнь поставила перед ним задачу, которую спровоцировал самый мощный стимул на земле – любимая женщина.

Правда, успеваемость стала сдавать свои позиции. Но поступление в ВУЗ в обозрение Пашиных интересов еще не попало. Была мечта – уехать куда-нибудь с геологической партией. Кем угодно, но уехать. Юность рисовала невероятные испытания, из которых Павел Думанский – бородатый мужчина, в свитере «а ля Хемингуэй» всегда выходил победителем. И о его победах каким-то образом тотчас же узнавала Наташа. Она восторгалась ими, и желала встретиться с Павлом Петровичем. Но его дела никак не позволяли этому случиться. От неисполнимости желания Наташа мучилась, описывая свои страдания в письмах. Он же всегда отвечал ей сдержанно, по-мужски, предлагая еще немного потерпеть, пока он найдет для страны еще одну кимберлитовую трубку.

Летом, первые месяцы после своего фиаско, Паша часто бродил по берегу реки недалеко от дома любимой, тайно надеясь на случайную встречу, ведь случайные встречи ни к чему не обязывают. Подумаешь: ну, шел, ну, случайно встретились – привет, привет. «Ну как тебе, Наташенька, живется без меня?» «Плохо, Пашенька, извелась я совсем. Я – такая

дура, но только теперь это начала понимать».

Когда он забывался, и его так далеко заносило, он плевался, удивляясь разошедшейся фантазии – как такое в голову взбрело, и поносил себя разными при этом словами.

Ближе к осени его переживания больше стали носить оттенок философских рассуждений – сказала появившаяся любовь к чтению и склонность к творческому осмыслению всего того, с чем соприкасался внутренний мир. Его поражали непререкаемые величины космоса, за которыми он чуть ли не каждый вечер наблюдал, лежа на носу какой-нибудь «казанки» на берегу реки. Нравилось ложиться и улетать мыслью в эти незыблемые просторы Вселенной, где жизнь его и его страдания оказывались ничем. Эти две полярности – величие и ничтожность страданий, интегрируясь, приводили к такому покою в душе, что Паша первый раз, когда это случилось, даже подумал, что любви больше нет. Но это была лишь короткая передышка.

Осенью он уже довольно сносно для улицы играл на гитаре. А его тембр голоса и талант импровизировать давали в итоге неплохое исполнение. Постоянные занятия боксом заметно изменили фигуру и манеру общения с окружающими. Появилась уверенность в себе, и, конечно же, немало поклонниц.

Страдания, сотворенные обидой и позором отказа, начинали притупляться, трансформируясь в светлое чувство притяжения. Он продолжал мечтать о Наташе, как и прежде не докучая ей собой. Мысль о случайной встрече не покидала. Но уже как реальность, а не как детское – «вот умру – поплачете тогда».

Уже в сентябре, в последние еще по-летнему теплые дни почти каждый вечер парни и девушки собирались на дебаркадере. Под крышей железной плавучей пристани для «ракет» – теплоходов на подводных крыльях – было темно, была хорошая акустика, и потому гитара и голос звучали лучше, чем где-либо. Звуковые вибрации, отражаясь от металлических стен создавали эффект пустой комнаты. К тому же почти полная темнота позволяла полностью раскрепоститься.

Дворовая песня, где припевом шел рефрен «некрасивая, несчастливая» пользовалась у местных девчонок особым вниманием. И сегодняшнее исполнение этого уличного шедевра исключением не явилось – вызвало восторги, потому что Паша всегда выкладывался по полной, внося в песню всю горечь своей неразделенной любви.

После небольшой паузы, завершившей выступление, девчонки наперебой стали просить исполнить каждая свое.

– Все! – Паша протянул инструмент парню, который сидел на перилах – напротив, – Следующий!

Раздались недовольные возгласы. Коля, его одноклассник и товарищ по секции бокса, склонился к уху:

– Наташка твоя здесь. Почти всю песню слышала. С Полинкой пришла.

Кровь прилила к щекам и ушам. Паша даже ощутил покалывание в них: «Слава богу, что не знал, – обрадовался, – Не буду петь, пока не уйдет».

Свершиться его утверждению, может быть, и было суждено. Но не в этом месте и не в это время. Две девушки в светлых, а потому заметных в полутьме дебаркадера платьях уже отобрали гитару у парня, воспользовавшегося паузой и брэнчавшего что-то, подвывая, и совали Паше.

– Паш, давай еще что-нибудь...

– Давай что-нибудь из старых.

С минуту он отнекивался. Но девушки настаивали. К ним присоединились и другие. И дальше сопротивляться стано-

вилось неудобно. Либо нужно было делать, что просили, либо собираться под каким-то предлогом и уходить. А уходить не хотелось: хоть и не видел Наташу, но она была здесь – рядом. Он словно осязал ее всем своим существом.

– Паш, а давай «Пропажу», – сказал кто-то из девушек, – Пропажу... Пропажу, – раздались наполненные проникновенными чувствами голоса.

– Ну, ладно. Ладно, девчонки. Будет вам «Пропажу», – он словно извинялся – за то, что заставил себя просить, потому что в присутствии Наташи песня для него самого обретала такую актуальность, что исполнить ее перед любимой – подарок судьбы. Песня о двух влюбленных, потерявших друг друга, так соответствовала его переживаниям, что просто в яблочко. И он запел, возрождая в простоватых, с поучительным смыслом строках нехитрую жизнь: через собственную боль, через уживавшиеся, благодаря юношескому максимализму, отчаяние и надежду – через все то, что уже успел выстрадать и понять. Ему не нужно было призывать эмоции – они и так зашкаливали. Не он – они играли им: его, с еле заметным надрывом, голосом – инструментом обласканной любовью души. А когда в тексте вслед за кульминационным моментом пошла развязка, он уже напрямую обращался к Наташе, пророча ей – без него – страдания.

И когда-нибудь ты, совершенно одна,
В чем-то старом, чисто убранном доме,
Подойдешь к телефону – смертельно бледна,
Наберешь затерявшийся в памяти номер...

Все тот же столь знакомый, но столь незаметный для неискушенного юного ума принцип «вот умру – поплачете» работал неизменно. Бесхитростные слова песни находили живой отклик в душах слушателей, а больше – слушательниц, заставляя их сопереживать герою, чьим воплощением оказывался Паша.

И ответит тебе чей-то голос чужой:
«Он уехал с другой – нету адреса даже».
И заплачешь тогда ты: «Друг единственный мой!
Где тебя отыскать, дорогая пропажа?»

Гитарный перебор и исполненный страсти голос, отражаясь от металлических стен дебаркадера, чуть вибрировали в объемной пустоте. И даже парни, которые обычно оказывались глухими к песенному творчеству, и приходили на посиделки «потискаться» с девчонками, и те сидели, как мыши. Видимо, и они сопереживали Пашиной неразделенной любви.

Годы быстро летят, как в степи поезда.

Дни за днями плывут – друг на друга похожи.
Без любви можно тоже прожить иногда,
Если сердце молчит и тоска не тревожит.

Паша еще раз повторил последние две строчки и умолк, вслушиваясь в исчезающий постепенно звук еще продолжавших резонировать железных стен, потолка и пола плавучей пристани. Наконец, тишина вытеснила последние звуки. Так продолжалось секунд пятнадцать – может, двадцать. Стали слышны тихие всплески воды о бока дебаркадера и далеко-далеко – шумы проезжавших по мосту автомобилей. Потом послышался звук заканчивавшегося поцелуя. Раздались смешки и комментарии, и снова пристань загудела голосами, повторенными металлом. Снова стало весело и шумно.

Потом пришел Сашка Колчанов – тоже с гитарой. Инструменты подстроили под аккомпанемент возни – всяких реплик, смеха и девчачьих взвизгов. И еще часа полтора, а то и два, Паша с Колчаном «лобали». То вместе. То отдельно. Но Сашку девчонки просьбами не донимали. Он сам себя мучил.

Когда уже начали расходиться, из внутренней темноты дебаркадера вышли Полина с Наташей. Вкрадчивый лунный свет, струившийся сквозь дымку высоких перистых облаков, отенил две прелестные фигурки, заставил сильнее биться

сердце.

– Спасибо, Паша, – тихий грудной голос напомнил прошлое, – Не знала, что ты так здорово управляешься с гитарой. Но главное – поешь... За душу берет.

В голосе Наташи он уловил искренность с оттенком восторга, и был рад, что здесь мало света – почувствовал, что опять краснеет.

– Да так – ничего особенного.

– Да ладно, Пашка! – вклинилась в разговор Полина, – Хорош цену себе набивать.

– Нет, правда, хорошо, Паша, – подтвердила еще раз Наташа.

Так приятно было услышать голос любимой, обратившей на него внимание. Захотелось проводить ее, поговорить с ней. «И повод, вроде, не хилый». Но в последний момент подсознание вытащило из прошлого неоспоримый аргумент, и Паша не смог наступить на грабли второй раз.

11.

К половине одиннадцатого уже почти все собрались. Жда-

ли только одну пару. Кого-то из Славкиных деловых друзей. Из своих, не считая хозяев, оказались только он да Наташа. «Ну и слава богу». Наемные уже давно ушли. Стол накрыт. Мужчины перебрались на балкон – курить. Оттуда периодически раздавался смех. Судя по всему, там правил бал его величество анекдот. Женщины, не считая хозяйки дома, по телефону поздравлявшей кого-то, да Наташи, еще не выходящей из своей комнаты, сидели на диванах и в креслах в другом углу, комнаты о чем-то негромко разговаривая. Павел, не примкнувший ни к одной группе, разглядывал детали на фарфоровых фигурках в стеклянном столбике – гордости Полины. И думал одновременно о Наташе. Ждал, когда выйдет. Вслушивался, пытаюсь уловить звук открывающейся из ее комнаты двери. Но, видимо, отвлекся – задумался. Почувствовал, как кто-то взял его под руку. Оглянулся. И не смог скрыть восторга.

Наташа сделала шаг назад.

– Ну как я? Впечатляет?

Она не могла иначе. Была довольна, прочитав его восторженное состояние. И, как всегда, подтрунивала. Чуть-чуть. Самую малость. Тем самым выбивая когда-то из колеи в далекой юности. Но не сейчас.

– Вы просто обворожительны, мадам, – Павел постарался – показательно изобразил галантность. Он резко кивнул, уткнув подбородок в галстук, и взял Наташину руку для поцелуя, чуть склонившись в полупоклоне.

Она сдержанно засмеялась.

– Думанский, ты когда уже повзрослеешь?

Павел сделал удивленный взгляд, приподняв плечи.

– Мужчине подобает пропускать даму вперед. Только после вас, мадам.

– Ну, хватит, Паша. Утомил, – Наташа улыбалась, – Расскажи лучше – как поживаешь.

– Нет, Наташа, так не честно. Ты уже хоть что-то обо мне знаешь от Славика с Полиной. А я о тебе? Мне они ничего не говорят. И, думаю, что без тебя здесь точно не обошлось. Так что – начинай ты.

Наташа еще продолжала улыбаться, но улыбка ее изменилась – не было в ней прежнего налета шарма, она как бы потускнела.

– Нет, ты, Думанский.

– Не-ет, женщина, не перечь мужчине.

– Да ну тебя, Паша, так совсем не интересно, – она будто обиделась, даже губки надула, изображая нарочито неудовольствие.

Раздался стук створки о створку двойной балконной двери. Наверное, уже пришло время садиться за стол.

Последним вышел хозяин.

– А не пора ли нам уже начинать? – вопрос прозвучал риторически. Но, скорее всего, адресован был Полине, припкнувшей к женскому обществу, – Полиночка, – уточнил Слава, – командуй, а то мы так и старый год не успеем проводить... – он посмотрел на часы, – Ого! Конечно.

Послышались одобрительные возгласы, и народ засуетился, рассаживаясь по местам, которые предлагала Полина. Павла, конечно же, усадили рядом с Наташей, при этом еще и пригрозили, что, «не дай бог, сестричка в чем-нибудь будет нуждаться».

Приятная суета, пришедшая на смену неудобству ожида-

ния, прервалась постукиванием ножа о бокал.

– Ну что, у всех налито? – Слава поднялся, сделав паузу, пока гости не успокоились.

Говорил он недолго, учитывая общее настроение – быстрее приступить к трапезе. Тост был не длинным – «король умер». Он был хорош, но следующий должен, учтя все ошибки прошлого, стать лучшим. Смена не только веков, но и тысячелетий – очень символичная веха в истории человечества, и это ко многому обязывает тех, кому повезло жить на этом рубеже.

Павел на самом деле ощутил торжественность момента, который оказался настолько коротким, что он тут же о нем забыл. Потому что пришлось тянуться рюмкой к рюмкам и бокалам тех, кто тянулся к нему. Потом пить и закусывать. А еще надо было ухаживать за Наташей, хотя, наверное, ухаживала больше она за ним. Они перебрасывались ничего не значащими фразами, реагировали на просьбы что-то передать. Потом был еще один тост за старый год. Потом, наконец, включили телевизор, чтобы по привычке послушать поздравление из Москвы, но главное – ощутить мгновение перехода в Новый год, в Новый век, в Новое тысячелетие...

То, что произошло, абсолютным шоком, конечно, не ста-

ло: смены власти ждали. Правда, не так скоро. Но все же новость шокировала. Борис Ельцин просил у россиян прощения и досрочно уходил в отставку: его обязанности теперь будет исполнять до выборов премьер министр.

Голоса за столом утикли. Стало приходиться осознание, что символический переход в новое тысячелетие, теперь становится реальным переходом в новую эпоху. И не только для России. Для всего мирового сообщества. Меняется лидер одной из супердержав на земле, где смена руководства обещает не просто перемены. Эти перемены – тайна за семью печатями.

Однако замешательство за столом оказалось недолгим – сообщение вписалось в ожидаемое состояние прихода чего-то нового. И через несколько минут все вернулось в свою колею, лишь, может быть, с легким налетом чувства, что получено чуть больше, чем предполагалось, и что завтра что-то начнет меняться.

Уже открыто шампанское. Налиты бокалы. Уже куранты начали «обратный» отсчет. Вот она – торжественность момента. Все замерли, чтобы через несколько секунд взорваться возгласами и поздравлениями. И в этот момент Павел физически ощутил безразмерность времени. Почувствовал свою связь с людьми, жившими до него, живущими сейчас

и теми, что еще придут. Почувствовал связь с отцом, где-то сейчас сидящим перед телевизором. С сыном, который, скорее всего, уже уложен спать Леной. Представил тех, кто встречал второе тысячелетие, и тех, кому суждено встретить четвертое. За столь короткий временной промежуток душа пережила эпохи, сжавшиеся до мгновений, не потеряв при этом своего величия. Он украдкой взглянул на Наташу. «Вот оно: у Бога тысяча лет – как один день, и один день – как тысяча лет. И лишь любовь безотносительна и безвременна. Она как тайна неуловимой истины. Переходя из поколения в поколение, она вершит чудеса, где рождение и смерть – лишь утро и вечер в бесконечной череде градаций жизненности».

Наташа, уловив его присутствие в себе, повернулась. Ее глаза, с еле заметной паволокой, выражали нежность и какую-то неведомую ему печаль, схваченную независимо от его желания сознанием. И даже не сознанием, скорей всего, а его глубинной сутью – той, что в мгновение ока все составляет по своим местам, как бы ты ни хитрил и какую бы маску не надевал.

Павел кивнул ей, приподнимая бокал. И так захотелось обнять ее. Почувствовать губами ее губы, что в какое-то мгновение ощутил фантом этого желания. Показалось, что и Наташа – тоже этого хочет.

Последний удар курантов потонул в криках «ура», в возгласах «с Новым годом», в звоне бокалов. Каждый хотел чокнуться с каждым, как будто, если этого не сделать, то что-то будет не так. Или просто иначе нельзя. Потому что эйфория, охватившая сейчас в едином порыве огромную массу людей в их часовом поясе, ввела этот крохотный с точки зрения Вселенной островок жизни в тот всеобъемлющий транс, имя которому – любовь. Все живое было влюблено друг в друга. И пусть это длилось лишь мгновение, но великолепие этого мгновения запомнится его участникам до конца их дней.

– Наташенька, с Новым годом тебя.

– И тебя, Пашенька.

Он одной рукой обнял ее и осторожно губами прикоснулся к ее щеке. Она ответила тем же.

Чокнулись.

– Паша, – в порыве самоотрекающейся нежности заговорила она, – дай бог, чтобы у тебя все было хорошо... чтобы у тебя наладилось в семье... у тебя же сын. Пусть все образуется.

Это пожелание в одно мгновение привело Павла в чувства

– сдернуло с небес, на которые он только что взлетел, и брякнуло о грешную землю.

– И тебе, Наташа, всего самого хорошего – тебе и твоему мужу, – знал, что детей у нее быть не может, и поэтому сказал «тебе и твоему мужу», а не «твоей семье» – интуитивно, чтобы не напоминать лишний раз об этом.

Осторожно начиная отдельными салютами, город, наконец, взорвался канонадой пиротехники и криками «ура», растянувшись, постепенно ослабевая, до самого утра.

Гуляли всю ночь. Ближе к пяти стали закругляться, стоило только одной из пар начать вызывать такси. Дозвониться было сложно, и дамы забеспокоились: видимо, алкоголь обострил инстинкт выживания.

Полина предложила звонить с нескольких телефонов в разные агентства и заказывать сразу шесть машин. Ну, или как получится.

– А мне? – возмутился, недоумевающая, Павел, – Почему шесть? – решил, что про него забыли. Но если всем пора, то чем же он хуже других. Ему тоже нужна машина. А он уже по пальцам посчитал – машин нужно семь.

– Ты остаешься, – безапелляционно заявила Полина.

Его нетрезвое «мне надо домой» ее не остановило.

– Тебя ждет там кто-то? – спросила и сама же ответила, – Нет. Не ждет. Ну и куда тебе надо?

– Ладно, – Павел, как бы отталкивая от себя Полину, махнул рукой, – Значит, посидим еще, поболтаем в узком кругу, – в конце концов, уходить ему совсем даже и не хотелось – просто попал под общее настроение. И спать не хотелось. Коньячок поддерживал пока энергию на уровне бодрствования.

Слава с Полиной вернулись из прихожей, проводив последних гостей.

– Славик, а ты что – солидарен с женой? Предал друга. Не защитил от насилия.

– Паш, ну хорош кочевряжиться. Пошли – по соточке, – Слава посмотрел по сторонам, – А где Наташка? Ната-аш, ты где?

Она вышла из кухни.

– Я здесь.

– Во-от ты где прячешься... пошли еще по соточке, – он взял под руки Наташу и затем Полину, – Пошли, девочки. Посидим. Поговорим. Наконец-то, можно по-настоящему расслабиться... Пашка! – Слава развернул женщин и уронил себя и их на диван, – На-ли-вай. Дамам вина, а нам с тобой – покрепче.

Проболтали, прикладываясь понемногу, часов до семи. Ностальгировали. Веселились. Даже потанцевали. Пока Полина, наконец, не сказала:

– Все. С меня хватит. Я устала. Да и Наташка уже, вижу, сама не своя. Мы пойдем спать, – она посмотрела на сестру, ожидая подтверждения.

– Да. Пожалуй, ты права – пора и честь знать.

– А вы как хотите, – бросила Полина, уходя. И добавила, обернувшись, – Паша, я тебе постелила в маленькой комнате.

– Спасибо, Полиночка... Благодарен безмерно, – Павел сделал полупоклон – он уже был в тонусе. Но все же со Славой еще одну рюмочку выпил – не смог отказать другу. В

конце концов, появившееся чувство пресыщения праздником заставило принять правильное решение – пойти спать.

– Слав, – он пьяно прищурился, – пойдём и мы баиньки...
Что-то я сломался совсем... Ног не чую.

– Согласен, братан, – Слава поднялся с дивана, – Давай обнимемся.

Он похлопал Павла по спине обеими руками.

– Так хочу, чтобы у вас все сладилось... с Натахой... Я имею в виду – мы хотим... с Полькой.

– Я тоже хочу, Слав... Но... – он отстранился, поднял вверх указательный палец, сделав при этом многозначительную паузу, – Как говорят французы, ищите женщину... – развел руки, – Я ничего не решаю.

– Дурак ты, Пашка, – Слава посмотрел на него с сожалением, – Ладно, пошли спать – утро вечера мудренее.

На этом проводы второго и встреча третьего тысячелетия завершились. Лишь озарение от прикосновения к чему-то великому, которое испытал Павел во время боя курантов, хоть и потускнело, все еще не померкло в его душе, ослеп-

ленной вспышкой истины. Той истины, имя которой вечность. «И которую, как ни старайся, – подумал, – не уложишь в прокрустово ложе мгновения. Даже если это мгновение – вся твоя жизнь».

12.

Усталость, которая, казалось, готова была свалить с ног, растворилась вместе с желанием уснуть, стоило только встать под прохладный душ. Наташа стояла под тугими струями. И каждой клеточкой кожи, соприкасавшейся с их давлением, ощущала живительную силу воды. Мысли, уже было начинавшие путаться в голове, стали выстраиваться в подобие логической цепочки. Она даже подумала об этом, и тут же усмехнулась своим рассуждениям. «Ну, ни смешно? Ну, какая, к черту, логика? Одержимость – не иначе... Он же здесь, рядом. Протяни только руку. Теплый, живой... Любимый». Поймала себя на мысли, что готова прямо сейчас пойти в эту маленькую комнатку, где он, наверное, уже заснул, юркнуть под одеяло. И целовать, целовать. Лицо. Руки. Губы. «Фу, ты... Наваждение». Пришло понимание, что вряд ли на это решится. Но как ведь хочется. «Плюнуть бы на все... И пойти». Она тщательно вытерлась. Накинула выделенный Полиной халат. Запахнулась, не завязывая пояса. И вышла из ванной.

Дверь в маленькую комнату оказалась чуть приоткрытой.

И Наташа остановилась. Замерла напряженно. Прислушалась. Где-то вдалеке все еще салютовали. Но в квартире относительно тихо. На цыпочках подошла к самому проему. Затаила дыхание. Ровное, хорошо слышимое посапывание выдавало спящего человека. «Спокойной ночи, любимый», – она еще постояла у двери, испытывая муки желания и стыда одновременно, боясь собственного безрассудства и возможности быть застигнутой врасплох. И, наконец, переборов чувства, сдвинулась с места – пошла в свою комнату. «И ведь все вокруг за. И Полинка. И Славик...» Она поймала себя на мысли, что не могла ничего глупее придумать, чем апеллировать к мнению посторонних людей. Даже если эти люди – самые близкие родственники. «А Пашенька? Он какой-то непонятный. Вроде и смотрит на меня влюблено, но держит дистанцию. Почему? Может, надеется вернуться к жене? К сыну?»

Сон не приходил. Слишком щекотливым для возбужденных чувств было то, о чем думала. Но чем больше осмысливала происходившее сегодня, тем больше убеждалась, что она лишняя. «Да, – рассуждала, – у Паши сейчас кризис. Но это пройдет. И все наладится. А значит – не надо путаться у него под ногами».

В конце концов, решение было принято. И каким бы противоестественным оно ни казалось, оно принесло облегче-

ние уставшей от шатаний чувств душе. Наташа еще некоторое время пыталась размышлять об этом, но навалившаяся усталость смежила потяжелевшие веки, и сознание растянулось во все стороны, растворившись во вселенной.

Проснулась она ближе к обеду. Последней. Что-то не поделили племянники. И их разборки, несмотря на старания Полины, стали достаточно громкими. Старшему, кажется, перепало, потому что он сетовал на брата обиженным голосом:

– А-а, мамочка, все время мне ни за что попадает. А он первый начал.

– Нет! Это ты, ты, ты – слышалось откуда-то из глубины квартиры. Видимо, мальчишек рассадили по комнатам.

– Ты же старший, – парировала Полина аргументом всех матерей на свете, – а он маленький – не понимает ничего.

Наташа еще полежала, то прислушиваясь к окружающей ее жизни, то уходя в себя, в свои пришедшие снова переживания. Наконец, решила – пора. Побаливала голова, и хотелось выпить кофе.

– Доброе утро, – она выглянула как раз вовремя – кроме

Полины никого в прихожей.

– Доброе, – сестра протирала пол у входа, – Сейчас, я быстро. Пока ты приведешь себя в порядок, я буду готова. Попьем кофе. А то, может, ты хочешь чего посущественней? – Полина посмотрела вопросительно, – Мужики наши уже. От кофе отказались... Конечно. Обсуждать вчерашнюю отставку российского президента под кофе? Да и Новый год никак.

– Нет, Полиночка, только кофе.

Через полчаса все, кроме детей, сидели за столом. Мужчины, не терявшие зря времени, уже достаточно громко выражали свои мысли. Шутили, стараясь рассмешить женщин. И, в общем-то, было весело, если не считать легкого волнения, неуловимо присутствовавшего в каждом. Первый день нового тысячелетия, начавшись ощущением продолжения праздника, уже вносил пока еще не ясные коррективы в жизни участников застолья.

«Какая она будет – жизнь? – подумала Наташа, – В этом новом тысячелетии. В новом веке. А главное – в новом теперь государстве? – ей вдруг стало стыдно, что подумала только о себе, – И не только для нас – россиян, – стала по-детски оправдываться, – И для Беларуси тоже... Что с нами

будет? С родителями. С Полиной и Славиком. С Пашей... Все теперь в руках Господних». Чувство, возникшее при осмыслении произошедшего события, страхом в классическом понимании не было. Но знание истории и уже личный Наташин опыт, сложившийся на протяжении конца восьмидесятых и за все девяностые годы не обещали ничего хорошего. Они говорили, что будущее в России при смене лидера – тайна за семью печатями. И не факт, что за вскрытием этих печатей последует благополучие и процветание. Дай бы бог, чтобы за ними не оказались горе и смута.

13.

Через два дня Наташа уехала. У нее, оказывается, был обратный билет.

На перроне Павел несколько раз перехватывал ее нежный – она этого и не скрывала – пронзительный взгляд. А, уже прощаясь, когда они обнялись, она тихо прошептала:

– Если захочешь, я вернусь.

Это прозвучало странно, потому что никакой близости, никаких намеков на серьезные отношения не было – только дружеские объятия и поцелуи. Но, может, он чего-то не заметил, не обратил внимания, заиклившись на игре в брата

и сестру?

Однажды, под конец рабочего дня, уже в феврале, позвонил Слава.

– Привет, пропажа. Чем ты там занимаешься? Может пора закругляться уже?

– Привет, Славик. Да уже ничем не занимаюсь. Ты что-то хотел или так позвонил – поболтать?

– Ну, ты, старик, даешь. Мы что с тобой – бабы у колодца, чтобы просто так болтать? Бросай все и дуй ко мне – ты мне нужен.

– А что случилось? – Павел понял – Слава уже на расслабоне.

– Старик, не спрашивай, а то разозлюсь. Просто приезжай.

– Хорошо. Приеду.

Выходя из кабинета – уже одетый, столкнулся с Вероникой.

– О! А я как раз хотел зайти к тебе – попрощаться... И сказать, что все документы на завтра готовы.

– А ты куда летишь так?

– К Славе. Сказал – срочно приезжай.

– Ну-ну, – улыбнулась Вероника, Давай, Думанский. Только ж не увлекайся.

По дороге домой Павел заскочил в магазин – купил детям по плитке шоколада и фрукты. Забежал к себе, на минутку – посмотреть, как идет работа у ребят. На днях нанял парня с девушкой – семейную пару – сделать «косметику» в квартире. Наконец-то дошла очередь и до обещанного ремонта. Сегодня уже должны закончить кухню – оклейку обоев и укладку линолеума. Работой остался доволен.

Такси поймал быстро – даже ждать не пришлось. И как доехал не заметил. Думал – обо всем и ни о чем.

Открыл Слава.

– Ну, наконец-то, мой дорогой друг, вы изволили явиться. А то я уже заждался.

– Ты, я смотрю, меня особо и не ждал, – Павел передал ему пакет.

– Извини, дорогой, – улыбнулся Слава, – ты слишком долго ехал.

Они прошли на кухню, где Полина накрывала на стол.

– О-о, так я, значит, к ужину? Привет, Польш.

– Как раз. Только вот некоторые, – она бросила сердитый взгляд в сторону Славы, – опередили события.

– Да. И нисколечко об этом не жалею. Пашка, мы сегодня тендер выиграли – на три года работы вперед... Ну, и естественно – немножко покор-пор-ративили, – ликующе парировал нападки жены Слава, – Это что – не повод?

– Повод, повод. Паш, порежь хлеб, пожалуйста... Не было сегодня такого, как я беру обычно – нарезного. Пришлось брать, что было.

– С удовольствием. Руки только вымою.

За ужином Слава рассказывал о конкурентах, которых им удалось обойти. О том, какие преференции предложили за-

казчику, что и помогло склонить его на свою сторону. Потом он вдруг о чем-то задумался, продолжая жевать, поглощенный, видимо, какой-то идеей, пришедшей в процессе эмоционального монолога. Наступила тишина, нарушаемая изредка звуком соприкосновения металла и фаянса.

Павел, воспользовавшись паузой, спросил Полину о Наташе.

– Да все нормально. На шестнадцатое февраля назначен суд.

– Какой суд? – Павел опешил, – Ты о чем, Поля?

– Как о чем? О-о... – она не смогла скрыть удивления, – Да ты, я смотрю, не в курсе. Я думала, что Наташка тебе все рассказала, когда приезжала.

– Что за суд? Не томи, – Павел вдруг разволновался – В какой-такой переплет попала Наташа?

Полина поняла его волнение.

– Да успокойся ты. Это всего лишь раздел имущества. Да и тот – формальность. Они с Горюновым развелись. Чего ж Наташка и была на Новый год одна.

«Почему она мне ничего не сказала? – Павел почувствовал себя обманутым, – Ведь все могло сложиться иначе».

– Странно, почему она тебе ничего не сказала? – как будто прочитав его мысли, спросила Полина. И странно: через этот риторический вопрос Павел ощутил ее поддержку, так необходимую ему сейчас, – Наверно, не хотела предстать перед тобой в роли брошенной жены. Ах, Натаха, – Полина произвольно цокнула языком, изумляясь, – А с другой стороны, я ее прекрасно понимаю. Кому приятно, когда тебя меняют на девочку. Илья Михайлович хорош. У них и с Наташкой-то десять лет разницы. А с этой пигалицей, наверное, все двадцать. Вот кобель! – не сдержала она чувств.

– Ну чего ты, Полюшка, – Слава очнулся от своих размышлений, – Нормальный мужик Илья Михайлович. Может у него любовь? И Наташка не с пустыми руками. Да и не любила она его. Сама знаешь. Так что неизвестно еще – проиграла наша Натаха или выиграла, – он засмеялся, – Да и купец у нас тут нарисовался, – Слава встал и положил Павлу руку на плечо, – Да, Пашка?

Павел почувствовал, что краснеет.

– Ну вот, – победоносно заявил Слава, – Вот и подтвер-

ждение, – он рассмеялся.

– Да ну тебя, Ковальский, – чувствовалось, Полина была возмущена, – Твоей бестактности нет предела.

– А чего? Я что – при посторонних говорю? Все свои. Пошли, Пашка, нас уже шахматы заждались, – он взял недопитый коньяк, – Бери свой бокал... Пошли, пошли.

Павел встал машинально, взял коньячную рюмку и поплелся следом.

– Паш, – услышал вдогонку, – ты хоть наелся? – Полина, словно извинялась за мужа.

– Да. Спасибо, – обернувшись, он увидел в ее глазах понимание момента и не сдержал чувств, – Поль, почему она так?

– Ну, ты чего, Паша? Все будет хорошо, – стала она успокаивать его, – Все образуется.

– Конечно, – ответил он, усмехнувшись с сарказмом, – А как иначе?

Пять коротких партий, в которых Павел позорно проигрывал, показали его внутреннюю несобранность. Играл толь-

ко ради друга, чтобы поддержать его сегодняшнее хорошее настроение. Когда уходил, Полина, посомневавшись, попросила:

– Паш, ты не говори ей ничего при случае. Не выдавай меня. Раз сама не сказала, значит – не хотела говорить... А впрочем, как знаешь... – она замолчала. Но чувствовалось, что не договорила, что не сказала чего-то главного. Наконец, преодолев себя, решилась, – Ты что – и вправду, до сих пор любишь ее?

Павел посмотрел на нее, и ничего не ответил. Только приподнял плечи в немом вопросе. Даже Слава промолчал – почувствовал драматизм сцены.

– Пока, ребята. Мне у вас всегда так хорошо.

Всю дорогу и весь оставшийся вечер Павел провел в осмыслении неожиданно свалившейся на него новости и воспоминаниях новогодней встречи. Периодически, прерывая причинно-следственную цепочку размышлений, в нем возникал и начинал пульсировать вопрос: «Почему не сказала?» И не находя удовлетворительного ответа, исчезал, чтобы снова и снова вернуться. Он, словно сигнал радара, проникал в бессознательные пределы психики, выискивая там все новые и новые воспоминания, пока, наконец, не нашел

то, что искал. «Если захочешь, я вернусь», – словно наяву прозвучал в сознании голос Наташи. «Вот же оно, – обрадовался, – Почему не сказала? Сказала. Только я этого не понял».

14.

Уже было настоящее лето – июнь. Паша готовился к экзаменам. По ночам шли дожди, а днями жарило солнце. Растительность бушевала. Начало лета всегда сопровождалось обилием запахов пробуждавшейся жизни, но нынешний год – совершенно особенный. Вечерами от парящих ароматов просто вышибало мозги. Запахи не давали возможности на чем-то нужном сосредоточиться, они влекли из дому, инстинктивно настраивая чувства на неуловимую для осмысления волну, зовущую соединить прошлое и будущее. Как будто жизни предков, перемешавшись в крови ныне живущих, жаждали воплощения новых жизней, новых жертв на алтарь судьбы.

Всему свое время. Наконец, и экзамены позади. Сегодня – выпускной. С шести до полседьмого прошла торжественная часть, а потом были танцы – до одиннадцати. Ну а теперь – ночные бдения. Как у всех. Встреча рассвета новой жизни.

Сегодня суббота, и с летней танцплощадки, расположен-

ной недалеко от школы, доносится музыка. Паша посмотрел на подаренные родителями по случаю окончания школы новые часы: еще пятьдесят семь минут до конца танцев.

Мысль пришла не ему одному.

– Айда на скачки! – бросил кто-то из ребят, – Время еще есть. А потом уже пойдем на реку – рассвет встречать.

Парни и некоторые девчонки сразу же подхватили предложение. Как всегда, мнения разделились, но большинство – за «продолжение банкета».

К танцплощадке подошли, когда до окончания оставалось минут сорок. В это время уже не билечивали. Вход свободный. Все рассыпались – кто куда. И Павел почему-то остался один. Решил поближе протиснуться к небольшой эстраде – поздороваться с парнями из группы, которых хорошо знал.

Народу по периметру – не протолкнуться. Случайно, протискиваясь между группками, задел плечом девушку, стоявшую к нему спиной. И еще не успел извиниться, как она возмущенно обернулась.

– Наташа?! – он стушевался, – Извини! – из-за грохота совсем близко стоявших колонок даже сам себя чуть расслы-

шал. Увидел, как меняется выражение ее лица.

– Паша!? Это ты?! – прокричала она обрадовано, – Ну что?! Нормально закончил?!

– Да! Нормально! – стыдно было признаваться, что у него общий бал – три и девять.

– Пошли! – она взяла его за руку и потащила в середину танцующих пар, подальше от гремевшей эстрады.

Все так неожиданно произошло, что Паша даже не успел растеряться. Может, только чуть покраснел, но здесь, в лучах цветных прожекторов, все равно ничего не видно.

– А ты что – с выпускного сбежал? – почти прикоснувшись к уху, спросила Наташа.

– Да нет, мы сюда всем классом завалили. Вечер в школе уже закончился.

– Так рано? А в прошлом году у нас до часу был.

Пауза, появившаяся от того, что тему уже продолжать дальше некуда, не стала гнетущей. Она как-то безгранично, плавно возникла после совершенно пустой Пашиной фразы.

зы «вам повезло». А к чему это «повезло», он и сам не понял. Сказал и сказал. Просто не хотелось думать ни о чем. А только наслаждаться объятиями, движением, близостью. Всем тем, что делает жизнь такой понятной и обоснованной. Без заморочек о ее смысле. О ее трудностях и выгодах. Пришел именно тот момент, который только и мог открыть всю неуловимую для логики суть жизни, когда два сердца подстраиваются под ритм друг друга, соединяясь в единстве порыва. По крайней мере, так чувствовал Паша. Без осмысления того, что происходило само по себе. Ему просто нравилось чувствовать то, что он чувствовал, и не хотелось, чтобы это прекращалось.

Когда закончился танец, и он собрался провести Наташу до того места, где перед этим та стояла с подругами, она удержала его. Обернувшись, Паша увидел ее глаза. И его вдруг осенило пониманием чего-то важного – такого, от чего зависит его и ее жизнь. Чувство единства, еще не испарившееся после объятий, вдруг нахлынуло на него с новой силой. Именно оно – это чувство – струилось из Наташи, заполняя всю его суть. Он так ясно ощутил поток энергии исходивший от нее, что яснее не бывает.

– Ты проводишь меня сегодня?

Наверное, вдруг сверкнувшая молния произвела бы мень-

ший эффект. И хотя Паша уже предвкушал появление чего-то неординарного, все же замер от неожиданности. Замерла и Наташа, жертвенно ожидая его решения.

На какое-то мгновение они оказались почти одни на освобожденной после очередного танца площадке.

– Да, Наташа. Конечно, – он коротко, по-дружески взял ее за плечи. Машинально. В порыве чувств. Ликование, зарождавшееся в душе, которое он всячески старался не показывать, распирало. Хотелось схватить Наташу – задушить в объятиях, зацеловать. Туловище, мышцы требовали реализации, вызванной насилием желез, взбешенных эмоциональным состоянием. Паше было и плохо, и хорошо одновременно. Это был шок, сопровождавшийся волнами эйфории. «Сама... Она сама».

15.

Прошла зима со всеми своими погодными вывертами. Весна две тысячи первого просвистела пернатыми зазывные трели. И лето, порадовав, насколько это было в его силах, уже ушло из своей завершающей стадии. За ним проследовали сентябрь и октябрь. А Наташа все не приезжала, хотя подтвердила ему по телефону то, что говорила и Полине – «обязательно приеду, как получится». Если бы она, когда

звонила, сказала о разводе, может, что-то бы и стонулось. Но она молчала. А поэтому молчал и Павел, рассчитывая на серьезный разговор по приезду. Не мог из-за просьбы Полины пересилить себя – спросить. «Да и как? Подумаешь, позвонила. Могла и так просто: мало ли какое настроение бывает. Вспомнила и позвонила – не чужие же... А на самом деле, может, у нее там кто-то уже есть? Может, муж вернулся? Да и какая может быть любовь, после того, что я тогда вытворил?» Все, что показалось близким и реальным в канун Нового года и после него, на самом деле оказалось зыбким и неправдоподобным. А тут еще жизнь подбросила новое испытание. Лена вышла замуж. И – конечно же, это происки тещи – Павла стали донимать, чтобы он отказался от сына – мол, новый муж хочет крепкую семью. А для этого необходимо усыновление Алешки.

Павла такая заявка взбесила не на шутку. Он осознавал свое бессилие перед «этой сукой», и поэтому страдал безмерно. Самое неприятное – со стороны все выглядело благопристойно – забота о будущем ребенка. Первый раз, когда Лена позвонила – «нужно встретиться по важному делу», она пригласила его к себе. «Ну, уж нет!» – Павел смекнул, что без «мамочки» не обойдется. И оговорил сразу: встреча на нейтральной территории и без Елизаветы Кондратьевны, иначе он не придет.

Когда встретились, и Лена, после того, как познакомилась с мужем, озвучила тему разговора, Павел ужасно расстроился. Неприятное ощущение, уже вызванное мужской конкуренцией, миллионами лет создаваемой природой, померкло по сравнению с тем, что у него хотят отнять ребенка. «Мало того, что этот ханурик имеет мою жену, ему еще и ребенка подавай, – мысль почему-то принесла чувство неудобства перед человеком, который еще не успел толком попробовать тещиных блинов, – А попробует? И поминай, как звали?»

– Лена, ты хоть представляешь, на какой шаг вас толкнула Елизавета Кондратьевна? Голову даю на отсечение, что это ее затея. Ты хоть представляешь, что будет дальше? А если у вас не срастется? – он посмотрел на парня, – Извини, Михаил, это правда жизни.

«Тихий какой-то, – подумал, – Точно – ханурик». Даже жалко его стало на мгновение. «Этот, видимо, будет терпеть». Последняя мысль вернула возмущение: «И этот будет отцом моего Алеши? Бре-ед». Но этого бреда требовала его бывшая жена – мать его ребенка. Павел наотрез отказался.

– Думанский!? – пустила в ход Лена последний аргумент, – Тебе же алименты не придется платить.

От такого дипломатического хода Павел расвирепел.

– Ты что... женщина, – хотел сказать «дура», но в последний момент удержался, – Сыном торгуешь?

– Вы не правы, Павел... – вставил свои пять копеек ханурик.

– Послушай! – Павел довольно агрессивно одернул Михаила, – Ты бы не лез не в свое дело. Ты еще и близко не представляешь, в какое болото попал... И вообще, – обратился он к Лене, – Давай-ка, дорогая, прекратим эти торги. Я думал – с Алешей что-то не так без меня. А тут – вон оно что. Знал бы – ноги моей здесь не было бы. Все. Пока.

Он развернулся и пошел.

– Думанский!? Ты – подонок, – выкрикнула Лена вдогонку любимое словцо матери, – Ты же рушишь мою жизнь.

Мысль о том, что в этой атмосфере находится сын, и что он теперь для тещи – его, Павла, воплощение, неприятно резануло душу. И рана стала саднить не прекращавшимися прикосновениями всякого рода предположений, обостривших ощущение безысходности и чувство обиды.

Эти новые размышления на какое-то время отдалили его

от предыдущих – о Наташе. Сложилось впечатление, будто вернулась его прежняя жизнь – так снова он увяз в разборках с этими двумя женщинами. Отметился и братец Лены – позвонил ему на работу: угрожал, что, если не откажется от сына, грохнет его где-нибудь в подворотне. Павел не стал даже отвечать этому идиоту. Стоило ли обращать внимание на придурка? Боялся он совсем другого – как бы теще не удалось достать Петра Даниловича: «Вот тогда полный... будет. Если ей это удастся, если Петр Данилович все же сломается, то все – прощай работа – налоговики замордуют». А то, что теща уже обращалась к нему с подобной просьбой, он не сомневался ни капли. Но все же рассчитывал и на порядочность тестя, и на его тихую ненависть к жене.

Когда Павел рассказал Веронике – чего от него хотят, она так и сказала:

– Ну, Паша, если сразу не уложили нас с тобой, то теперь точно уложат.

– Вероника! Вот именно! Если бы уложили, то это бы сделали сразу. Петр Данилович не такой мужик, – сказал, чтобы успокоить напарника. Но самому спокойствия такой расклад не принес – слишком хорошо знал тещу: «Добьется, сука, своего рано или поздно». Один только аргумент что-то значил. Павел не вчера заметил: Петр Данилович в глуби-

не души давно уже готов был расстаться с Елизаветой Кондратьевной, но при своей должности, скорее всего, боялся публичного скандала. Знал, на что может пойти эта приземленная женщина, если ей прищемить хвост. По его поведению чувствовалось – он просто терпит ее. «А взять мои отношения с Ленкой, постоянно стимулируемые для него тещей. Почему он ни разу не отреагировал на них? Почему не занял позицию дочери? Мужская солидарность? – Павел усмехнулся, – Глупее ничего не мог придумать?» Что-то за всем этим скрывалось. Когда он приходил в канун Нового года поздравить сына, было ощущение какой-то близости, исходившее от тестя. Почему? Павел посмотрел на Веронику.

– А ты знаешь? – он вдруг понял, что именно такой аргумент должен успокоить ее, – Думаю, что тесть не глупый мужик, и ему не нужны заголовки в газетах типа «Кобенин мстит бывшему зятю за развод с дочерью».

– Паш, ты это серьезно? Или шутишь? Ты что и вправду думаешь, что у нас такое возможно? – Вероника с сарказмом усмехнулась, – Думаешь, он не предупредит такой выверт в свою сторону? Ты прав, он – мужик не глупый. И поэтому, прежде, чем возьмется гнобить нас, сначала позатыкает всех редакторов. Это тебе не Москва и не Париж с их противоборствующими силами.

– Ну и мрачную же картину ты рисуешь, Вероника, – Павел засмеялся. Но как-то невесело это у него получилось.

– А давай, Думанский, зарулим куда-нибудь сегодня, – Вероника озорно посмотрела на него, и не дождавшись ответа, предупредительно добавила, – Да, ладно. Я же не к себе тебя зову. Я понятливая. Но мы же с тобой, как-никак, друзья. Вот и посидим, как друзья.

В ее голосе – в последней фразе прозвучала горечь. И Павел понял – отказать Веронике сегодня он не то, что не может – не имеет права.

– Я – за, – нарочито бодро выпалил он, – А пойдем в наше кафе. И ехать никуда не надо.

– Так, может, пораньше закончим? – Вероника с благодарностью посмотрела ему в глаза.

– А давай.

Вечер они полностью провели вместе, почти до самого закрытия. Потом он посадил ее в такси и отправил домой. А сам решил прогуляться.

Уже начало ноября, но такое ощущение, как будто толь-

ко еще начинается октябрь. Ветра нет. Тепло. Градусов восемь тепла – не меньше. Всюду желтая и красная листва под ногами. На черном влажном асфальте вся эта прелесть, источающая приятный аромат увядания, ностальгически действует на память, вытаскивая на поверхность сознания забытые эпизоды из прошлого. И вся эта атмосфера снова и снова оживляет то счастливое время, когда их отношения с Наташей миновали стадию привыкания друг к другу. Пришло состояние единства, когда можно часами гулять – рука в руке, изредка перебрасываясь короткими фразами, и только пожимая кончики пальцев или поглаживая их. А можно без умолку говорить что-то такое, что для постороннего человека, оказалось бы бредом сумасшедшего. Или сидеть в парке на скамье, обнявшись. Согревая друг друга. Молча наслаждаясь тем не выразимым словами чувством, которое существует только между любящими и одновременно любимыми.

16.

Наташа, год проучившись после десятого класса в железнодорожном училище, уже работала проводницей. Из-за этого встречи укладывались в расписание поездок. А привнесенные таким образом разлуки придавали бурную прелесть встречам вслед за горечью разлук. И пусть эта горечь – всего лишь порождение юношеского максимализма, но это все же горечь. Иначе она и не воспринималась.

Паша никуда не поступал после школы – аттестат был слабоват. А с другой стороны, каким бы странным это ни казалось – он хотел в армию. Так сложилось среди его окружения, что на тех пацанов, кто по причине здоровья в армию не попадал, смотрели как-то не так – как на ущербных. Единственным, чего боялся, но чего безрассудно втайне желал, был Афганистан. Конечно, хотелось прийти героем, но ведь можно же – и в цинковом гробу, а еще хуже – загнуться от пыток где-нибудь в плену. А это в планы Паши не входило. У него была Наташа, которую он любил самозабвенно, и которую нельзя было оставить без себя. Да и родители, в конце концов. Особенно мама. Но выбирать не ему. Выбор – за судьбой. И вот такая рулетка его пугала. Он не был из отчаяюг, которым все по барабану – из таких, кому смерть красна, лишь бы на миру. Но и трусом себя не считал: придется, так придется – увиливать не станет. Но если не позовут, сам набиваться не будет. Что он – дурак, что ли? Да и на службу ему только весной. Еще полгода. Может, и война к тому времени закончится?

Сразу после школы Паша пошел на стройку – подсобным рабочим. Подсобником – по-простому. А куда еще с его опытом и знаниями? Решил, что до армии сойдет и такая работа, лишь бы не на шее у родителей. А после – будет видно. Он все так же продолжал ходить в секцию – занимался боксом

в надежде попасть в спортроту и служить, если повезет, где-нибудь поблизости.

Лето пролетело мгновенно, даже с учетом того, что сентябрь оказался его продолжением. Первые, в начале октября восемьдесят четвертого, сильные заморозки и последующая теплая неделя почти полностью оголили деревья. Теперь они грустно стояли, обнаженные и почерневшие, в свисавших с веток каплях воды. От такого мелкого дождя, что и не поймешь – дождь это или туман. Запах прели и растворенного во влажном воздухе дыма, поднимавшегося над крышами одноэтажных домиков, как будто съезжившихся от непогоды, напоминал о скорой зиме. От лета почти мгновенно ничего не осталось. Даже деревья толком не успели сменить окраску, облетев за день. Листья, частью еще зеленые, сбитые первыми морозами, теперь валялись под ногами, став вместе с пожухшей травой грязным коричнево-желто-зеленым покрывалом. Встречи и прогулки на свежем воздухе стали редкими: разве что случались в пронзительные солнечные дни, которые, нет-нет, да и появлялись на фоне пасмурного с морозящими дождями единообразия погоды. Теперь больше встречались то у Наташи, то у него. Родители – и те, и другие – приняли их дружбу с воодушевлением. Наташа нравилась родителям Паши, а Паша – родителям Наташи. И проблемы, где видется, не существовало. Довольно часто им везло – тогда, когда они в доме надолго оставались вдвоем.

В эти моменты любовь сжимала время до таких малых пределов, что его всегда не хватало. Его оказывалось так мало, что приход кого-то из «предков» всегда становился неожиданным. И неожиданным настолько, что миф об их чистой и непорочной дружбе в один момент перестал существовать – улетучился после того, как однажды чуть раньше вернулась домой Наташина мама, и они не успели толком одеться.

При Паше Ирина Сергеевна промолчала, хотя была очень взволнована. Наташа, если он потом спрашивал ее о возможных разговорах с матерью, замыкалась. И только по хитрым улыбкам Полины, когда та посматривала в их сторону, все становилось понятным. Видимо, втихаря подслушивала разговоры взрослых.

Однажды, уже в конце ноября, отец, когда они остались вдвоем, вдруг заговорил об этом.

– Сын... Как у тебя с Наташей... дела-то?

Сложилось впечатление, что он – не в своей тарелке. И сразу пришло моментальное осознание – «выполняет мамин поручение». Появилось напряжение.

– Па, а что тебя интересует? – Паша улыбнулся неловкости отца, не знавшего, с чего начать, но, одновременно с

этим, ушел в глухую защиту.

Отец почувствовал настроение сына, не желавшего развивать тему, и это, было видно, раздосадовало его.

– Ну... это... мама сказала, что вы уже спите с Наташей, – не стал он ходить вокруг да около.

– Пап, ну и что в связи с этим ты хочешь мне...

– Да ничего, – перебил отец, – Просто, я хотел предупредить тебя, сын, чтобы ты не забывал об ответственности. Тебе же в армию скоро.

– Хорошо, папа, – постарался завершить беседу Паша, – Я об этом всегда помню.

Ну не рассказывать же отцу подробности. Что, мол, спят-то они с Наташей по-детски. И раздеваются только по пояс – не более того. Что Наташа не хочет, чтобы это случилось до армии. Не хочет давать повода для чьих-то пересудов. Мало ли кому и что может показаться. А так – вот она девственность. Пришел со службы, а тебя ждет девушка, а не женщина, которую, поди, проверь. Конечно, со стороны Паши были попытки нарушить навязанное ему соглашение, но, в конце концов, он принял желание любимой как неоспоримый

факт. «И как это ему объяснять? Пусть думает, что хочет».

Прошла осень. За ней, постепенно усиливая свое влияние, подтянулась зима, обволакивая землю своей холодной чистотой, лишь прочерченной дорогами и тропинками человеческого присутствия. Зима с восемьдесят четвертого на восемьдесят пятый выдалась суровой, с сильными морозами. Таких зим давно не было. В конце семидесятых и начале восьмидесятых – ни холодов толковых, ни снега – слякоть и дожди. И вот, наконец, настоящие морозы и снега. Как укрыло землю в начале декабря, как пришли холода, так до самого Нового года ничего и не менялось. Меньше двадцати ни разу и не было, пожалуй.

Это первый Новый год, который Паша с Наташей встречали вместе. В этом просматривалось что-то символическое, волнующее. Потому что, как говорили испокон веку, как встретишь год, так его и проведешь. А следующего Нового года у них, скорее всего, не будет, да и следующего – тоже. А как может не волновать такая долгая разлука? Она уже сейчас ложкой дегтя отравляет всю их жизнь. Если даже двухдневные расставания становятся невыносимым испытанием, то, что уже говорить о двух годах? А если еще Афган? Об этом не то, что не хотелось думать, об этом даже не хотелось вспоминать. Такого – просто не может быть. Только не с ними.

У Наташи каждый раз замирало сердце при мысли о такой перспективе. Настроение сразу портилось. Когда это случилось, она прижималась крепко к любимому, и Паша чувствовал, что она вот-вот разрешится. Он успокаивал ее, пытался как-то отвлечь, насмешить. Она, как ребенок, быстро пере-страивалась, начинала улыбаться, или смеяться. И на это было так грустно смотреть – смех сквозь слезы. Глаза мокрые – и смеется, и всхлипывает одновременно.

В начале февраля умер очередной генсек. И в обществе стали муссироваться слухи о переменах. Этому позору с престарелыми лидерами партии и государства пришло, в конце концов, время логического завершения. Достаточно уже посмешили мировое сообщество. К середине февраля ожидание завершилось избранием на пост Генерального Секретаря КПСС Михаила Горбачева, а в начале мая он подписал мораторий на размещение ракет в европейской части страны и предложил президенту Соединенных Штатов – Рональду Рейгану провести встречу на высшем уровне. Замаячила надежда и на окончание войны в Афганистане.

17.

– Думанский?! Ты ли это?!

Павел за воспоминаниями не сразу осознал, что происходит. Остановился, включаясь в ситуацию. Перед ним стоял человек, распростерши руки. В длинном кожаном плаще. В кожаной фуражке. Весь такой элегантный. «Кто же это?» – что-то очень знакомое в облике человека вызвало внутреннее беспокойство.

– Паша, проснись, это же я – Рачковский.

«Вот это да! – мелькнула мысль, – Как же меняет людей время».

– Николя?! Ни за что бы ни узнал, – Павел не скрывал удивления, – Думаю – что за голливудский гангстер из тридцатых? Только что шляпы не хватает.

– Да ладно, Пашка, засмушал, – комплимент и вправду смутил его.

«Наверно, перед зеркалом и сам об этом думал, – мысль заставила почувствовать неудобство перед Рачковским, – Интересно, – подумал, – раньше я без зазрения совести ляпнул бы это и вслух. И все было бы тип-топ».

– Как ты, Николя? Где ты? Мы как-то совсем недавно вспоминали тебя со Славиком.

– С Ковальским? Вы до сих пор не разлей вода? Как он, кстати, поживает?

– О-о, Слава у нас сейчас крутой бизнесмен. Строительством занимается.

– Пашка, я так рад, что встретил тебя, – Рачковский не скрывал своих чувств. И видно было, что это искренний порыв – не светская рисовка.

– А ты-то чем занимаешься? – он восхищенно смерил Павла взглядом.

– Я? Рекламой. Работаю заместителем директора в одной фирме, – Павел не мог по-другому – не любил хвастаться, набивать себе цену пустыми заявлениями типа – «у меня фирма».

– А ты-то, ты-то, Николая? Ты же у нас такие надежды подавал. Тебя же на работу сватали, когда мы еще учились.

– А-а, Пашка, все в прошлом. Не люблю я об этом, – Рачковский даже изменился в лице. Поник, казалось, – Если вкратце, то сначала все было просто шик. А потом... Три года – как во сне. В середине 90-х. Докатился до самого дна.

Если бы не Нинка моя... Короче, уже четыре года, как вышел... из комы. Батя ее взял меня к себе – менеджером... Торгово-закупочная деятельность. Вот, мотаюсь по нашим городам и весям, как говорится, на своем «Пассате» с образцами, договора заключаю. Ну а за мной уже фуры идут.

– Ну и класс, Николая. Завидую – все время в дороге. Новые люди.

Как-то жалко стало старого товарища, загубившего свою карьеру, отправленного судьбой в такой глубокий нокаут, из которого мало кто выбирается.

Рачковский почувствовал состояние Павла и просто, без витиеватостей сказал:

– Вот так-то, Паша. Отметить бы встречу. Да, как ты понимаешь, мне нельзя. Я – латентный... – он грустно рассмеялся.

– Да ладно, Коля. В этом ли счастье?

– Да, конечно, не в этом, Паша. Но ты не представляешь, как тяжело быть ущербным... Ой, забылся я с тобой, – он встрепенулся и, словно извиняясь добавил, – Нинка моя только что звонила – волнуется. Пора. Рад был встрече, –

Рачковский протянул руку.

– И я очень рад, Коля. Спасибо за откровенность. Это мужественно с твоей стороны.

– Да ладно, – он опять смутился, – Извини, что загрузил тебя.

– Мы же свои. Как-нибудь пересечемся... О, точно, – Павел достал портмоне из внутреннего кармана. Вытащил оттуда визитку, – Звони, Коля.

Они чуть больше, чем обычно требуется, держали рукопожатие, глядя друг другу в глаза.

– Пока, Паша.

Павел еще какое-то время смотрел вслед удалявшейся крупной фигуре старого товарища, махнул рукой, когда тот, почувствовав, оглянулся, и пошел дальше. Ехать домой на общественном транспорте не хотелось. Торопиться некуда: целый день на работе, вечер в кафе с Вероникой. Решил, что получасовая прогулка пешком до квартиры будет кстати.

Рачковский перевел стрелку воспоминаний на университет. Замелькали лица и события, навеянные встречей с про-

шлым. Приятно защемило в груди. Но через минуту вкрадось ощущение чего-то забытого, о чем он не додумал. И опять мысли о Наташе заполнили сознание. Только теперь они уже оказались связаны с университетом. И, как итог – с армией, откуда все и началось. Приятные ощущения сменились чувством вины, сожаления о том, что не свершилось, вперемешку с надеждой на светлую и такую близкую развязку. «Где она там? Почему не едет?»

18.

Уже почти год, как Наташа была в статусе «разведенки». Горюнов, как она всегда называла мужа, сам подал в суд на раздел имущества, чтобы узаконить сделку. И Наташе по ней досталась только та квартира, в которой они жили. В принципе, на большее она и не претендовала. Хотя могла. Шестнадцатое февраля стало очередной вехой в ее жизни. Сам развод прошел как-то буднично. В русле тех событий, которые предопределили его. Он стал юридической констатацией того факта, что муж ушел к другой. А так как детей нет, развод оформили в ЗАГСе. Подписи лишь подтвердили, что десятилетнее официальное соглашение о совместном ведении хозяйства пришло к своему завершению. Несколько раз в телефонном разговоре с Пашей она хотела рассказать об этом. Но не смогла – останавливало то, что он может вернуться к жене из-за сына. Для нее этот вопрос стал опреде-

ленным табу в отношениях. А потом, каждый раз набирая номер телефона Пашиной съемной квартиры, говорила себе, что, если застанет его там, обязательно скажет. Но разговор с первых слов становился формальным. Паша как будто специально обходил тему их отношений. И она, уже готовая выдохнуть всю накопившуюся в ней нежность, во время сдержанного разговора передумывала. Душа кричала от боли, но разум игнорировал ее страдания, увещевая оставить все, как есть. Ждать удобного случая. «В конце концов – кто из нас мужчина? Хоть бы намек какой сделал». Чем дальше отодвигалось признание, тем сложнее было переступить, казалось бы, иллюзорный порог в себе. «Паша, меня год назад бросили, – передразнивала она свои размышления, – Возьми меня в жены... Ну что? Самой смешно? Смешнее не придумаешь». В порыве чувств она уже проклинала себя за то, что не сказала о разводе в новогоднюю ночь. «Ведь так все хорошо складывалось. Столько надежд тогда было на продолжение отношений. И где они теперь? Может, он там уже нашел кого? Кто же тебе об этом скажет? Конечно, есть Полина. Но что она со свечкой в ногах не стояла. Она может и не знать ничего. А когда узнает, будет уже поздно». Последняя мысль принесла чувство страха, воткнувшегося по-хозяйски в солнечное сплетение: было на душе неприятно, а стало совсем никак. Наташа на самом деле испугалась: «Сегодня же вечером позвоню... Обязательно».

Но вечером она так и не собралась – никак не могла сформулировать мысль. Разум снова взял верх над эмоциями: «Сначала позвоню Польке... завтра». Принятое решение обозначило конец дела. А появившееся при этом чувство исполненного долга принесло облегчение. Вечер прошел в домашней обыденности – с легким ужином, легким же чтивом и телевизором под конец, когда уже легла в постель.

Следующий день тянулся долго, потому что память периодически градуировала его напоминанием о звонке. Наконец, рабочие часы завершились, и Наташа, одевшись быстренько, вышла на улицу.

Осенние дни за полярным кругом так коротки. Небо чистое – без единого облачка. Без луны. А потому очень звездное, несмотря на горящие повсюду фонари. Она вдохнула глубоко носом. Морозный воздух, неиспорченный никакими примесями, казался сладковатым от чрезмерной свежести. «Какой он вкусный!» – непонятная радость поднялась из глубин подсознания, не проявляясь никакими конкретными мыслями. Может, от того, что еще не пробрался мороз под дубленку, не выстудил из нее теплоту помещения. Или от того, что на какое-то время она перестала тревожиться. Умный организм, устав от переживаний, решил защитить себя от непомерного груза переживаний и страхов. Хотя бы ненадолго. Пусть – на минуту. На пять. На семь минут. Только

не сейчас. Сейчас должна быть радость и звездное бесконечное небо. Безветрие и не больше десяти градусов мороза. И ароматный густой воздух, щекочущий слегка ноздри своей холодной пряностью... «Каких-то пару месяцев и опять Новый год», – вернула к размышлениям спонтанная ассоциация. И перед внутренним взором появилась Полина. «Ну и что ты спросишь у нее? – отчаянно заработало сознание, – Что скажешь?» На что услужливое сомнение стало предлагать коварные варианты развязки. Сначала покорные – «будь что будет» и «само собой разрулится». За ними вечный – «почему я первая?» И, наконец, пугливый, и самый коварный – «только не сегодня».

Но придя домой, она вдруг ощутила в себе стержень. Основу, дающую право на ошибку. На возможность выглядеть смешно. И даже упасть. Но и право на победу – как над собой, так и над ситуацией. Решила: «Звоню сразу Паше. Хватит прятать голову в песок». Она сбросила дубленку, быстро сняла сапоги и пошла к телефону, словно боялась, что даст слабину, передумает. Теплая с мороза трубка легко выскользнула из базы. Мягко отозвались клавиши. И короткую тишину оглушил громкий гудок. Наташа даже вздрогнула, таким неожиданным он показался. Гудок следовал за гудком, пока, наконец, не последовал срыв, и пошли короткие. Появилось чувство досады, перемежавшееся с облегчением. Но она пересилила себя и нажала на «redial». Карти-

на повторилась. Снова длинные томительные от ожидания гудки сменились короткими. Появилось предательское ощущение исполненного долга. Она вернула трубку на место и пошла переодеваться: «Не судьба». Но весь вечер, пока занималась насущными каждодневными делами, вызванными жизненной необходимостью, все время вспоминала об этом позорном чувстве и одновременно боролась с пресловутым «завтра», ругая себя почему зря. Потом пришло облегчение от того, что звонить стало поздно. Но в какой-то момент переборола эту уверенность и снова подошла к телефону.

– Я слушаю вас, – где-то за тридевять земель ее любимый поднял трубку и оглушил ее, и смутил своим мягким грудным голосом. Наташа замерла не в силах сразу ответить – в пересохшем горле не было слюны, чтобы сглотнуть.

19.

Паше повезло – отслужил почти что дома. В трехстах километрах, в общеевойсковой части. На окраине областного центра. И, чего не ожидал больше всего, писарем начальника штаба полка. Видите ли, почерк понравился. Учителям в школе не нравился, а в армии – то, что нужно. Главное – ровненький. И не важно, что не понять ничего. Абсурднее не придумаешь, но факт есть факт. Первые полгода, конечно, было нелегко. Но мысль о том, что это не Афган, компенсировала все трудности. Стоило только подумать, что мог бы

оказаться там, так все нипочем становилось. Его не коснулись и Чернобыльские события: их полк не принимал участия в ликвидации последствий аварии. В общем, повезло со всех сторон.

Не дослужил до двух лет три дня. Забирали тринадцатого мая – за три дня до указа о начале антиалкогольной компании. А уволился – десятого. Как положено писарю начальника штаба, ушел с первой партией. И никаких тебе дембельских работ. Только смену себе натаскал. Подполковник слово сдержал. Сам вручил увольнительные документы. Пожал руку и поблагодарил «за добросовестную службу». На Пашино «Служу Советскому Союзу» улыбнулся, чуть поморщившись, и пожелал успехов при поступлении в университет. Знал об этом, потому что подписывал характеристику и направление.

Паша рассматривал документы с замиранием сердца: «Неужели все? Свобода?» Никак не мог поверить, пока находился на территории полка. Только на следующее утро, когда вышел с остальными уволенными в запас через КПП и ощутил на лице лучи утреннего, еще не яркого солнца и дуновение свежего майского ветерка, вдруг по-настоящему дошло: «Свобода!» И пусть он еще в форме. Пусть еще надо купить билет на автобус и добираться часов шесть-семь. Службе – конец.

Билет взял запросто – никакой очереди. До отправления еще час. И он вполне успевает в буфет.

Ограничился яйцом вкрутую, бутербродом с сыром и чаем с полоской. Пицца, конечно, не домашняя, но свобода вносила в ее вкус осязаемую разницу в сравнение с такой же самой, но купленной в полковом «чапке». «Красота!»

Новенький «Икарус» подрулил к посадочной площадке, когда Паша как раз к ней подошел. Пассажиры стали выстраиваться в очередь. И между солидным – в костюме мужчиной и им втиснулась девушка в легком без рукавов платье с небольшой дорожной сумкой в руке. Она ежилась от утренней свежести, потому сюда не доставало солнце – его перекрывала нависавшая над площадкой крыша. Отсюда, наверное, и наглости прибавилось – чуть ли не наступила на Пашины ботинки, которые он так тщательно надраивал.

Он оглянулся, сделал полшага назад и – сверху вниз – окинул девушку взглядом. Ее фигурка оказалась совсем миниатюрной. На удивление. Но больше всего Пашу поразили боножечки: они были такими малюсенькими по сравнению с обувью, к которой он привык за два года.

Сзади, скорее случайно, его задела, и он машинально вер-

нулся на прежнюю позицию, почти уткнувшись подбородком в собранные под резинку в короткий хвостик волосы девушки. И сразу попал в рай. Почувствовал ее запах, смешанный с цветочным ароматом – то ли от шампуня, то ли от мыла. Увидел совсем рядом нежную кожу шеи с такими милыми, чуть рыжеватыми, завитками волос, отчего сознание на секунду исчезло. Пришлось сотворить огромное усилие над собой, чтобы не протянуть руки и не обнять эту хрупкую фигурку – так этого захотелось. Паша перевел взгляд на входную дверь автобуса, все еще не открывавшуюся. «Блин!» – он сделал полшага в сторону и прикрылся спереди «дипломатом», чтобы как-то уйти от проблемы, которая возникла там, где ей и положено было возникнуть. Стал разглядывать окно автовокзала, за которым просматривалась огромная китайская роза и примерно таких же размеров фикус.

Наконец, объявился посадочный контролер, и водитель открыл дверь, плавно выдвинувшуюся и ушедшую в сторону. Пассажиры, которых заметно прибавилось, стали заполнять салон. И это отвлекло по-настоящему.

Пропустив вперед еще двух немолодых женщин, подошедших сбоку, Паша поднялся в салон и поискал глазами указанный в билете номер. «Ух, ты!» – рядом с его местом уже умащивалась обласканная солнцем та самая рыжая девочка. На лицо она оказалась в меру симпатичной – даже

веснушки ее не портили. Наоборот – они придавали своей хозяйке какой-то необъяснимый словами шарм. То ли добавляли непосредственности, то ли открытости. Через пару секунд дошло – «в этой лисичке одновременно сочетаются и женщина, и ребенок». Паша даже поразился таким своим мыслям: «А ведь точно. Вот это и придает лицу открытость... Но глазки у этой бестии хитренькие». Он как раз добрался до места: его – у окна.

– Прошу прощения, девушка, мне хотелось бы попасть во-он туда, – он кивнул, улыбаясь.

– Пожалуйста, – голос чуть с хрипотцой, но очень нежный.

«Как завитки волос на шее», – включилась аналогия. Когда смотрел на них там – в очереди, ему почему-то показалось, что и голос у нее должен быть такой же.

Девушка приподнялась, и Паша протиснулся на свое место:

– Как зовут тебя, прелестное создание? – не стал он откладывать знакомство на потом. И показалось – девушка комплимент оценила. Она даже улыбнулась спонтанно. Но сходу принять Пашину фамильярность не смогла.

– Не слишком ли вы резво начали, молодой человек?

– Я? – Паша включил дурачка.

– Да. Вы.

Девушка уже вошла в роль. Была совершенно серьезна. Хотя чувствовалось – Паша ей интересен, и серьезность ее – напускная.

«Как мама учила, – подумал он, улыбнувшись, – Целочку, значит, будем из себя строить».

– А как надо было? – продолжил он простодушно, – Научи, будь другом. Скажи – как?

Но девушка не отступила.

– А самому сначала представиться... И почему вы мне тычете? – она уже начинала перенимать его игривый тон.

– Ой... Простите... Происхождение подвело, – он даже слегка приподнялся и кивнул по-военному, как это делают офицеры, – Думанский Павел Петрович... к вашим услугам.

– Нина, – засмеялась девушка.

– Ниночка, очень приятно. А теперь можно и на «ты»? – Паша изобразил святую простоту.

– Теперь можно, – снова засмеялась она.

Ниночка оказалась хохотушкой. Прежней напускной чопорности как не бывало. Он узнал, что она, как и он сам, едет до конца. Что она студентка второго курса университета. И ездила домой на выходные, «а то скоро сессия, и будет не до того».

Появилась общая тема. Паша как раз именно в университет взял направление. И вопросов у него – непечатый край.

Через пару часов Ниночка уже спала у него на плече. А он, обалдевший от аромата, исходившего от нее, боялся лишний раз пошевелиться. Нарушить иллюзию возникшего единства. Пока не заснул сам.

Проснулись они от громкого голоса водителя.

– Молодые люди! Приехали. Попрошу на выход.

Уже на площадке обменялись телефонами. Ниночка к тому же записала адрес общежития, комнату и свою фамилию,

«если Думанский Павел Петрович задумает ее отыскать, когда привезет документы».

– Ты смотри... запомнила.

– А тебя попробуй теперь забудь, – она улыбалась. Но в глазах появилась грусть.

«Попалась, рыбка?» – Паша одновременно и позорно торжествовал, и со щемящим сердцем жалел это хрупкое и такое нежное существо.

– Ну, я пошла? Мне тут пять шагов до троллейбуса, – она положила ладонь на его китель в районе сердца, – Пока, Паша, – Нина не скрывала неудовольствия от того, что приходится расставаться.

– Пока, Ниночка, – он неожиданно для себя поцеловал ее в щеку, – Скоро увидимся. Я скоро приеду к тебе.

Максимализм юности уже сделал их близкими людьми. И пусть эта близость – лишь симпатическое притяжение полов, но она существовала по-настоящему. Она была живой и теплой. И потому расставание стало грустным – не понарошку. И в этом заключалась вся прелесть земной жизни, сконцентрированная сейчас в двух противоположностях, как в еди-

20.

Наташа проснулась. Утро просочилось в еще не совсем заработавшее сознание. Судя по всему, еще рано. Розово-оранжевый свет, улавливаемый зрачками через веки, принес легкое чувство радости. Она открыла глаза. Солнце, пробившись сквозь щель в шторах, ослепило. Заставило снова зажмуриться. Сразу же ощутила в себе негу, покой, жаждущий движения. Отбросила простынь и, не открывая глаз, перекатилась на живот. От души потянулась, стараясь продлить неопишуемое блаженство момента. Такого важного, как ей казалось. Потому что именно за ним приходили мысли – предвестники того, как пройдет очередной день. Главное – понять их смысл, не пропустить, не обратив внимания. Тогда день обязательно задастся. Она разомкнула веки. «Уже десятое сегодня... через три дня конец нашей службе!», – к радости плоти прибавилось ликование души. Наташа легла на бок, перебросила ноги через край кровати и села. Подниматься еще лениво. Дотянулась до спинки стула, чтобы стянуть халат. Уронила трусики и лифчик, оказавшиеся под ним. Придется встать: «Не лежать же им, бедным, на полу». Поднимая, поймала себя на мысли, что отнеслась к ним, словно к живым существам. «Пожалела, – усмехнулась, – Вроде на полу им неудобно будет».

Сегодня надо созвониться с начальником – договориться о замене: «Светка согласна. Лишь бы Иван Николаевич не заерепенился. Он может... но в такой ситуации не должен».

– Доброе утро, мамочка, – Наташа вышла из комнаты.

– Доброе, Наташенька. Завтракать сейчас будешь? – Ирина на Сергеевна возилась у плиты.

– Нет, мамочка, позже. Пойду умоюсь, – захотелось выйти во двор – на солнце. Она взяла полотенце, щетку и пасту и пошла через огород к реке. До нее – буквально пятьдесят метров. Вошла в покалывающую подошвы свежесть узкой прибрежной полосы. А дальше вода – прелесть.

Песчаное дно, сквозь линзу воды, играло солнечными зайчиками, мельтешащими повсюду. «Рыбки!» – обрадовалась Наташа, словно увидела их впервые. Небольшая стайка верховодок стала реагировать на капли пасты, мгновенно растворявшиеся, стоило только коснуться поверхности течения: что-то в этом привлекало их внимание.

Подзарядившись энергией реки, Наташа промокнула лицо и шею висевшим на плечах полотенцем и вышла из воды. Окинула взглядом привычную перспективу противополо-

ложного берега. Впереди широкую гладь реки рассекает оконечность небольшого острова, уходящего влево. Где-то там – метрах в пятистах отсюда – ленивое течение старика огибает его заросшим кувшинками руслом: Наташа была там не один раз. «Как же красиво там!» – она ощутила восторг и почти одновременно с ним сожаление, вспомнив, что надо звонить на работу, а, значит, пора домой. Лодки, цепями прихваченные к толстой металлической трубе у берега, напомнили о совсем, казалось, недавнем прошлом. Они с Пашей любили сидеть на них звездными теплыми ночами. Млечный Путь, отраженный в воде, создавал ощущение ее безмерной глубины. И лодка, на которой сидели, и они сами в ней как будто находились между двумя небесами, когда смотрели сквозь воду на звезды. Но стоило шевельнуться и легкие волны от бортика создавали новый зрительный образ, безжалостно уничтожавший визуальный обман.

Наташа повернулась и зашагала к дому, все еще находясь под впечатлением образа, так живо представшего, словно все это произошло только что. «Не верится даже». Почти три года прошло с той ночи, обручившей, наконец, их души. Тогда, после Пашиного выпускного, они целовались здесь: сердце застучало настойчивей. «Пашечка мой», – нежность разлилась в груди, распространяясь и заполняя собой каждую клеточку тела – скоро она станет настоящей женщиной, кусившей благодать общения с любимым. Эту мысль, бес-

покоившую ее периодически, на этот раз она не оттолкнула. Великая вселенная, взывавшая в душе Наташи к понятной только ей справедливости, по которой женщина должна стать почвой для новой жизни, требовала жертвы. И Наташа, измученная ожиданием предстоящего, ожиданием того наслаждения, через которое природа принуждает все живое к исполнению обязанностей, не стала усилием воли заглушать эту нежность в себе.

– Наташка! – с той стороны огорода навстречу бежала Полинка, – Как водичка? Теплая?

Ее веселость, ее жизнерадостный восторг вернули Наташу к реальности.

– А где твое «доброе утро», егоза?

Разница в возрасте, хоть и небольшая, позволяла ей покровительственно относиться к сестре.

– Доброе утро, Наташечка Леонидовна, – дразнясь, как ни в чем не бывало, засмеялась Полинка, уже поравнявшись, – Ну... теперь скажешь?

– Теперь скажу, – заражаясь ее настроением, улыбнулась Наташа, – Почти молоко. Только у самого берега прохлад-

ней. А зайдешь чуть дальше – прелесть. Выходить не хочется.

– А я в купальнике, – Полина распахнулась, – Вот так.

– Какой купальник? Ты что? Рано еще купаться.

– Да ладно. Ты же не выдашь меня маме? Я только оку-
нусь, – захныкала она притворно, – Постоишь здесь?

– Не могу, Поля. И рада бы поторчать с тобой, но надо
дела поделывать сначала.

– Ой, ой, ой. Деловая. Ты же выходная.

– Хочу поменяться. Паша же на днях приезжает.

– А-а... – она хитро заулыбалась, – Тогда конечно.

– Если получится, то завтра в рейс... Пойду звонить.

– Ну, давай, давай... Невеста, – снова состроила хитрень-
кую гримассу Полина.

– Да ну тебя, Польшка. Пора бы повзрослеть уже. Все ду-
рочку из себя корчишь.

– Да ладно... взрослая. Беги быстрее, звони уже, – она снова засмеялась.

«Как у тебя все легко, хохотушка. Даже позавидовать хочется», – с теплотой подумала Наташа.

Ирина Сергеевна в своей неизменной косынке, завязанной сзади – у шеи, и с бусами из прищепок вывешивала кухонные полотенца на веревку. Наташа, зная мать, предупредила ее вопрос.

– Не хочу пока ничего. Пойду звонить Ивану Николаевичу.

Она накрутила номер и стала ждать.

Первый раз ей никто не ответил. И второй. Только с третьего получилось поговорить. Начальство отреагировало на ее просьбу положительно. И Наташа на следующее утро уехала.

21.

В свой районный центр, Паша добрался буквально за час. ЛАЗ с вечным запахом бензина в салоне и скрежетом при

переключении передач вызвал ностальгическое чувство. Он, подвывая, тяжело тащился по короткому, в двадцать километров, маршруту, останавливаясь чуть ли не у каждого столба по пути следования. Народу в салоне немного, и почему-то – ни одного знакомого лица. А так хотелось встретиться с кем-то, кто его знал. Расспросить о том, что волновало.

От автостанции до дома – в другом конце городка – около трех километров. И их придется пройти пешком. Населенный пункт совсем небольшой. Население – тысяч пять. А потому нет общественного транспорта – не рентабелен. Но разве это расстояние, когда ты возвращаешься через два года домой. Это даже удовольствие – пройти по родным местам. По дороге Паша встречал какие-то полужнакомые лица, удивляясь, что совсем не помнил об их существовании: забыл напрочь, а люди – пожалуйста – живут себе. И, может, сейчас не менее удивлены его появлению.

Наверное, это оказалось той каплей, после чего эйфория, заставляя пульсировать сознание и вплетая в него, словно в кружево, все, что попадалось на пути, стала перемешивать с тем, что было и что будет. Она создавала какую-то мистерию образов, чувств, звуков и картинок действительности, в которой, наплывая друг на друга, все хотело присутствовать одновременно. И эти забытые лица. И родной городок,

по которому шел, забегая мыслями вперед. И дом, обещавший удовольствие от встреч с друзьями. И родители, которые ждали. И сегодняшняя Ниночка, посулившая своим появлением будущие радости. И, наконец, Наташа, перед которой за это, как и за все остальное, было стыдно. Он к ней «почему-то» охладел. У них и переписка последние месяцы в большей степени стала однобокой. Впрочем, это «почему-то» имело плоть и кровь. А в его возникновении оказалась виноватой картошка, на заготовке которой Паша побывал прошлой осенью: его прикомандировали к отправленному туда взводу. Там и познакомился с той, что раз и навсегда перевернула его представление о женщине. И с кем он прокувыркался почти целый месяц, лишь по пару часов урывая на сон. Ночи напролет – пока не закончилась уборочная кампания. А потом она несколько раз приезжала к нему в полк. Снимала на окраине квартиру. И он, как сумасшедший, срывался в самоволку.

В ней словно жила пустота – вакуум, втягивавший его, возбуждавший немислимой силы страсть. И это поначалу удивляло и настораживало. Она ведь даже не особо нравилась ему – ни лицом, ни фигурой. Но страсть просто сжигала все возникавшие несоответствия. И в этом виделось что-то дьявольское, потустороннее. Когда Лики долго не было рядом, он вспоминал о ней только иногда, удивляясь собственной бесчувственности. Но стоило ей появиться рядом, и сно-

ва вакуум в ее теле породил взрыв нечеловеческой силы. «А что теперь?» Теперь нужно как-то жить, потому что Наташу, прождавшую его, вместе с армией, уже три года, он, естественно, не оставит. Не такая он скотина, чтобы так себя повести. Обязан жениться. Но как же он этого не хочет. Жизнь только начиналась. Он узнал ее там – на «картошке». И эта жизнь проснулась в нем в ту первую ночь, когда он по-настоящему ощутил жизненность в себе самом и осознал ее силу. Как будто миллионы лет развития этого чуда вдруг всколыхнулись в своем носителе и одарили всем, чего достигли. И теперь он ждал от жизни еще большего чуда, которого, понимал, не будет в отношениях с Наташей. Понимал в себе степень сумасшествия, но ничего уже не мог с собой поделать. И это ощущение вносило тоскливые нотки в фейерверк радостных ожиданий. Сердце разрывалось на части. Он хотел и не хотел встречи с Наташей. Встреча – это близость. А близость – это начало конца. Но близость неизбежна. Либо – разрыв. А на это он пойти не может – слишком увяз в долге: «Вот она – судьба. Казалось бы, все просто: пришел, сказал, что тебя не устраивает, попросился и ушел». В сознании тут же кто-то издевательски стал нашептывать, будто насмехаясь: «Было бы лучше сначала зайти домой. Встретиться с родителями. Переодеться. Может быть, даже друзей обзвонить. А потом уже к ней». Но совесть безжалостно отмела сомнения: «Тебе по дороге. Сначала – к любимой. А потом уже все остальное. Нельзя по-другому».

«Ха! К любимой, – вновь нарисовался внутренний визави, – Ты называешь любимой женщину, к которой не хочешь идти? Вот это любимая!» «Но разве ты ее совсем разлюбил?» – совесть искала аргументы. «Да нет же!» – Паша вдруг ясно осознал, что все еще любит. И дело совсем не в этом. «А-а. Так ты просто не хочешь жениться», – понимающе, но как-то очень уж ехидно отозвалось в нем. «Хочу... – вздохнул, – Просто не сейчас...» Подумал и понял, что слукавил. «И что же тебя останавливает?» – не унималась совесть. «Хочу поступить. Хочу получить образование. Хочу чего-то достичь в этой жизни».

«Хочу, хочу, хочу... Ну и трепло же ты, Думанский. Не стыдно? Как красиво все обставил! Учиться. Добиться чего-то. А, может, она тебя просто уже не устраивает? Может, ты просто не уверен – она ли твоя избранница? Скажи еще, что ей с тобой будет неинтересно, если ты не выучишься. Вот это аргумент». Паша свернул в переулок – в направлении Наташиного дома: «Как будет, так и будет».

Вот и калитка, выкрашенная синей краской. Все по-прежнему. Ничего не изменилось. Разве что кое-какие детали напомнили о времени. Березка, что с той стороны от калитки, заметно подросла. Краска на заборе посветлела, и кое-где шелушилась. А лавочка, где они с любимой столько раз целовались, местами потемнела даже под лаком. Что-то зашевелилось внутри, что-то зажглось. Теплые и светлые чувства

к Наташе воспрянули из небытия, заглушив сомнения, только что разрывавшие все его естество. «Наташенька, я иду к тебе», – Паша привычно перебросил руку через верх калитки и вытащил из петли крючок: «Не забыла рука». Кирпичом высланная дорожка, как и два года назад, привела к ступенькам крыльца веранды. Сердце заколотилось еще быстрее, отдаваясь в висках.

Дверь с металлической щеколдой. Кольцо вместо звонка.

Но постучать он не успел. Дверь распахнулась, и на пороге появилась сияющая Полина.

– Пашка вернулся! – чуть повернувшись в сторону дома, радостно закричала она. Порывисто обняла его и тут же отпустила, – А Наташка думала, что ты через пару дней только будешь, – погрузнев, сообщила она, – Даже поменялась сменами.

На веранду вышла Ирина Сергеевна.

– Павлуша, с приездом... Господи, а Наташа-то в рейсе, – она и обрадовалась и расстроилась одновременно, – Да ты проходи, – засуетилась по-бабьи, как будто в ней заговорил веками наработанный инстинкт, связанный с возвращением мужчины домой после долгого похода.

– Спасибо, Ирина Сергеевна. Но я еще не был дома – сразу к вам.

Растроганный такой эмоциональной, такой теплой встречей, он ступешевался. «Какая же я скотина! – подумал, испытыв глубокое чувство стыда перед этими женщинами, встретившими его как родного. Перед Наташей, которая столько пережила перед армией, когда на горизонте маячил Афганистан. А сколько ей пришлось передумать всего за последние полгода? Разве не почувствовала она охлаждения? Разве не плакала над его редкими и холодными письмами? – Сволочь!» Ощутил, как от притока крови загорелись щеки и уши. Стало еще неудобнее. И перед Ириной Сергеевной. И даже перед Полиной.

– А когда она должна...

– Она только утром уехала, – перехватила его вопрос уже совсем ставшая девушкой Полина, – Через три дня теперь. Вот незадача, надо же так...

– Ну... – Паша вздохнул и посмотрел на Ирину Сергеевну, – Пойду я, пожалуй. Там, наверное, сарафанное радио уже донесло весточку, что я иду. Тетя Маня Кравцова меня на велосипеде обогнала.

– Ну, беги, Павлуша, беги.

22.

Мама встретила его у калитки. Она сразу заплакала.

«Как похудела», – подумал Паша, и сознание на секунду затуманилось от нахлынувших чувств.

– Пашечка, ты совсем уже мужчина, – в глазах матери сквозь слезы Паша уловил восхищение и гордость.

«А, может, показалось... – глупо отозвалось в нем, но сомнение как-то сразу кануло в небытие, – Да важно ли это?» Вот она – мама – самый родной и самый близкий человек. Он крепко обнял ее, прижал к себе. Пришло детское ощущение – будто сам прижался, даже почувствовал на мгновение, что уменьшился в размерах. «Так и остался ребенком около нее», – мелькнула мысль.

– Пойдем в дом, Пашенька. Пойдем – кормить тебя буду.

Они прошли через веранду в дом.

Почти ничего не изменилось за два года. В большой ком-

нате стоял новый телевизор, да шторы висели другие. А в его комнате – как будто и не уходил никуда. Глаза жадно схватывали все мелочи, упущенные памятью за время службы. Паша вдруг стал каким-то суетливым, стал задавать кучу вопросов матери, не успевая порой получать на них ответы. Потом захотел позвонить друзьям. Но вдруг осознал, что сегодня, наверное, нужно побыть дома – с родителями. Его разрывало на части.

– Сынок, иди мой руки. У меня все готово, – мама появилась в дверях комнаты.

– Ты, может, переоделся бы в домашнее? – она достала из шкафа аккуратно сложенный спортивный костюм.

Паша взял его бережно в руки, как какую-то драгоценность. Новые забытые детали из прошлого возникли в сознании и отозвались чувственным импульсом в груди.

– Мам, сомневаюсь, что мне это будет как раз, – он развернул штаны и прикинул к ногам, – Ты иди, а я – сейчас. Извини, – почувствовал неудобство: «Надо же – штаны постеснялся снять перед матерью. Отвык совсем».

Стало еще неудобнее, потому что мама поняла. Заулыбалась:

– Ну, совсем взрослый.

Паша смутился. Мало того, что неправильно отреагировал на маму, она еще и посмеялась над ним – как над несмышленьшем. Но мама была мамой. Конечно же, она не вкладывала того смысла, который увиделся ему. Она просто наслаждалась общением с взрослым сыном, который для нее все же оставался таким же ребенком, как и прежде. Пришло понимание, и от этого стало тепло и уютно на душе. Смущение трансформировалось в ностальгическое чувство из детства, когда мама, по меньшей мере, являла собой божество. И Паша испытал желание поведать ей, как в детстве, свои мысли и чаяния. О том, что он запутался, что не хочет жениться – влезать в кабалу семейной жизни, что он еще совсем ребенок и не готов взвалить на себя ответственность за кого-то. Но, конечно же, промолчал.

Буквально через какой-то час пришел отец. Обнялись.

– Совсем взрослый, – отец не скрывал удовольствия, разглядывая сына, и Паша окончательно решил: сегодня – точно никуда.

Но решению этому сбыться, увы, было не суждено. Через пару часов пришли его самые близкие друзья – Леша, Санек

и Жека. И мама, увидев, как им всем хочется уйти, махнула рукой, скрывая свое неудовольствие под улыбкой.

– Иди, Пашенька. Дело молодое.

23.

Сейчас, вспоминая тот день, Павел снова, как и тогда, когда уходил из дому с друзьями, испытал чувство вины перед матерью. И тут же подумал, что такого острого чувства могло бы и не быть, если бы она была жива до сих пор. Он вышел из здания, где они с Вероникой арендовали свой офис, на освещенное пространство крыльца у подъезда. Уже совсем стемнело. Ноябрьский ветер, не то, чтобы сильный, но неприятный холодил лицо и шею. Поежившись, он поднял воротник и шагнул в сторону «Вектры», стоявшей метрах в пятидесяти в сторону выезда. Машин вокруг уже мало – поразъехали. Он взглянул на часы: «Конечно – уже почти семь».

Неподалеку от него с работающим двигателем и включенными габаритными огнями стояла темная «бэха» – пятерка. Скорее, черная. И когда он поравнялся с ней, из машины вышли два крепких по виду парня в черных кожаных куртках. Пришлось отвернуть в сторону – мало ли идиотов агрессивных вокруг. Но как только из поля бокового зрения исчезли фигуры, почувствовал тяжелый удар в шею.

Очнулся уже на земле. Почувствовал, как саднит лоб в районе виска. Ощутил ледяной холод асфальта коленями и ладонями. Услышал голоса над собой. Попробовал шевельнуться.

– О, очнулся, боксер... – услышал фразу, завершившуюся матом. Этот противный – в нос – голос он не перепутал бы ни с каким другим.

Павла схватили за плечи, и через секунду он уже был на ногах, поддерживаемый теми двумя. Его крепко держали за верх куртки и запястья. А перед ним – глаза в глаза – стоял шурин, с наглым довольным оскалом.

– Ну что – родственничек? Как вопрос порешаем? Сестра на тебя жалуется – ты ей, сука, жить мешаешь. Счастье, сука, ее разбиваешь, – он издевательски ухмылялся, видимо, очень довольный собой. Наслаждался.

– А-а, это ты, папин хвостик, – Павел сплюнул ему под ноги соленую густую слюну, заполнившую все во рту. Знал, как это выражение раздражает бывшего шурина. Знал и то, что расправа не заставит себя долго ждать, но не смог удержаться, чтобы не унижить его.

Удар под дых оказался жестоким – Павел пропустил момент, и получил его на вдохе. В глазах поплыли желтые круги, и если бы не кореша шурина, наверное, согнулся бы пополам. Но те не дали.

Через переживание боли до него доносилась почти бессмысленная речь, состоящая в основном из брани.

– Ну что, сука? Дерзить охота отпала? Или еще нет? – «папин хвостик» уже не просто наслаждался, он упивался властью – не спеша наносил удар за ударом, чередуя с оскорблениями. Видимо, мстил за свой позор в их последней стычке, когда Павел обошелся с ним совсем даже не корректно. Легко уходил от ударов пьяного идиота и – мало того – пару раз дал пинка под зад, когда тот, теряя равновесие, промахивался. И вот, видимо, эту обиду сейчас и вымещал родственничек.

– Короче, сука... три дня сроку тебе... Пашенька – прогнусавил он, – Чтоб разрулил все дела с Ленкой по поводу Алешки. А иначе – бойся, сука. Не так, так эдак – все одно – я тя достану.

– И что, придурок, убьешь меня, если не откажусь? – Павел нервно рассмеялся ему в лицо.

– Запросто, Пашенька, – он еще раз нанес удар в солнечное сплетение, – А это тебе за «придурка».

Павел скорчился, насколько это было возможно в руках товарищей шурина, и тут же получил удар по шее. На секунду отключился, но тут же почувствовал, что падает. Успел выставить руки. Острая боль от ударов ногами сначала с одного бока, а потом и с другого пронзила тело.

«Сволочи!» – он упал и машинально свернулся в клубок.

– Ты все понял, сука? – шурин загоготал и сплюнул в сторону Павла, – Шутки кончились.

Раздались хлопки дверей, и машина, с ревом вывернувшись задом, засвистела резиной, натужно набирая скорость.

– Форсят мальчишки, – Павел, поднимаясь и сплевывая, по привычке пытался шутить.

Тело ныло. Неприятная тошнота не прекращалась. Но хуже всего – при глубоком вдохе появлялась острая боль в подреберье: «Неужели сломали? – пришла какая-то отрешенная мысль, словно, так это было или нет – все равно, – Придется завтра идти к травматологу. Надо обязательно сделать снимок».

В дверях появился вахтер. Подошел довольно быстро, не смотря на возраст.

– Как вы? Я милицию вызвал – сейчас приедут.

– Все нормально, Демьяныч. А милицию зря вызывали. Это ничего не даст. И лучше для вас, если вы не запомнили номер машины. Понятно? – он улыбнулся.

– Да понятно-непонятно – какая мне разница, – удивился вахтер, – Раз вам так надо...

– Ну, вот и ладненько. Скажете, что мы любовно разошлись, если милиция прибудет после того, как я уеду. Им тоже лишний геморрой не нужен, – Павел закашлялся.

– Вам бы сразу поехать в «травму», Павел Петрович. Или в «девятку», на худой конец. Тут ближе... Пусть бы посмотрели.

– Спасибо, Демьяныч. Я так, наверное, и сделаю.

Павел завел машину и стоял, прислушиваясь к ощущениям тела: «А, может, просто ушиб? Может завтра – в поликлинику? Там и снимок сделают».

Когда стал усаживаться, понял – сегодня. Тем более что от «девятки» всего в какой-то сотне метров будет проезжать по дороге домой.

24.

В приемном покое полно народу. Суeta и шум.

«Вот это покой» – подумал Павел, удивленно оглядываясь по сторонам. Как раз, когда он вошел, привезли старуху: вокруг нее крутились двое из «скорой» – парень и девушка в форменных штанах и куртках вишневого цвета и еще двое из персонала больницы – в белых халатах. На Павла никто не обращал внимания. Пришлось подойти к дежурившему у дверей милиционеру: спросить – куда обращаться. Тот кивнул на стеклянную перегородку:

– Вон туда вам. Подойдите – там вам все скажут.

Павел, увлеченный движением вокруг старухи, не обратил внимания на форточку в перегородке, за которой боком за столом сидела миловидная в белой медицинской шапочке женщина: она улыбалась, переговариваясь с коллегой, стоявшей рядом.

– Добрый вечер, – Павел через силу улыбнулся.

– Паспорт! – скомандовала женщина, даже не взглянув на него. Она вдруг перестала улыбаться и начала изображать какую-то непонятную для него деятельность на столе, манипулируя бумажками.

– У меня нет с собой паспорта, – Павел опешил, – Есть водительское...

– Разве я спрашивала у вас права? – она взглянула на него возмущенно, – Фамилия, имя, отчество? Где проживаете? Где прописаны?

И еще минуты три ему пришлось отвечать на вопросы, казалось, совершенно ненужные.

– Ждите возле пятого кабинета. Вас позовут, – она подала листок бумаги, где кроме своей фамилии Павел ничего больше не разобрал. Удрученное состояние от того, что увидел в приемном отделении, стало вообще отвратительным: «Лучше бы завтра в поликлинику пошел... Но раз уже здесь, пойду до конца».

Девушка – медсестра, что-то писавшая, и врач, взявшийся осматривать его, оба задавали вопросы и одновременно пе-

реговаривались о чем-то между собой, посмеиваясь. Первую минуту он никак не мог сконцентрироваться на ответах. Кажалось, его никто не собирается слушать, а спрашивают так – лишь бы спрашивать.

– Тошнота есть? – доктор взял руками с двух сторон его голову, повертел, рассматривая ссадину, – Ну, а дальше, Тань? А она?

– А она, раз так, позвонила его жене...

– Есть немного, – Павел виновато оглянулся на девушку, – Извините...

– На ночь выпьете пару таблеток димедрола. Таня промоет вам рану, заклеит и даст таблетки, – он стал ощупывать бок.

Павел вскрикнул.

– Судя по всему, перелом... ну и легкое сотрясение – почему-то заулыбался доктор, – милицию будем приобщать? Или вы упали?

– Упал, – ответил Павел: «Улыбается он – коновал чертов».

Потом его повели на рентген. Потом он долго ждал результатов.

– Трещина, – заключил «коновал», разглядывая на свет снимок, – Таня, запиши перелом. На вот, спиши из сопроводительной... Подождите, – прикрикнул он на кого-то.

– Вот лезут, – возмутилась сестра, – Как будто нельзя подождать пока вызовут.

– Доктор, так что у меня – трещина или перелом?

– Это одно и то же. Завтра – в свою поликлинику, к травматологу. Он назначит вам лечение. Таня, напиши ему...

– И это все, доктор?

– А что вы еще хотели? В больницу вас положить? – он улыбнулся, – У вас ничего страшного, Павел... – он посмотрел в запись, – Павел Петрович. Завтра ваш травматолог все вам расскажет. Вы на машине?

Павел утвердительно кивнул.

– Во-от. Садитесь аккуратненько в машину и едьте домой. Постарайтесь спать на правом боку, – он опять заулыбался –

видимо, это была шутка, – А завтра – в свою поликлинику. Вот вам выписка и снимок. Всего хорошего. Лечитесь, Павел Петрович, – поставил он точку в разговоре, и, обратился к медсестре, – Таня... дай ему димедрола.

«Вот это сходил к врачу», – Павел ощутил досаду от того, что его, фактически, вышвырнули из отделения. Но тут же до него дошло: если бы что-то серьезное оказалось, все было бы по-другому. И это в какой-то мере компенсировало досаду.

Приехав домой, позвонил Веронике – сказал, что завтра его не будет. Выпил таблетки. Разделся и пошел в ванную. Когда ложился, отключил будильник и уже через несколько минут уснул, несмотря на беспокоившую боль в боку. Засыпая, подумал, что завтра поедет к Петру Даниловичу – надо же как-то решать проблему.

Проснулся в одиннадцатом часу. День выдался погожим. Комната сверкала солнцем, и Павел щурился, приподнявшись на локтях, привыкая к яркому свету дня. Голова побаливала. Тело ныло. Поморщившись от боли, сел, опустив ноги вниз. Первой из серьезных пришла мысль, с которой засыпал: «Надо позвонить Петру Даниловичу, договориться о встрече».

Церемониться не стал – позвонил на мобильный.

– Да, Павел, слушаю тебя. Только коротко – я занят.

– Здравствуйте, Петр Данилович. Надо встретиться. Это касается Виктора.

После короткой паузы тесть каким-то странным голосом спросил:

– Ты о моем сыне?

– Ну, конечно, Петр Данилович.

– Хорошо, Паша, – голос опять изменился, – Сегодня я буду после пяти у себя. Подъезжай. Я предупрежу охрану, так что можешь сразу подниматься.

– Спасибо, Петр Данилович.

На том конце отключились.

«Да-а, ситуация. Приятного мало. Я только напомнил ему о сыне, а он сразу расстроился».

Павел решил, что к врачу сегодня не пойдет: «Завтра».

Еще часа два он провалялся в постели – так не хотелось вставать из-за наполнявшей мышцы свинцовой тяжести. Как будто организм, найдя, наконец, причину, расслабился, уравновешивая все скопившееся за последнее время напряжение.

После трех он с трудом оторвал голову от подушки и, встав осторожно, попытался собрать постель. Но почти сразу передумал.

В зеркало – в ванной, лучше бы не заглядывал. Ссадины, правда, в основном не видно. Она под пластырем – только несколько черточек по краям. Но лицо припухшее, с мешками под глазами: «Ну и видок. Гаишникам лучше не попадаться – экспертиза обеспечена».

Руки привычно быстро делали свое дело. И через полчаса он уже был выбрит, и то ли завтракал, то ли уже обедал своими – на все случаи жизни – бутербродами, запивая чаем.

Без пяти пять Павел подкатил к горисполкому. И очень вовремя. Петр Данилович, буквально на пару минут подъехавший раньше, как раз вышел из своей черной представительской «Ауди». Поэтому догнать его удалось только на ступеньках, поднимавшихся к террасе огромного крыльца перед входом.

– Здравствуйте еще раз, Петр Данилович.

– А, Павел, – он протянул руку, – Ты уже здесь? Очень хорошо. Значит, у нас еще будет время пообщаться – у меня буквально есть полчаса.

Павел открыл и придержал дверь пока Петр Данилович прошел. На второй этаж они поднялись молча. Вошли в приемную.

– Екатерина Дмитриевна, – обратился он к поднявшемуся со стула секретарю, – Во сколько точно намечено?

– В семнадцать сорок пять, Петр Данилович.

– Постарайтесь, чтобы нас минут двадцать никто не беспокоил.

– Хорошо, Петр Данилович.

– Да... – он обернулся уже в дверях кабинета, – ...чайку бы неплохо, Екатерина Дмитриевна... А ты? – обратился он к Павлу.

– Нет, спасибо, Петр Данилович.

Они вошли в огромную комнату, где в глубине – метрах в десяти – стоял большой письменный стол, от которого перпендикулярно отходил другой. Слева от стола виднелась еще одна дверь, ведущая в комнату отдыха. Петр Данилович вошел вовнутрь этого уютного помещения, снимая на ходу пальто и вешая его на плечики в зеркальный встроенный шкаф.

Павел молчал – ждал, когда тесть начнет разговор.

– Ну что, Паша, – Петр Данилович снова обратился к нему, – Присаживайся на диван. Выкладывай, что случилось. Я уже, конечно, кое о чем догадываюсь, судя по твоему виду, но хотелось бы поконкретнее.

Он молча, иногда тяжело вздыхая, выслушал, что произошло вчера. Не задал ни одного вопроса.

– Паша, я благодарен тебе, что все обошлось без шума. Я в курсе был на уровне идеи, что затеяла Евдокия Кондратьевна. Но представить себе не мог, что это так далеко зайдет. Я сразу был против. Если бы Алеша не понимал еще ничего, тогда можно было бы о чем-то говорить. Но, видимо, моим мнением пренебрегли, – Петр Данилович задумался на секунду, – А с этим великовозрастным болваном я разберусь.

Ты извини, Паша, я до сих пор тебя считаю своим. Мы все-таки с тобой родственники через Алешу.

Павел почувствовал вдруг в себе единение с этим чужим для него человеком. Его вселенскую тоску. Одиночество в собственной семье. Его отношение к своим детям и нелюбовь к жене. Все это пронеслось в нем очищающим душу вихрем. Он понял, что Алеша – самый близкий человек для бывшего тестя.

Петр Данилович взял с блюда уже совсем, наверное, остывший чай.

– Ладно, Паша. Очень рад был тебя видеть... Не смотря ни на что... к сожалению, – он изобразил неопределенный жест плечами, – Извини, шеф собирает. Надо кое-что еще осмыслить, – протянул руку, – Пока, Паша. Не провожаю.

– До свидания, Петр Данилович.

25.

На следующий день – с самого начала работы поликлиники – Павел уже был на приеме у травматолога. Оказалось, что здесь прием не по талонам, как везде, а по живой очереди. Он оказался третьим. Но первые два человека шли на

перевязку, и поэтому к врачу он – первый.

Часам к десяти Павел уже входил в кабинет Вероники: она звонила ему с утра – справлялась, как себя чувствует и выйдет ли сегодня на работу.

– Паша, – воскликнула она с обидой в голосе, когда он закрыл за собой дверь, – почему я должна узнавать об этом от вахтера? Кто это был? Демьянович сказал, что ты не захотел ждать ментов. Это что – шурин твой бывший? – она разволновалась, – А что врач сказал?

Вероника задавала и задавала скороговоркой вопросы, и, не дожидаясь ответов, говорила снова.

Павел улыбнулся.

– Успокойся. Все нормально. Да, это – Виктор. Но это не главное.

– А что же главное? – она возмущенно развела руки, – Что тебя не убили?.

– А главное, – стал серьезным Павел, придавая даже некоторую трагичность голосу, – что я вчера побывал у Петра Даниловича. И получается, что пострадал я, в общем-то, не

зря.

В глазах Вероники мелькнуло любопытство.

– Та-ак... Давай – не томи, – вслед за любопытством пришло нетерпение.

Павел бессовестно выдержал паузу, наблюдая, как она настороженно, и даже с чуть заметной долей испуга, ждет. Не выдержал. Рассмеялся.

– Паша! – губы Вероники растянула растерянная улыбка, – Ты сволочь.

Павел почувствовал, что переборщил со своей театральностью.

– Прости, Вероника. Рассказываю. Вчера был у экста...
...стия...

Он рассказал, о чем они говорили, и что он вынес из разговора.

– Так что никаких преследований по той линии, что ты предполагала, не будет. Я уверен в этом, – сделал Павел вывод.

– Точно? Уверен? – все же засомневалась Вероника.

– Уверен. На все сто.

– А если он играл?

– Я бы почувствовал это. Да брось ты, Вероника. Ну, какого рожна ему со мной цацкаться? Захотел бы, уже давно раздавил бы нас. Тоже мне – шпионские игры.

Последний аргумент на компаньона, кажется, подействовал.

– И то – правда, Паша... Наверное, ты все же прав.

– Конечно, прав, Вероника. С логикой трудно спорить.

– Ладно. Может, тебе отпуск взять? Отдохнуть? Сейчас запарки нет, а твою работу и девочки сделают. Да и я помогу, если понадобится

26.

С того момента, как произошла стычка с бывшим шурином, прошло около полугода. В отпуск Павел в ноябре так и не поехал – не было желания. Да и боялся, что, как только он

уедет, обязательно появится Наташа. Но она не появилась. Ни в ноябре. Ни в декабре. Две тысячи первый он встречал у Ковальских, до последнего ожидая чуда. Но чуда так и не произошло. Вывод, что у Наташи с мужем наладились отношения, напрашивался сам по себе. А Полину, сколько не пытал, все оказалось впустую. Да она и сама, похоже, как и говорила, толком ничего не знала.

Уже в середине мая она позвонила ему как-то и пригласила на ужин:

– Я сегодня колдуны делаю, – похвасталась, – Будет очень вкусно. Приходи, Паш, а то уже с Нового года у нас не был.

– Полиночка! Таки да. И даже не думай, что нет, – пошутил он.

– Вот и хорошо. Приходи Паша – поговорим, – в голосе прозвучала какая-то загадочность.

– Есть о чем? – насторожился он, – Или просто?

– Просто, – она сделала паузу, – А, может, и есть о чем. Это уже будет зависеть от тебя, – закончила она интригуяюще.

К семи Павел подъехал, в глубине души лелея надежду на

весточку о Наташе. За ужином все разговоры – ни о чем. О политике, о погоде, о новостях, хлынувших, словно из рога изобилия, с экранов телевизоров с появлением нового президента. Сначала Павел никак не мог сформулировать свой вопрос: вот уж поистине – на вору и шапка горит. А на его светское замечание – «как там сестра поживает?» – получил такой же ответ от Полины. Но явно в ее интонации был заложен подтекст. Так, по крайней мере, слышалось. Она как будто играла с ним. «Неужели, наконец-то едет? – закралась мысль, – Какую-то хитрую игру затеяла Польшка. Намеки, намеки. Не оказалось бы, что вся эта игра не стоит и выеденного яйца...»

После ужина Слава с детьми собрался к телевизору.

– Я сегодня такую подборочку прикупил... Пойдем?

Он как-то так предложил, словно хотел, чтобы ему отказали. И это прозвучало двусмысленно, и еще раз подтвердило витавшую в воздухе недосказанность.

Идти смотреть телевизор не хотелось. Павел ждал разговора с Полиной: чувствовал, что он обязательно должен быть. «А иначе, зачем вся эта подготовка к нему? – подумал, уже совсем не сомневаясь в своей правоте, – Ну, не может же быть, чтобы за этими намеками ничего не стояло. Не может.

Чего выкаблучивается? На нее это же совсем не похоже...
Что-то тут не так».

– Слав, ты иди с мальчиками... а Паша мне с посудой поможет. Ну, ты понял, да?

– Да, Полюшка, – он нежно поцеловал жену в щеку, внимательно посмотрев при этом на Павла.

Такой пассаж и насторожил, и рассмешил: «Точно – шпионские игры». Но самым неприятным во всем этом оказалось поведение друга: «Ну, с Полиной – ладно. Но Славик... Что это с ними сегодня? Случилось что с Наташей? Да вряд ли. Это бы так загадочно не обставлялось, – он задумался, – Что за сюрприз мне готовит сладкая парочка?»

– Ребята, может, хватит надо мной издеваться, – не выдержал Павел, – Говорите, что хотите сказать, а то я сейчас порву вас на кусочки.

– Иди сюда, терминатор, – позвала, обернувшись из дверей кухни, Полина, – Я найду твоей энергии более мирное применение. Будешь посуду вытирать.

– Не буду ничего делать, пока не скажешь.

– Ну что ж ты такой нетерпеливый? – подначила она.

– Поль, ну хватит уже. Я же знаю, что ты мне хочешь что-то сказать о Наташке, – Павел начинал злиться.

– Ты на правильном пути, Думанский, – сделала Полина нарочито удивленное выражения лица при утвердительной интонации.

– Ну, все! – Павел, улыбаясь, взял столовый нож из грязной посуды, – Все, женщина, прыщёль твой канэц – зарэжу.

Кавказский акцент у него получился так себе. Зато получилось весело. Полина рассмеялась:

– Ух, ты – страшно-то как. Ладно – аргумент слишком уж грозный. Готов?

– Да я вчера еще был готов.

– Ну, Думанский, – засмеялась снова Полина, – Я ему только сегодня позвонила, а он еще вчера был готов.

– Полина, все – я сейчас обижусь.

– На следующей неделе, – сказала она серьезно.

– Что на следующей неделе? – машинально переспросил Павел, но ответ в нем уже вспыхнул ярким светом, – На следующей неделе? Приезжает?

– Ну, да. Да.

Полина, чувствовалось, очень была рада этому событию. И судя по поведению Ковальских, Наташа будет одна. Если бы она приезжала с мужем, не было бы такого спектакля, было бы сухая констатация их приезда. «Неужели закончится неопределенность? – подумал Павел. Но тут же озадачился вопросом, – Только чем?» По тому, как развивались события после отъезда Наташи, никакой уверенности в том, что у них что-то может сладиться, не намечалось. Но, с другой стороны, по реакции Полины, и по тому, как все обставлялось ею для него, начинала теплиться надежда, почти утратившая свою актуальность за эти полтора года. «Почему мне устроили такой спектакль? – закралась мысль, – Какое было основание для него?» И Павел решил:

– Полин, а с какой целью ты так разогревала мой интерес по поводу приезда Наташи? Она тебе что-то говорила? Потому что, судя по нескольким звонкам за все это время – и то моим, в основном, особой радости мне ее приезд не принесет.

В его голосе Полина уловила нотки обиды.

– Паша, а ты еще любишь ее? – она интонацией как бы старалась успокоить его. Но получилось это как-то неуклюже.

Павел замолчал, словно вопрос своей бестактностью застал его врасплох. Но лишь на пару секунд.

– Если честно, Поляночка, то я уж и не знаю толком. Люблю – не люблю. Я уже забывать начинаю – какая она, – он нервно усмехнулся.

– Паша, она тебя любит! – отчаянно, как будто заглаживая предыдущую оплошность, – заговорила Полина, – Ну... Ну, ты же знаешь Наташку. Она у нас вот такая конкретная девочка – сюсюкать не умеет. Да и пойми ты ее – у тебя сын. А вдруг ты вернешься в семью. Зачем себя тешить пустой надеждой, травить душу. Паша, если бы ты только знал, как же я хочу, чтобы вы были вместе... – она вдруг замолчала, а потом тихо добавила, – А будете или нет – от вас зависит.

– Ну, хорошо, – Павел почувствовал, что сейчас сморозит глупость, но остановиться уже не смог. Туловище, словно в состоянии аффекта, стало самостоятельным, – Ну, допустим, что она меня любит. А чего же тогда так долго не ехала? –

совсем по-детски спросил он.

– Вот поэтому и не ехала, – парировала Полина, – Ты думаешь легко уйти от одной жизни и прийти сразу к другой? Это не для нее. Она так не может, – Полина подошла к Павлу и заглянула в глаза, прикоснувшись легонько к его груди, – Потерпи, Паша, если любишь.

«Потерпи, Паша, – машинально проворчал он внутренне, передразнивая Полину, – Мало я терпел? А сколько еще? Год? Два? Три? Десять лет? Сколько еще можно терпеть?» В горле – в самом низу – как раз между ключиц, проросла обида. Услужливая память, как челнок, стала вытаскивать из бессознательной сути воспоминания – стежок за стежком. Логика и чувства, цепляясь друг за друга, скрепили прошлое и настоящее в единое будущее, форму которого еще так трудно было узреть в кусках ткани событий, в частях словесной отделки, в разбросанной тут и там фурнитуре прелестных и значимых мелочей. Но почти сразу же на душу легла тень – что-то еще просилось из глубин прошлого в освещенный сознанием круг. Какое-то отвратительное, а потому тщательно охраняемое переживание пыталось высвободиться оттуда. Мучительно – по крохам собирая ощущения в эмоцию, это «что-то» никак не могло трансформировать ее в чувство, чтобы затем осмыслить. И вдруг свершилось. Появилось жаркое, ударившее в лицо, чувство стыда.

А за ним – осознание своей эгоистичности по отношению к любимой женщине. «А она? Разве мало терпела она, когда я вернулся из армии? – чувство стыда стало разрастаться в сердце с новой силой, – Разве не я виноват во всем, что с нами произошло?» словно боясь самоуничтожения личности, в Павле на мгновение заговорил циник. Но он его тут же утихомирил, – Да? Конечно, – в нем проснулась язвительность, – Конечно. Сама виновата. Если бы сразу поставила на место... Безнаказанность растлевает...» Душа захлебнулась горечью. «Это мне прощение нужно вымалывать. А я тут обиду разыгрываю». Чувство стыда, переполняя сердце, стало расползаться по груди. Оно зацепило солнечное сплетение, вызвав страх потери, за которым последовало новое осознание, новые мысли, сплетающие змеиные цепочки сомнений и страхов.

– Пойду я, пожалуй, Поляночка.

– Уже?

– Да. Пойду замалывать грехи, – улыбнулся Павел, как смог.

– Паш, да не переживай ты так. Все будет хорошо. Ты прямо сам не свой – даже в лице изменился. Хватит страдать. Понимаю – наделали ошибок. Оба. Но это же все в прошлом.

Надо в будущее смотреть.

– Да, Полиночка, конечно, – Павел утвердительно кивнул.

Да и как можно было спорить с прописными истинами. «Конечно, все будет хорошо... Может быть».

27.

Поезд «Москва – Воркута» следовал по расписанию. Колесный перестук монотонно выводил свою мелодию, заполняя сознание неповторимым ритмом жизни железной дороги. «Та-там – та-там... та-там – та-там», – будто молоточки по наковальне звонко выстукивали колеса. Уже остался за спиной Котлас Южный со своим хитрым перегонном: с ездой – туда-обратно. Впереди Коми АССР – Ухта, Печора, Инта. Наташа стояла в коридоре вагона, напротив своего купе проводников, и смотрела в окно. Начало лета средней полосы, оставшись позади, плавно перетекало в позднюю весну и уже заглядывало в раннюю – районов крайнего севера. «А в Воркуте, небось, еще и мороз, и снегопад можно застать... Какая, все-таки, страна у нас огромная, – подумала, восторгаясь собственной к этому причастностью, Наташа, – Сколько уже здесь работаю, а все не устаю поражаться величию Советского Союза». Она повернулась, сдвинула в сторону дверь и вошла в купе. Закрылась и села за столик – в

самый угол. Мысли о любимом, заполнявшие поле сознания сразу, как только оно освобождалось от тех, что связаны с работой, снова захватили его без остатка. Постепенно растворяясь в ритме перестука колес, Наташа погрузилась в мечты о предстоящей встрече. Иногда она реагировала на слишком близко мелькавшие за окном картинки, но так – автоматом, не отвлекаясь от размышлений. Не видела, не слышала ничего, и ни о чем, что могло бы вывести ее из любовного помешательства, не помнила. Сменщица тетя Оля – Петровна, как величали ее молодые проводницы – отдыхает после ночной вахты. Забавлять разговорами некому. Работы пока нет – слишком велики прогоны между станциями. А чай еще готовить рано. Только и остается, что думать. Или наблюдать за меняющимися за окошком пейзажами.

Резкий поворот дороги стал придавливать Наташу к стенке вагона. «Скоро станция, – сознание переключилось. Опыт, сложившийся в течение нескольких лет работы, напомнил об обязанностях. Она посмотрела на часы, – Минут пятнадцать будем ждать встречного, не меньше...» Свет из окна, заметно потускневший, напомнил о непогоде. Пасмурное небо начинало чертить на стекле тонкие косые линии. Такие короткие и почти не заметные они тут же исчезали, выветриваясь потоками воздуха, чтобы уступить место следующим. Постепенно удлиняясь и утолщаясь, линии все плотнее ложились друг к другу, пока не закрыли стекло

полностью, сделав его замутненную пылью поверхность чуть прозрачнее. «А как солнечно, как тепло и уютно дома, – отозвалось в душе, – Мало того, что природа такая разная, так весной и осенью вообще – такие контрасты между севером и югом. У нас, считай, лето, а в Воркуте – зима. А в Сочи или в Крыму? А в Средней Азии. Там, наверное, уже под сорок... – она представила себе каменистые пустынные горы, безжизненные равнины под палящим солнцем, от которого невозможно укрыться, – Нет. Это точно не для меня. У нас лучше всего». Она представила свой дом. Сож за окнами, в котором только позавчера полоскалась. Лодки у песчаной узкой полосы, что у самой воды. А чуть выше песка – метров пять шириной – берег, насколько замечал глаз, покрыт ковром незабудок. Он голубой рекой струился вдоль течения Сожа, радуя Наташу своей красотой, вызывавшей в ее сознании почему-то образ отраженной воды, параллельно текущей рядом. Только лодок на ней не хватало. Лодки напомнили о любимом: о том, что на днях, наконец-то, закончится их двухгодичное испытание. Снова с замиранием сердца осознала, что станет женщиной в полном смысле этого слова. Даже ощутила прилив крови внизу живота. Стала отгонять вожаделенные мысли, как будто совершала нечто зазорное, что-то не совсем приличное. Но такое приятное. «Пашенька мой! Он такой хороший. Такой заботливый. Такой ласковый...» – восторг уставших от ожидания чувств на мгновение заглушил вкрадчивый голос интуиции. Что-то в

душе не уложилось в эту упрощенную схему, доведенную до абсурда сходящей с ума эмоциональностью. Вдруг вспомнились последние, пусть не совсем холодные, но без особого тепла письма. Ни «Наташеньки», ни «любименькой» в них как не бывало. Какая-то констатация армейских будней с передачей приветов «родным и близким». И ни о любви, ни об их счастливом будущем – ничегошеньки.

Малюсенькая порция страха, проклюнувшись из подсознания, когда подумала о любимом – «такой ласковый», стала увеличиваться в размерах, вбирая в себя фразу за фразой из почти заученных писем. А дальше – разрослась догадками воображения. Настроение начало портиться. Эйфория сменилась полным его упадком, отчего до чертиков захотелось плакать. Мысль – «была бы дома, уже ревела бы» – заставила взять себя в руки: здесь она этого делать не будет. Наташа даже всхлипнула от напряжения, но сдержалась. Резко поднялась и пошла кочегарить топку.

Предложение о чаепитии пассажирам поступило сразу после разезда – раньше обычного по расписанию времени.

28.

Первые три, как в тумане, дня Паша провел в разговорах с друзьями – с вином и девчонками, не чуравшимися их ве-

село́й разбитной компании. Все происходило как будто само по себе – словно без его на то желания. По инерции. Оно и воспринималось как парадоксальный сон. И потому моральной подоплеки в этом состоянии не требовало: даст бог день – даст и пищу. А через три дня из рейса вернулась Наташа.

Он уже не спал в то утро. Привычка подниматься рано, сложившаяся за два года службы, давала о себе знать. Ложал уже около получаса и, несмотря на легкую от возлияний головную боль, наслаждался свободой и осознанием того, что больше не нужно следовать уставному распорядку, ежесекундно насилуя себя исполнением чужой воли. Солнце – через полупрозрачные в розах шторы – ласково проникало в его небольшую комнату. А в полуоткрытую створку окна в нее входили звуки, наполняя все существо ощущением праздника. Лето, солнце, перспектива поступления в университет – все окрыляло и заставляло сильнее пульсировать сердце. Вызывало в душе эйфорию от этой радужной перспективы будущего. Вспомнилась Нина, с которой ехал в автобусе и возможность скорой встречи – он ведь на днях повезет документы. Внутреннее зрение нарисовало симпатичное в веснушках лицо. Полные губы. Округлости груди и бедер, красиво очерченные тонкой тканью платья. Образы сцен, связанные с этими формами, возжигавшими огонь чувств, замаячили в сознании. Но почти сразу в эту идиллическую картинку, вызвав уже привычную двойственность,

закралась мысль о Наташе. Он боялся встречи, боялся близости, которая поставит крест на всей прекрасной перспективе, ожидавших его приключений. Он хотел Наташу. Но хотел не сейчас – потом. Когда отучится. Когда не будут разрывать противоречивые чувства, притягивавшие его ко всем красивым женщинам. Ощущал свою непорядочность по отношению к ней, но с природой спорить не мог. Сладострастное нечто, от которого мутилось в голове, заставляло думать об нем. Было и стыдно, и хорошо одновременно. И с этим, к сожалению, не хотелось расставаться.

Наташин голос, влившийся в размышления о ней, стал каким-то почти нереальным его продолжением. И потому Паша сразу и воспринял его как нечто эфемерное. Не настоящее. Но вдруг сердце сначала сжалось, а затем сильно-сильно забарабанило в грудь. Усилилось чувство стыда. Как будто его поймали на чем-то, что не соответствовало моральным представлениям. А потом вдруг все мысли, обремененные сомнениями и борьбой с естеством природы, мгновенно улетучились. Он быстро выскочил из-под простыни и так же быстро вскочил в спортивные штаны, висевшие рядом, на спинке стула. И как раз вовремя. Послышался стук. Дверь распахнулась. И в комнату почти вбежала Наташа. Легкое сомнение, промелькнувшее на ее лице во время секундной паузы, когда она, замерев, смотрела в его глаза, сменилось блеском нахлынувших чувств. Она молча бросилась к нему,

обхватив его шею руками и замерла.

Паша ощутил от подавляемых всхлипов пульсацию ее тела. И сердце наполнилось жалостью к этому доверчивому, милому и такому родному существу. Неконтролируемые толчки в ней почему-то передались и ему: защекотало веки в районе ресниц. «Не изменилась ни капли, – вспомнил, – Даже сейчас зажата – не может расслабиться, заплакать по-настоящему».

Наконец, Наташа чуть громче всхлипнула, одновременно с шумом вдыхая увлажнившимся носом воздух, и отпустила объятия. Сквозь слезы посмотрела ему в глаза, улыбаясь виновато. Взяла брошенную на кровать сумочку и достала оттуда носовой платок. И ни слова.

Молчал и Паша. Он не представлял, что бы мог сейчас ей сказать.

Наташа вытерла слезы и снова заглянула ему в глаза. По-красневшие белки, припухший и покрасневший нос, неудобство, которое, скорее всего, она из-за этого испытывала, все в ней сейчас умиляло его.

Она посмотрела по сторонам, словно что-то искала. Он понял. Взял за плечи и усадил на кровать. И Наташа как-то

облегченно вздохнула.

– Наташенька, – Паша сел на корточки, обхватив ее колени и заглядывая в глаза, – Ну что ты, девочка моя? Все же позади.

Он говорил искренно, потому что верил сейчас самому себе, как никогда. Верил в порыве чувств. Верил, забыв напроць о том, о чем только что размышлял и с чем был почти категорически согласен. Их энергии, смешиваясь в едином порыве, уже делали свое дело, туманя сознания и принуждая к объединению их тела. Паша пересел ближе, обхватив плечи Наташи. Стал целовать ее – в губы, в покрасневший нос, в глаза, еще не просохшие от слез. И она расслабленно замерла, словно лишилась последних сил, которых чуть хватило, чтобы прийти сюда. И вдруг встрепенулась.

– Пашенька, а если Тамара Михайловна войдет? – она попробовала отстраниться от него.

И он не стал настаивать. Его неожиданно охватило странное чувство. словно время, невероятной силой разорванное пополам, двумя тяжеленными своими краями легло на плечи. И от этого Наташа, сидевшая рядом и казавшаяся такой близкой – каких-то пять минут назад, стала вдруг отстраненно далекой. Это, вроде бы, все та же Наташа, но уже и не та.

«Да-а, – пришла мысль, – вот они метаморфозы долгих разлук. Вроде, и родной человек, а, вроде, и чужой. И как-то все это сложно, непонятно... и неприятно, если не сказать – отвратительно». Отчужденность, появившаяся еще на службе и исподволь жившая в нем, вдруг обрела форму. Паша ясно ощутил ее присутствие. Она, так долго уже существовавшая в нем бессознательно, наконец, проявилась вполне конкретными чувствами и мыслями. «И как теперь жить с этим? Как изображать страсть, если ее нет? Как показать женщине, которая знает тебя как облупленного, что ты восторгаешься ею, если ты можешь ее только пожалеть... – сердце захлестнула горечь, – А если попытаться сыграть эту восторженность, тебя сразу же раскусят, как ребенка... Грустно. Но факт...»

– Дети, идите завтракать, – в голосе Тамары Михайловны сквозила неуверенность.

– Ну что? Пойдем? – Паша уцепился за спасительную возможность прекратить напряженную паузу, – Я такой голодный. Да и умыться не мешало бы.

– Да-да, Паша, ты иди, – она поднялась с кровати, – А я сейчас.

Наташа достала зеркальце и что-то невидимое подправила на лице.

– Ну что? Я пошел?

– Иди, иди, Паша.

Ему показалось, что ей хочется хотя бы на несколько секунд остаться одной. Привести в порядок ощущения, которые – он знал наверняка – уже стучатся догадками в дверь ее сознания. Потому что не могла Наташа не почувствовать его мгновенного охлаждения и этого позорного чувства жалости к ней.

Буквально, через пару минут она вышла. Совершенно спокойная. Собранная. Даже с улыбкой на лице, не соответствовавшей покрасневшим белкам глаз.

– Наташенька, мой ручки, и – к столу, – встретила ее ласково Тамара Михайловна.

– Спасибо. Но я, пожалуй, пойду. Я же с дороги, Тамара Михайловна. Надо себя в порядок привести, – она повернулась к Паше, – Я буду ждать... Ты же придешь? – спросила, словно засомневавшись.

Ее неуверенность, весь ее вид снова вызвал волну жалости в нем. «Странно, – мелькнуло в голове, – я отношусь к ней,

как к родному человеку – как к сестре, что ли?»

– Ну, конечно, Наташа, – улыбнулся он, вложив в улыбку всю существовавшую в нем теплоту в отношении к ней, – А разве может быть иначе?

Он подошел, взял ее за плечи и нежно поцеловал в щеку. А она – это так было заметно – вдруг расслабилась, заулыбалась естественно. И эта естественность придала ей вид маленького ребенка, которому подсунули побрякушку. И он теперь в растерянности: смеяться или плакать.

– Пойду... – не то спросила, не то сообщила Наташа, и, повернувшись, пошла.

Паша долго фыркал у рукомойника во дворе, вытирался принесенным матерью полотенцем, чистил зубы. Жизнь прекрасна. Неудобство, возникшее при общении с Наташей, уже улетело, как легкий дымок, стоило только измениться состоянию тела.

– Паша, ну иди уже, – услышал голос матери, – Остывает все.

– Иду, мам, – он повернулся к ней, и на мгновение замер, осознав – как же редко видит эти такие милые его сердцу

глаза. Уловил в них нежное внимание к себе, отчего непроизвольно отреагировал, – Что? – слетело с губ.

– Красивый ты у меня, Пашка, – мать не скрывала восхищения сыном.

– Это ты у меня красивая. А мне уже – что осталось, – ему вдруг так захотелось наговорить маме кучу всего хорошего. От благодарности за ее нежность. За не требующую ничего взамен любовь. За заботу и опеку, которая так доставала его до армии. «Как меняется отношение к одним и тем же вещам с годами, – Паша улыбнулся, – С годами... Прошло-то каких-то два года, а я замахнулся на все двадцать... Интересно, – включилось воображение, – а как я буду думать через двадцать лет?»

За едой он успевал, и разговаривать с мамой, и философствовать в самом себе. Спонтанное мышление порождало чудное кружево из ощущений, чувств и мыслей. Философия иногда прорывалась наружу – в речь, и разговор превращался в монолог. Иногда Пашу заносило – он видел это по удивленному маминому взгляду, а иногда приземляло до осмысления простых бытовых тем. И тогда у них складывался диалог. Мама либо поддакивала ему, либо рассказывала что-нибудь из своих жизненных наблюдений.

Так они проговорили около часа.

– Ну, мой мальчик, тебе пора, – закончила беседу мама после некоторой паузы, возникшей от того, видимо, что все уже на сегодня было сказано, – Наташа ждет, небось... Рубашку я тебе погладила – висит в общей комнате на стуле.

– Спасибо, мам, и за блины, и за рубашку, – Паша поцеловал ее в щеку, – Да, конечно. Пора... Заболтались мы с тобой тут, – шуточно сказал он, улыбаясь.

29.

Минут через десять он уже шел по своей улице, с удовольствием ощущая силу во всех мышцах. В кармане червонец, который в последний момент мама сунула в карман. На душе – легко. И даже встреча с Наташей, что так тяготила последнее время, привлекала своей неоднозначностью: «Будь, что будет. В конце концов, я – мужчина, и ответственность – моя обязательная черта».

Не успел он додумать эту мысль до конца, как в душе зашевелился червячок сомнения. «Какая, к черту, ответственность? Жизнь-то одна. И что? Ты отдашь ее кому-то? Надо же и о себе подумать».

Паша попытался подавить этот возникавший в себе голос размышлениями о том, куда они с Наташей сейчас пойдут. Но от этого только стало хуже. «А Наташа? – возмутилась совесть, – Ее жизнь не в счет? Три года, что она потратила на тебя...» «Нет, что значит потратила? А я что, не страдал целый год, когда она сказала, что ей со мной не интересно?» «Ну, Думанский, это уже запрещенный прием. Неужели же ты настолько мелочен, чтобы вспоминать женщине старые обиды? Тем более что ее проступок по отношению к тебе не был злым умыслом». «Так и у меня сейчас никакого злого умысла. Просто я не хочу жениться... Я до чертиков этого не хочу». «Ну вот, и кто ты после этого? А ведь она девственница. Из-за тебя дурачка. А ей – уже почти двадцать два... »

Аргумент оказался слишком убедительным. Как будто на самом деле девственность – это что-то такое значимое в жизни человека, такое святое, с чем нельзя обращаться безнаказанно. Что-то в этом символе было для него – какая-то сила, преодолеть которую стало невыносимым испытанием. И червячок сомнения постыдно притих, освободив Пашу на время от извечной борьбы между «хочу» и «надо», между животным и божественным полюсами обремененного этой борьбой сознания.

Они решили, что поедут в областной город. Дома делать нечего – пойти некуда. А там – красота. Огромный уютный

парк со всякими аттракционами. Улицы, полные народа. Магазины. В конце концов, можно совершить двухчасовую прогулку по реке. Да и гулять целый день есть где. До самой ночи. А домой уехать на «часовой моторке» – теплоходике, который отходил от городского причала в час ночи. Два с половиной часа, и они – у себя. Хоть и маленькое, но приключение.

Через полчаса дошли до автостанции, а еще через час, надышавшись парами бензина в жарком и пыльном ЛАЗе, оказались в областном центре.

Проезжая мимо университета, Паша подумал, что еще придется как-то объясняться с Наташей по поводу поступления. А это подразумевало отсрочку узаконивания их отношений. Вспомнил всю в веснушках Нину и свои недвусмысленные притязания на встречу с ней. Снова на какое-то мгновение шевельнулось сомнение. Он взглянул на Наташу. На ее счастливое лицо, на руку, доверчиво лежавшую на его руке. Стало невыносимо стыдно: «Сволочь я... Животное». За стыдом, нейтрализовавшим позыв нижних слоев сознания, пришло успокоение – «все хорошо». Пришла нежность к Наташе – его любимой, с которой он никогда не расстанется: «Только надо поступить... и хотя бы три курса отучиться на стационаре. А там – перевестись на заочное... И можно жениться».

Проснувшись от последней заявленной фразы совесть не успела реализовать свое «фи», потому что автобус подошел к остановке, где им следовало выйти.

– Паш... нам пора. О чем ты там все время думаешь? – Наташа улыбалась.

«Какая красивая! – он поднялся следом за ней. Задержался на секунду, разглядывая ее шикарную фигуру, обтянутую легкой тканью платья, – Ну что тебе еще нужно, Думанский? Такую девочку отхватил. Да ты – Шура Балаганов... Нет. Хуже. Индеец: золото меняешь на цветные стекляшки».

Пройдя по Советской, они вышли на площадь Ленина. Прошли мимо здания театра, стоявшего справа – через дорогу и напоминавшего своими колоннами и лепниной картинку из учебника истории. И оказались у цели.

Парковая зона начиналась с аркады ворот, стройно вписавшихся во весь дворцовый ансамбль старинной усадьбы с небольшой церквушкой. Все это великолепие напомнило их с Наташей прогулки двухлетней давности. Бесшабашность, с которой воспринимался мир. Казалось, не нужно думать о будущем – скоро в армию. Как будто армия – это только Афган, это война. И в этом заключалась вся прелесть. Пото-

му что перспектива определена. Вот оно счастье – здесь и сейчас. А потом – хоть трава не расти. Дальше жизни нет. Жизнь не существует. Ну, а если и существует, то она как бы тоже определена, о ней тоже кто-то позаботится. Паша улыбнулся той детской наивности, так иждивенчески представлявшей жизнь. «А, впрочем, что изменилось? – пришло откровение, – Только то, что раньше я этого не понимал, а сейчас понимаю? Разве иждивенчество закончилось? А ведь я собрался учиться. А жить за что? За одну стипендию? Конечно... А значит, понимание ничего не меняет, кроме дополнительных угрызений совести. Был обузой и остаюсь».

Самолюбие оказалось ущемленным. Но молодость не та пора, когда можно заикнуться на негативе. Молодость все-таки находит достойные аргументы. Через несколько минут они с Наташей уже подошли к пристани, держась за руки. Решили первым делом покататься на теплоходе по реке.

– Я беру билеты, – сказала Наташа, бросив при этом «не спорь», хотя он еще даже не успел возразить.

У кассы оказалось, что еще целый час до начала прогулки.

– Пойдем – возьмем по мороженому, – предложила Наташа, – Посидим где-нибудь в парке. Она с нежностью посмотрела на него, заразив ею и Пашу.

– Я не против, – он обнял ее за плечи и чмокнул в губы, – улыбаясь, – Ты – прелесть.

Далеко идти не пришлось: чуть дальше по аллее, в тенечке стояла мороженица со своим ящиком на колесиках.

– Ты что будешь? – спросил Паша, когда они подошли.

– А что есть?

– Добрый день, – повернулся он к молодой женщине, – А что вы нам можете предложить?

Мороженица заулыбалась и с явным интересом, словно приценивалась, посмотрела на Пашу.

– Добрый, – ответила, – Да все есть. И эскимо. И крем-брюле. И пломбир... Фруктовое, – она пялилась на Пашу и совсем не обращала внимания на его спутницу.

– Ну что, Наташ?

– Давай эскимо, – как-то резко ответила та.

– А вам какое? За одиннадцать или за двадцать две? –

продолжала кокетничать мороженица.

– Мне маленькое, – бросила Наташа.

– Два – по одиннадцать, – Паша достал из кармана мелочь, оставшуюся от встречи с друзьями, и отсчитал двадцать две копейки.

– Огромное спасибо...

– Пошли быстрее, – Наташа увлекла его за собой, схватив за руку.

– Куда? – не понял он.

– Туда, – она показала рукой с мороженым.

Им пришлось немного пройти вглубь парка. Там как раз освободилось место – не на солнце, как хотела Наташа.

Длинная скамья, выкрашенная в коричневый цвет, хранила след недавнего обновления – прилипший клочок тетрадного листка в клеточку с двумя первыми буквами слова «окрашено». «Ок» еще не совсем истерлось и взывало к бдительности отдыхающих.

Еще когда брали мороженое, Паша уловил в лице Наташи едва заметное недовольство. Да оно и сейчас не сходило с ее лица.

– Ну что случилось? – спросил, улыбаясь – понимая, откуда растут ноги.

– А то ты не догадываешься? Вон как эта тетка на тебя смотрела. А ты... улыбался ей.

– Ну, какая же она тетка? – засмеялся Паша, – Ей лет тридцать – не больше. А что? Может, надо было облаять ее за то, что она на меня смотрела? На тебя, кстати, мужики тоже пялятся – будь здоров. А я даже горд, что у меня такая красивая спутница.

Наташа промолчала, но аргумент, кажется, подействовал.

Мороженое оказалось не слишком холодным. Пришлось есть быстро. Они поглядывали друг на друга, улыбаясь, иногда перебрасываясь репликами по поводу шоколада, который норовил оказаться за пределами губ. Потом этими губами, холодными и сладкими, целовались. Потом Наташа достала из сумочки стомиллиметровую «Яву», привезенную из Москвы, и они покурили.

– Паш, а Расскажи что-нибудь о службе.

– А что рассказывать, Наташечка? Поверь – нечего абсолютно. Я и послужил-то по-настоящему всего полгода, особенно когда в карантине был месяц. А так – работа с документами. Вот и все.

– И что – даже оружия у тебя не было?

– Ну почему? Числилось за мной оружие, как и за всеми.

– Ой, Паша! – она подскочила и оправила сзади платье, – Мы же можем опоздать. Пойдем скорее.

Паша посмотрел на часы. Еще пятнадцать минут. А идти – буквально минуты две.

– Ты чего паникуешь? У нас еще уйма времени.

Но Наташа уже схватила его за руку и потащила в сторону дебаркадера.

– Пошли, пошли. Лучше там посидим, на теплоходе, а то все лучшие места позанимают.

Не сказать, чтобы людей на палубе оказалось много, но

все же достаточно для буднего дня.

– Посидим сначала здесь... А если, когда выедем на реку, станет прохладно, пойдем внутрь... – щебетала Наташа, выбирая, где бы ей лучше пристроиться, – У меня-то ветрочка с собой есть. А у тебя же нет... – и непонятно было – то ли утверждала, то ли спрашивала.

– Ну да, нет, – улыбнулся ее простоте Паша.

– Ну вот. Значит, если что, пойдем внутрь. Там, по-моему, вообще никого нет... Паш, а пойдем вон на ту скамейку – мне там больше нравится. Там будет удобно. И на воду можно смотреть, и оба берега хорошо будут видны.

«Ну вот, успокоилась – стала сама собой», – подумал Паша. Они прошли в кормовую часть палубы и сели, куда хотела Наташа. Вскоре теплоходик отдал швартовы. Отсюда, и правда, великолепно все видно. И берега, и вода сбоку, и бурлящий след за кормой. Прижимаясь один к другому, они некоторое время сидели молча – наблюдали за началом движения. Общий фон, окружавшего их мира, наверное, создавал похожесть восприятия. И от этого, хотя мысли у каждого и были свои, появлялась общность, вершившая их жизнь здесь и сейчас.

Мысли Наташи – и это касалось позитивного отношения к собственному будущему – постоянно натыкались на стену, созданную ее воображением. Полгода назад ей как-то приснился сон, который, наверное, захотела бы – вряд ли забудет. Как будто они с Пашей шли по железнодорожному полотну. Паша – чуть впереди – метрах в пяти. А она, почему-то, сзади. И, как ни пыталась, как ни старалась, никак не могла догнать его. Не получалось. Тяжесть в мышцах не давала. Ноги, словно свинцом налитые, отказывались слушаться. И вдруг пальцы ноги ударились обо что-то невидимое, а вслед за этим грудь и лицо ощутили стену, которой на самом деле не было. Но она была. И эта прозрачная стена не позволяла двигаться вперед. Наташа била в нее кулаками и кричала. Звала Пашу. Но он ее не слышал. Продолжал идти. Все дальше и дальше. Она ощутила, как время постепенно замедляет свой ход, и вместе с этим – синхронно – начинает гаснуть свет. Он становился все более и более тусклым, пока темнота, наконец, ни поглотила все и вся. Но в этой крошечной темноте Наташа продолжала чувствовать себя. Вдруг в сознании возник вопрос: «Я умерла?» И сразу за ним последовал другой, словно не она себя, а кто-то спрашивал ее: «А разве ты не осознаешь себя?»

«Может смерть такая и есть? – подумала, проснувшись, –

Может, я заглянула в свое будущее?»

Несколько дней она ходила сама не своя: мало того, что по письмам почувствовала охлаждение, а тут еще сон. «А может, мои догадки этот сон и спровоцировали? Что хочешь, то и думай». И она думала. И думы эти укрепляли невидимую стену между ними. Но, только когда вернулась из рейса и первый раз увидела Пашу, все стало ясно. Точно – он уже не тот, кого она знала, кого любила больше всех на свете. Это совершенно другой человек. Другой мужчина. Именно мужчина, а не парень, чья жизнь – она была уверена когда-то – принадлежала ей. Наташа взглянула на него, увлеченно наблюдавшего за бурлящим следом за кормой. Увидела темную от выбритой щетины щеку. Бачку, заканчивавшуюся у мочки уха. Все – то же, и все по-другому. Еще прошлой осенью она почувствовала что-то не то. А с октября до Нового года, в подтверждение ее страхам, пришло лишь одно письмо, где ни «любимой», ни «Наташечки» – ничего. Одна из подруг сказала тогда, что все парни такими становятся после года службы, и особенно за полгода до ее конца – совсем перестают писать. Мол, привыкают и уже им не нужна такая моральная поддержка, как вначале. Но Наташа-то чувствовала – не в этом дело. А поди ж ты узнай – что да как. Только и остается, что догадываться. И она догадалась – у Паши есть другая женщина. Именно женщина, которая забирает его энергию. Она физически это прочувствовала, когда ока-

залась под влиянием сна. Когда несколько дней, как и во сне, испытывала тяжесть в мышцах и опустошение при мысли о любимом. Лишь на какое-то мгновение засомневалась: «Может, Пашенька заболел, и мои силы ему помогают выздоро-
равливать?» Но нет – уже наверняка знала – есть женщина. интуицию не обманешь. Все это вспомнилось сейчас, внося вновь смуту в чувство уверенности, только что возникшее. Она повернулась к любимому и потянулась губами к его губам. Паша ответил. Но без страсти, которая всегда опьяняла ее. Просто чмокнул. Ну, чуть дольше, чем в дружеском поцелуе. И все. «И это вся его любовь? – услужливое сознание не замедлило подсунуть сомнение, – Может, стесняется на людях? – так не хотелось думать о плохом, – Конечно, все уже не так. Но кто сказал, что должно быть так, как было? Может так и надо?» Уж лучше так, чем никак. Она любит. Что еще?

31.

А Паша вдруг вспомнил, как два года назад – на таком вот теплоходике – они с Наташей целовались в засос. Прилюдно. И как стеснялась Наташа. А он был горд самим собой, ощущая свою распиравшую грудь взрослость.

Белый пенистый след за теплоходиком отвлек внимание. Паше вдруг так захотелось встать и пойти к ограждению:

смотреть оттуда – сверху вниз – на бурлящее кипение зеленоватой воды, как он делал это не раз на Азовском море, когда ребенком катался с родителями на прогулочном катере. «Такой же почти теплоходик, как и здесь, – мысль вызвала улыбку, – Почему его там называли катером? Наверное, потому, что это на самом деле был катер по сравнению с кораблями на горизонте. Даже с берега представлялись их размеры. А здесь – на реке – прогулочный теплоход назвать катером – язык не поворачивается». Паша разомкнул Наташины руки, обнимавшие его за талию.

– Я сейчас, – он встал и подошел к ограждению на корме.

Вода бурлила, и звук ее, здесь – совсем рядом – достаточно громкий, пытался конкурировать со звуком двигателя. Переливы искусственных волн, выбрасываемых на поверхность винтом, напомнили о весне с ее потоками талой воды, о Лике, которая приезжала к нему предпоследний раз в марте. И о ручье за пределами части, который он переходил по перекинутому дощатому мостику, идя после отбоя в самоволку. Вспомнилась сама Лика и их безобразия на съемной квартире, делавшие ночь совсем короткой. Казалось, ее время сжималось едва ли не до размеров часа. «Все пройдет, и это тоже, – выплыла откуда-то из памяти фраза, – Где я ее слышал? От кого?» Непонятная логика спонтанного мышления подбрасывала все новые и новые мысли, пока Паша не

ощутил в себе неудобство. Оно сначала вкрадчиво и тихо заявило о себе, а потом стало расти, отвлекая от воспоминаний. И вдруг до него дошло: «Наташа!»

Она сидела, повернув голову влево. Красивый профиль выдавал одновременно массу оттенков ее чувств – всего того, что прячет в себе сложная натура и чего невозможно даже близко передать языком. А, может, ему так только казалось? Наташа повернулась к нему, увидела, как он на нее смотрит, и в ее глазах мелькнуло любопытство.

– Что? – спросила.

– Ничего, – Паша сел рядом, крепко обнял ее и нежно, и в то же время страстно поцеловал.

И она, как птичка в ясное солнечное утро, защebetала. Сколько всего ей хотелось рассказать своему любимому. И любящему. Она, наконец, узнала своего Пашеньку. «Мой – и ничей больше. Мой, мой, мой...» – пульсировало в голове. И эта наивность неопытного сознания, трепетно верившего в обладание чем бы то ни было в быстротечности жизни, сделала Наташу в мгновение ока самым счастливым человеком на земле.

Через два дня она уезжала в очередной рейс. Ее счастли-

вое лицо – даже при прощании – говорило, что такая разлука ничто, потому что она любима и любит. Подумаешь – какие-то три-четыре дня. Одно только немного беспокоило – не свершилось настоящей близости. Но это сбрасывалось на обстоятельства. «Все еще будет у нас с Пашенькой. Просто долгая разлука сказывается – мы отвыкли друг от друга. Он стесняется». Наташа искала причины. И находила их. Она, конечно, подспудно отмечала тот факт, что ведь она-то не отвыкла, что она хочет почувствовать его всем своим существом. Ощутить в себе. Но чувства не захотели внимать разуму. Наоборот – попытались передать знамя своей веры. Тень, брошенная им, казалась слабой и почти нереальной. Но все же оставила след: вокруг столько привлекательных девушек, и они – не то, что она – настоящие женщины. И все-таки Наташа уезжала с легким сердцем. Энергия молодости давала уверенность, что все будет хорошо, что ничего плохого не произойдет.

32.

На следующий день после ее отъезда Паша собирался в университет – отвезти документы для поступления на подготовительное отделение.

Выйдя из дому в начале девятого, к зданию главного корпуса он добрался только часам к двенадцати – попал на боль-

шой перерыв между рейсами пригородного маршрута. Поднялся по ступеням на довольно большую площадку перед входом под таким же большим, нависавшим над ней козырьком. Высокая дверь тяжело пропустила его внутрь.

На вахте объяснили, куда ему: оказалось – четвертый этаж, 434-я комната.

Добравшись по широкой, с длинными пролетами лестнице на четвертый этаж, Паша прошел по длинному коридору и остановился у кабинета с нужным номером. Прочитал надпись. Развернул газетный сверток, достал справку с места службы, характеристику и аттестат о среднем образовании. Еще раз перечитал табличку: «Подготовительное отделение. Горская Надежда Александровна». Постучал и вошел.

– Разрешите?

За одним из двух столов сидела девушка. «Интересно, она и есть Надежда Александровна? – засомневался, – Вряд ли. Слишком молода: года двадцать два – не больше. Скорее, секретарша».

– Да. Проходите, – она не сразу подняла взгляд – чем-то была занята, рассматривая одну из бумаг среди кучи лежавших на столе.

– Добрый день. Я...

– Добрый... одну секунду.

Пока она сосредоточенно молчала Паша познакомился с интерьером довольно обширной, с высоким потолком комнаты.

– Вы по какому вопросу... молодой человек? – она с интересом, пристально посмотрела на него.

– Я? – Паша смутился от ее почти бесцеремонного взора.

– Ну да. Вы. А разве здесь еще кто-то есть? – девушка поощрительно улыбнулась.

И Паша тоже улыбнулся. Машинально ответил взаимностью.

– Я документы привез для поступления... к вам, – посмотрел на девушку выжидающе.

– Ну? И дальше что? – спросила она, продолжая улыбаться.

– А что дальше? – недоуменно поинтересовался он и подумал, – «Чего ей надо?»

– Документы-то давайте, раз привезли, – решила она не мучить его больше, – Посмотрю – все ли у вас в порядке.

Он быстро подошел и протянул ей свои бумаги.

– А-а, а я-то думаю... – виновато проямлил он.

– Сомневаюсь я... Павел Петрович Думанский... что вы думали... – девушка не церемонилась, сосредоточенно просматривая направление. И вдруг, посмотрев на Пашу, опять заулыбалась, – Каламбурчик получился, Павел Петрович.

– Ну, да, – Паша согласно кивнул, – «Понравился я ей что ли, шутит все. Уже давно можно было сказать – что так, а что не так». Ему неприятен был тон разговора, где он оказывался каким-то маленьким дурачком.

– Все у вас в порядке, Павел Петрович. И это хорошо. Не нужно ничего переделывать. Однако есть маленькое «но», – она сделала паузу, – У нас – на подготовительном прием документов осуществляется позже. С июля. Если бы здесь была заведующая отделением и дала бы мне распоряжение взять ваши бумаги, я бы тогда приняла их как положено. А без

нее – не могу. Порядок есть порядок... Но вы не отчаивайтесь, – увидела она расстроенный взгляд Паши, – Надежда Александровна в течение часа должна появиться. Если хотите, подождите. Но я вам ничего не обещаю. Это все зависит только от нее.

– А вас как зовут, – решил спросить Паша.

– Меня – Ольга Леонидовна, – девушка посмотрела на него, как будто спрашивая – зачем ему это.

– Скажите, Ольга Леонидовна, а где мне можно подождать?

– Подождать? – она сделала паузу, будто соображая – оставить его здесь или нет, – Лучше в коридоре... Я вас кликну, когда она придет. Так будет лучше. Потому что, если я просто скажу, что кто-то принес документы, она сразу даст от ворот поворот.

– Хорошо, – Паша повернулся уходить.

– Документики-то... заберите. А то весь наш спектакль сразу провалиться.

Паша взял из ее рук документы и, поблагодарив, вышел.

Надежда Александровна – он сразу догадался, что это она – появилась перед самым обедом. И только вошла, как в дверях показалась Ольга Леонидовна. Поманила его пальцем. И, когда он приблизился, прошептала:

– Я сказала, что вы – к ней. А по какому вопросу – не знаю. Не спросила. Так что не подведите меня.

Паша кивнул и проследовал за ней.

– Здравствуйте, Надежда Александровна. Я к вам, – отчеканил он сразу – с порога.

Надежда Александровна, стоя к нему вполоборота, что-то укладывала в стоявшую на столе сумочку. Повернулась и посмотрела на него с интересом.

– А вы от кого, молодой человек?

– Как от кого, – не понял Паша, но тут же до него дошло, – А-а, нет – я ни от кого. Я сам по себе.

Надежда Александровна, по возрасту годившаяся ему в матери, добродушно улыбнулась его душевной простоте и открытости, с какой он гримасничал, отвечая на ее вопрос:

видимо, Паша сразил ее своей наивностью.

– Зачем же вы к нам пожаловали сами по себе? – в ее улыбке чувствовалась усталость – с ним разговаривали, как с неразумным надоедливym ребенком.

«Вот, – подумал, – откуда у этой Ольги такой стиль общения».

– Хочу у вас учиться, – выпалил Паша, словно докладывал обстановку старшему по званию.

Заведующая, продолжая улыбаться, поморщилась:

– Только что из армии?

– Так точно... – он стушевался, – Извините...

– Ничего страшного, молодой человек. А вы что – не знали, когда у нас прием документов?

Паша на секунду задержался с ответом – боялся врать. Он взглянул на Ольгу Леонидовну, от чего та моментом покраснела. Посмотрел на Надежду Александровну.

– До сегодняшнего дня не знал.

Наступила пауза, после которой заведующая начальствующим тоном заключила:

– Та-ак! Ну и что же вы мне тут комедию разыгрываете? – она сердито посмотрела на Пашу, – Говорил, что ни от кого, а сам... от Ольги Леонидовны?

– Надежда Александровна... – подскочила со стула методист, пытаясь, видимо, оправдаться.

– А с тобой... – заведующая сердито посмотрела на нее, – мы поговорим потом.

– Ну, Надежда Александровна. Парень – с периферии. Ну что же ему с этими документами целый день таскаться? Еще потеряет где-нибудь. А мы их в сейф положим, – заблажила Ольга Леонидовна, полушутя полусерьезно.

– Ладно, Оля, прощу тебя на этот раз. Понимаю, трудно устоять перед таким мальчиком.

Пашу, еще не успевшего отойти от предыдущего пассажа, снова бросило в краску.

– Но будешь в наказание заниматься оформлением в обе-

денное время.

– Спасибо, Надежда Александровна, – почти в один голос поспешили сказать Оля и Паша.

– Все, – сказала заведующая, вешая на плечо сумочку, – Я пошла обедать... Документы, я так понимаю, Ольга Леонидовна, у него в порядке? – обернулась она к методисту.

– Да, Надежда Александровна, – потупила та стыдливо взгляд.

– А с вами, молодой человек, прощаемся до осени, – сказала она, уже выходя из кабинета.

– До свидания, Надежда Александровна, – уже вдогонку проговорил Паша, – Еще раз спасибо.

Оба облегченно вздохнули.

– Ну, Думанский, сдал меня с потрохами – не мог соврать нормально.

– Не смог. Простите, Ольга Леонидовна...

– Да ладно тебе, Павлик Морозов. Заладил – простите,

Ольга Леонидовна, – передразнила она его. Можешь называть меня по имени. Все равно уже меня дискредитировали в твоих глазах, – она снова заулыбалась.

– Я не против, – снова смущаясь, сказал Паша.

– Еще бы он был против, – нарочито серьезно возмутилась Ольга, – Что стоишь как истукан? Давай свои документы и садись напротив.

Управились они быстро, так что времени пообедать Пашиному защитнику еще хватит с лихвой.

– Оля, спасибо тебе за все огромное.

– Да ладно, Павел, будешь должен, – она хитро улыбнулась, – Осенью сочтемся.

– А может нам вместе пообедать? – он покраснел: это не входило в его планы ни по времени, ни по деньгам. Но слово – не воробей.

– Ну, уж нет, на сегодня мне тебя хватит, – Оля засмеялась, – Шучу, Павел. Просто у меня свои планы есть на это время, – она подошла к зеркалу. Взглянула на себя и поправила волосы. Достала из сумочки ключи, – Все, Думанский,

выметайся – я и так уже потратила на тебя времени больше, чем надо, – поторопила она его.

Наконец, Паше стало очевидным, что она спешит.

– Извини, не сообразил сразу, – он поспешил к двери, – Оля, спасибо тебе большое.

– Ну, хватит уже рассыпаться в благодарностях. Пока... Тебе, кстати, туда, – она показала ему обратное направление, потому что Паша продолжал идти за ней.

– До свидания, Оля, – он развернулся и с легким сердцем двинулся к лестнице. Душа пела. Потому что всей своей восторженной сутью Паша уже осознал собственную причастность к этому месту: совсем скоро он будет слушателем подготовительного отделения. А через год – студентом. Никаких сомнен

33.

Солнечный теплый день добавил радости существованию. Паша направился к универсаму: купить коробку конфет – не с пустыми же руками идти к Ниночке. Но главное, чтобы она оказалась на месте – никуда не ушла. Он сразу запомнил тогда то, что она записала. Да и как не запомнить. Фамилия – проще не бывает – Иванова. Номер дома общежития – 13

– чертова дюжина. Номер комнаты – 404. А улица – и того проще – Первомайская, как и дома.

Вот оно – старое пятиэтажное строение из красного кирпича – с входом посередине длины здания. С небольшим крыльцом под широким козырьком. Почти сразу, лишь миновав еще одну дверь – стеклянную, распахнутую настежь, Паша оказался в вестибюле. От бетонных – в цветных геометрических рисунках – полов повеяло прохладой. Яркий солнечный свет улицы сменился на полумрак помещения с зашторенными наполовину окнами. Чуть вправо, на небольшом возвышении стоял выдавший виды письменный столик с инвентарным от руки номером – белой краской. За ним восседала пожилая, в черном спецовочном халате женщина со спицами в руках, сосредоточенно и быстро набиравшая на них петли. «Или вахтерша, или уборщица, которая ее подменила, пока та отлучилась», – догадался Паша.

Женщина была явно недовольна его появлением, скорее, потому, что сбилась со счета. Осмотрев ящик, где висели ключи, и убедившись, что на «404» пусто, она забрала у Паши паспорт. И пока листала его, попутно выговорила за всех посетителей, которых она, судя по всему, не жаловала.

С восторженным чувством, сопровождавшимся легким неудобством, он забежал на четвертый этаж, проскочив пер-

вых три через ступеньку. Вошел в длинный темный коридор, освещенный лишь двумя окнами с торцов здания. Сориентировался – куда повернуть. Постоял перед дверью, успокаиваясь. И постучал.

– Кто там? – голос приятный, но незнакомый.

– Мне нужна Нина Иванова.

Дверь приоткрылась. Перед ним оказалось миловидное существо, насколько можно было понять против света, хлынувшего из наполненной солнцем комнаты. Но еще сильнее ослепила глаза обворожительная, с осиной талией фигурка, когда машинально окинул девушку сверху донизу.

– А Нины нет. Она ушла в читалку на первый этаж.

– Извините, – Паша уже собрался повернуться и уйти, но вдруг передумал: захотелось задержаться – пусть даже на несколько секунд, даже на мгновение, – Извините еще раз, – он снова окинул взглядом ее ошеломляющие воображение формы, подчеркнутые в нижней части обтягивающим ноги и бедра трико, – Может, подскажите – где это? А то я впервые...

– А вы кто ей будете? – довольно бесцеремонно спросила

девушка. И если бы не улыбалась при этом, можно было бы принять такой пассаж за грубость.

– Я? – Паша от неожиданного контроля со стороны Нининой соседки по комнате на секунду растерялся. Но нашелся сразу, – Я – дальний родственник, – усмехнулся.

Стало вдруг немного не по себе: «Час назад трусливо не смог солгать заведующей подготовительным отделением, а тут – герой...»

– А вы проходите, – девушка шире открыла дверь и хозяйски пропустила его в комнату, не дав дофилософствовать на тему совести, – Подождите здесь: мне за ней проще и быстрее будет самой сходить.

Паша шагнул внутрь, мгновенно оценив содержащееся в чистоте и порядке жилище, и, повернувшись, взглянул на девушку. Теперь она, чуть прищурившись, смотрела на него против света. Ее фигурка – в спортивном трико и такой же мастерке, подчеркнувшей узкую талию, ее милое личико, мягкий и приятный тембр голоса, русые, с пепельным оттенком волосы, собранные в пучок – все это приятно дополняло саму атмосферу уютной девичьей комнаты.

– Вот вам стул, – она подошла и повернула его спинкой

к стоявшему у окна столу, – А я, кстати, тоже Нина. А вы случайно не Павел?

«Вот те раз! Чувствуется, я не зря пришел», – Паша ощутил какой-то подъем в душе – торжество незаслуженной победы, свалившейся вдруг на него.

– А как вы, Нина, догадались? – поинтересовался он, не сдержав улыбку.

– Да вы мне своим поведением брата напомнили: он, когда из армии вернулся, тоже себя так вел. Это заметно по всему. А Нина недавно рассказывала, как по дороге из дома познакомилась с солдатом. Ну вот, я и совместила две эти части в одну. Получились вы, – рассудительно закончила она свой дедуктивный анализ.

– Да вы – Шерлок Холмс, Ниночка, – почти без иронии сказал Паша.

– Ну что вы? Это же элементарно, – смутилась она.

Получилось здорово, и они оба рассмеялись.

– Ой! – спохватилась Нина, словно отмахиваясь от кого-то обеими руками, – Пойду, – улыбнулась виновато, – А то я

уже совсем забыла про подругу.

Она ушла, оставив Пашу в прекрасном расположении духа. О нем говорят здесь. А значит, он здесь – не зря. И первая Нина, и уже вторая – обе хорошенькие, и обе, казалось, положили на него глаз. А что из этого выгорит – да какая разница. Ему просто хорошо с ними. А уже одного этого достаточно для ощущения мимолетного счастья.

Минут через пять пришли девчонки.

– Паша, привет! – рыженькая Нина торопливым шагом подошла к нему, поднялась на носочки и, обняв за шею, чмокнула в губы, как своего парня, с которым бы ее связывали близкие отношения.

«Ничего себе. Вот так встреча», – Паша даже опешил на секунду. Но тут же включился в игру, ответив ей поцелуем, но более долгим.

– А я тебя так скоро не ждала, – отстранилась она, легко и непринужденно забираясь с ногами на кровать, – Но ждала, – хитренько улыбнулась она, – Ну, рассказывай.

– А чего рассказывать? Нечего, – на секунду задумался он, – Разве что рассказать, как документы сдавал.

– Ну вот, а говоришь – нечего. Давай, рассказывай. Иди сюда. Садись, – она сдвинулась на кровати, освобождая ему место, – Нин, что ты там потеряла в шкафу? Иди к нам.

– Сейчас. Не могу найти свою красную резинку.

– Она тебе что – прямо сейчас понадобилась? Потом найдешь.

Вторая Нина, как-то виновато улыбаясь, подошла и присела на краешек стула.

– Я – вся внимание, – она странно – с каким-то вызовом – посмотрела на Пашу, словно разрешая ему начинать говорить. И в этом взгляде он почувал двусмысленность. Его животная природа, его подсознание уловило еле ощутимый ток энергии от сидевшей напротив самки – от женщины, которая ясно давала понять, что она уже включилась в конкурентную борьбу.

Паша рассказал, что с ним буквально час назад произошло, стараясь обыграть все с возможно большим юмором. Девчонки хохотали от души, а он от души старался их развлекать. После истории в ход пошли анекдоты и армейские прибаутки. Часа два болтали – не меньше. Было весело и не

хотелось уходить. И, хотя обстановка к этому не обязывала, все же что-то напрягало. Может, поведение второй Нины? Все ее позы и движения на протяжении общения говорили о скрытой неловкости, как будто она присутствовала на чужом пиру, в то же время оставаясь на нем. А первая уже лежала нога на ногу головой на коленях у Паши. И все у нее получалось совершенно естественно, расслабленно – по-домашнему. Словно она знала его тысячу лет, словно они давно уже близкие люди. И этот контраст позиций – амазонка и собака на сене – создавал напряжение, которым не сразу, но начал тяготиться Паша.

– А давайте поедим, – вторая Нина, видимо, почувствовала его настроение.

– Точно, – встрепенулась первая, – А у нас две бутылки вина есть. Мы отоварились, – чуть ли не с гордостью произнесла она, – Такую очередь отстояли. Мужики нас там чуть не раздавили под конец.

Девчонки зашевелились – стали накрывать на стол. Рыженькая Нина ушла в «кубовую» – разогреть на сковороде картошку, а ее подруга колдовала с овощами, нарезая салат и поглядывая на Пашу. Его обязали заниматься хлебом, консервами и вином.

«Как бы мне не заночевать здесь, – он испытал двойственное чувство, – Мама расстроится... Интересно – есть ли поблизости межгород? И спрашивать неудобно – оставаться не предлагали. Если и получится, то это произойдет спонтанно». Остаться хотелось. Но вместе с тем в душе что-то происходило. Это было состояние, чем-то напоминавшее чувство стыда. Ни перед мамой. Конечно, нет. И ни перед второй Ниной, которой он, как и первой, нравился, и которой, по всей видимости, придется искать место для ночлега у соседей. Перед Наташей? Трудно сказать. Может быть. Но жизнь увлекала его в свои приключения с силой, которой он не мог противостоять. И все сомнения, все неудобство, похожее на чувство стыда, казались совершенно неуместными в обещавшей познание чего-то нового обстановке. «Да будь, что будет». Он решил, что форсировать обстоятельства не станет. Но и тормозить их – тоже не будет.

34.

Первое, что обнаружило зрение, когда проснулся – русые с пепельным оттенком волосы. Засомневавшись, закрыл глаза. Снова открыл. Картина не изменилась. Наконец, несмотря на тяжесть в голове, пришло понимание того, что увидел. «Да ну? Не может быть», – Паша верил и не верил в то, что произошло. Осторожная попытка пошевелиться – избавиться от неудобства позы – ничего не дала. Одноместная, с про-

висшей панцирной сеткой кровать, предполагавшая, что на ней и должен спать один человек, крепко держала его в своих объятиях. А горячая и влажная спина, приклеенная к его животу центростремительной силой, и рука, замлевшая под головой девушки, казались орудиями пытки. Но, несмотря на дискомфорт в мышцах, в душе царила радость, а внизу живота – от сконцентрировавшейся там крови – ощущение жизненности. А потому он и боялся пошевелиться или вытащить руку. Боялся, что близость женщины, ее аромат, притягивающий с невероятной силой, исчезнут, испаряться, как сон. Пашина свободная рука восторженно заскользила по изгибам прижавшегося к нему тела, плавно устремляясь сверху вниз. И когда она уже дошла до цели, ее перехватили и удалили на место. Довольно жестко.

Воспользовавшись моментом, он вытащил онемевшую, ничего не ощущавшую другую руку. Стал сжимать и разжимать пальцы, прокачивая по артериям и венам затаившуюся кровь.

Оторвав от подушки голову, увидел на соседней – напротив – кровати рыжеволосую Нину. Она спала, тихо посапывая. Мысли, наперебой вылетая на сцену сознания и мешая одна другой, бессовестно путали очередность событийности вчерашнего вечера. Пришло понимание, что так и не позвонил домой. Вспомнил, как покупал водку у таксиста. Как за-

лезал через козырек черного хода в окно второго этажа чьей-то комнаты, где ждала рыженькая Нина. Как снова сидели и пили. Вспомнилась расплывшаяся от удовольствия физиономия черноволосого с усиками парня. И два по 0,7 «огнетушителя» в его победоносно поднятых руках: «Кажется, он пришел вместе с нами из той самой комнаты, через которую я проникал в общагу... Вот он, наверное, и был с рыжей. Ну не я же с ними двоими...» Память отказывалась воспроизводить приличные куски времени. И сколько он не пыжился, у него ничего не получалось. Чувство неудовольствия росло вместе с огромным желанием сходить в туалет.

Наконец, он не выдержал. Но как только попытался покинуть свое лежище, предательски заскрипела кровать. «А как же это вчера все происходило? – подумал сморщившись, – С таким скрипом?»

На соседней кровати зашевелилась рыжая Нина, отбросив с груди край простыни. Под шелковой комбинацией проступила рельефная выпуклость. А чуть съехавший в сторону вырез оголил светло-коричневый расслабленный сосок.

«Ну, за что мне все это? – с отчаянием подумал Паша, – Ну и утречко. Лучше бы я вчера домой уехал...» Такой пассаж сознания его развеселил – сам себе бесстыдно лгал. Но за словом «домой» снова последовала мысль, что не позво-

нил матери. «Очень плохо».

Как мог, стараясь не скрипеть, он все же вылез из своего логова. Девушка, на секунду открыв глаза, сонно отреагировала:

– Ты куда, Паша? Рано же еще.

– В туалет, – прошептал он, – «Слава богу, помнит, как меня зовут».

– Тебе направо, в конец коридора, – уже с закрытыми глазами, поворачиваясь на другой бок, проговорила она.

Стараясь не шуметь, Паша натянул штаны, и, не заправляя рубашку, чтобы не так бросалось в глаза его неудобство, вышел в коридор. Здесь, после яркого света комнаты, сразу почти ничего не было видно, кроме окон в обоих концах. «Направо, – глаза быстро привыкли к полумраку, но все же свет из окна, освещавшего только небольшое пространство коридора, не давал хорошо видеть поблескивавший под ногами пол, – Термоядерная смесь получилась – вино, сверху водка, потом опять вино... – он вдруг вспомнил, – Юра... Точно... и Юра тоже приносил бутылку. Сколько же мы вчера...» Он долго плескал себе холодную воду на лицо, протирали мокрыми холодными руками уши и шею, приглаживал

начинавшие отрастать волосы.

Вернувшись, осторожно приотворил дверь и вошел. В нос ударил запах перегара вперемешку с рыбными в томате консервами и ароматами женской комнаты. Увидел спящих Нин. Позыв к обладанию женщиной, обусловленный такой картиной, и смутное желание тихонечко смыться стали бороться в нем с невероятной силой. «И неприлично уходить по-английски... но как подумаешь, что уже... Оставляю записку, – пришла мысль, почти сразу вызвав сомнение, – А где возьму бумагу и ручку – не рыться же в их вещах». Решение пришло спонтанно. Он заправил рубашку, посмотрелся в небольшое зеркало, висевшее на дверце шкафа, и подошел к постели, из которой совсем недавно вылез. Поцеловал девушку в шею. Хотел уже прошептать – «до свидания, Ниночка», но она зашевелилась, и на него пахнуло из-под простыни пьянящим ароматом ее тела. «А может, нырнуть под простынь, и будь что будет?» Несколько мгновений он боролся с соблазном, глядя на дремавшую – такую притягательную и беспомощную в полусне женщину, перед природой которой так сложно было устоять. Наконец, на помощь пришла интуиция: «Губу раскатал! Думаешь, она тебе даст? Хрен чего обломится, судя по тому, как руку убрала... Едь домой, придурок! – добавила логика, – Денег все равно больше нет». Паша еще раз – не удержался – поцеловал девушку, прошептал ей на ухо «пока».

– Пока, Паша, – Нина, сощурившись, провела рукой по его «ершику» и чмокнула губами воздух.

– Нине – привет.

– Передам, – выдохнула она, – Извини, что не поднимаюсь... Заходи, Паша.

Он сбежал по лестнице, прошмыгнул, не глядя, мимо уже другой вахтерши и вышел на улицу, вспомнив при этом, как вчера девчонки ходили за его паспортом. Свежий воздух на мгновение заставил от удовольствия закрыть глаза. Паша вдохнул полной грудью и зашагал в сторону вокзала. Идти на остановку троллейбуса – делать крюк, не хотелось. «Подумаешь, каких-то двадцать минут, и я – на месте».

К обеду он уже был дома. Набрал номер маминого рабочего телефона – извинился: сказал, что встретил армейского друга. А не звонил, потому что поздно вспомнил.

35.

Не успел Павел даже разуться, придя от Ковальских, как прозвенел домашний телефон. Он быстро сбросил кроссовки, подошел и снял трубку.

– Але?

– Это я, Паша.

«Полина? Только ведь расстались».

– Да, Поляночка, слушаю. Что случилось?

Трубка не подавала признаков жизни. На мгновение стало не по себе.

– Але, Полин, ты где пропала?

– Да здесь я, Паша. Не знаю – как и сказать тебе после того шоу, что устроила тебе.

– Ну не томи, Поляночка. Что произошло?

– Наташка не приедет. Только ты ушел, она позвонила. Отозвали ее из отпуска через три дня. У них серьезно женщина заболела, которая могла бы ее заменить во время отпуска. А брат со стороны начальство никого не хочет. Это не решает проблему. Потому что некому в таком случае курировать работу – и один, и другой специалисты будут отсутствовать. Так что раньше Нового года она не вырвется, и

то это в лучшем случае.

Возникла пауза. После затянувшегося молчания Полинин голос показался ему каким-то тихим и далеким.

– Але? Паша... Ты прости меня... Ты очень расстроился?

– Знаешь, Поль, я не расстроился – я просто ужасно зол на все. И знаю, что нельзя злиться... тем более на судьбу, потому что она и есть судьба – суд Божий. Она нас учит и лечит. Но все равно злюсь. Понимаю, что неправильно реагирую на ситуацию. Но ничего не могу с собой поделать. И мысли разные нехорошие лезут в голову... А почему она тебе позвонила, а мне не звонит? – нажал он на «мне», – Может, издевается. А я, когда ей звоню... так ей, вроде, и говорить со мной не о чем. Сказала пару слов, и можно разговор заканчивать. Наверное, я и на нее злюсь заодно, только не признаюсь себе в этом, – он помолчал пару секунд и усмехнулся, – Извини, Полиночка, прорвало. А ты как раз под раздачу попала. Прости, дорогая. Вот выговорился, и как-то полегчало.

После короткой паузы, видимо, ошарашенная такой неожиданной экспрессией Павла, представшего для нее с неожиданной стороны, Полина стала его успокаивать.

– Паша, я так понимаю тебя. Думаешь, у меня особо длин-

ные разговоры с Наташкой? То же самое. Ну, такая она у нас – больше переживает, чем говорит.

– Полиночка, ты пойми меня. Получается все как-то неестественно. Вроде бы она любит меня. Но такое ощущение складывается, что меня держат на скамейке запасных. Я узнаю, что она любит меня, только от тебя. А от нее только намеки какие-то.

– Паш, а может, тебе к ней поехать? Вот бы и разрешилось все... Если ты, конечно, на самом деле хочешь быть с ней.

– Поля! Ты не права. Да если бы она хоть капельку уверенности мне дала? Если бы сказала – «Паша, приезжай», у нас бы давно все решилось. Мне что – сложно оторваться от работы? И пусть бы какое-то время побыли в разлуке. Бог с ним. Главное, чтобы была хоть какая-то уверенность.

– Да-да, Паша, понимаю... – она еще что-то хотела сказать, но Павел не дал ей. Ему уже трудно было остановиться. На самом деле прорвало.

– А то я от тебя узнаю, что она думает, что я могу вернуться к ребенку, к жене. А мне, что думать в связи с этим? Что она тоже может вернуться к мужу? Так я так и думаю. Потому что, если люди любят, они так себя не ведут.

– Паша, извини, но здесь уже ты не прав. Это твоя точка зрения. И она не может быть объективной... А тебе не приходило в голову, что другие люди могут думать по-другому. А, тем более что у женщины может быть другая логика, не похожая на твою.

– Согласен, Полиночка. Верить ли? Сколько раз у меня возникало желание бросить все свои претензии, наплевать на гордость и поехать к ней. Но мысль о том, что я приеду, а у них с мужем все наладилось, и я стану камнем преткновения...

– Вот, Паша, ты и сам пришел к ответам на свои вопросы. Ты не готов бороться за свое счастье. А ты не думаешь, что она тоже может рассуждать подобным образом. И все мои заверения отсюда, что ты с семьей не живешь, для нее могут показаться совсем неубедительными. Как говорят, в ногах-то со свечкой не стояла.

– Да, Полиночка, согласен. Но пока у меня не появится уверенность в том, что я должен сделать, с места я не сдвинусь.

– Понимаю, Паша. Хотя, конечно, жаль. Могу только сказать, что со своей стороны помогу, чем смогу. Но форсиро-

вать что-то... Пойми меня правильно.

– Конечно, Поляночка. Да... и не нужно ничего делать. А то только хуже может быть.

– Ну, ладно. Пока, Паша. Спокойной ночи.

– Пока, Поляночка. Спасибо тебе за все.

– Да, в общем-то и не за что.

Раздались гудки. На том конце положили трубку. И Павел, собиравшийся возразить – «ну, что ты», мол – с облегчением сделал то же самое. Разговор получился неприятным. И потому что получил информацию, что Наташа снова не придет в ближайшие полгода, и потому что жаловался Поляне. Именно жаловался – по-другому и не скажешь. Он подошел к окну, повернул ручку и открыл фрамугу. На него пахнуло теплым майским вечером – вязкими, сочившимися в комнату ароматами. И уже полностью распустившейся листвы, пока еще очень нежной, не набравшей достаточной густоты цвета. И прогретой земли, благоухавшей испарениями. И асфальта, еще не остывшего от атаки жарких солнечных лучей. Захотелось усилить ощущения. И он налил сразу грамм сто коньяку в рюмку. И выпил залпом. Подождал, пока кровь не донесла до мозга алкоголь, наслаждаясь

нежным ароматом ночного воздуха из окна. Рука, проявив самостоятельность, завладела пультом: и Павел некоторое время переключал программы, убегая от рекламных блоков. Не найдя ничего для себя интересного, выключил телевизор, посидел еще несколько минут и пошел спать: пить больше не хотелось, а сидеть просто так – тем более.

36.

За окном белым бело. Плотной стеной падавший снег укрыл уже оттаявшую сверху землю. И местами, где стояли лужи, набряк водой. Снежинки, слипшиеся в хлопья, плавно опускались на кусты и деревья, увеличивая их в объеме. Толстые, провисшие провода, столбы с шапками, крыши, с округлившимися краями – вся эта картина сквозь плену снега напоминала акварельный рисунок. Наташа, проходя мимо окна, задержалась, завороченная этим праздничным видом природы. Стояла в ночной рубашке, забыв, куда и зачем шла. Пол у окна холодный, несмотря на близость горячей чугунной батареи. Но уходить не хочется.

– Просто сказка! – вырвался из груди восхищенный шепот, – «И это середина мая?»

Погода, уже заглянувшая в весну, забыла, что не реализовала полностью зимний лимит осадков. И сегодня, видимо,

вспомнив, решила избавиться от него окончательно, судя по количеству снега.

Поездка в лето, планируемая Наташей целый год, провалилась. Вчера вечером позвонил начальник. Услышав в трубке его голос, она поняла – не к добру. Догадалась, потому что Люся – ее коллега – часто последнее время «бюллетенила»: язва желудка. А на работу приходила бледная и потерянная: часто злилась без видимого повода. «Впрочем, она никогда добрячкой не была. Может, и язва у нее от этого», – подумала Наташа.

Начальник позвонил уже в девятом часу.

– Наталья Леонидовна?... Ну, слава богу... вы еще не уехали.

– А что случилось, Пал Палыч? – Наташа вся напряглась. Голова наполнилась обрывками мыслей.

– Случилось, – то ли озабоченно, то ли утвердительно прозвучало в трубке, – У нашей Люсьен прободение... Ну, ты скажи!

– Что вы говорите, Пал Палыч? Вот так новость. И что теперь?

– А что теперь? Ни ее, ни вас.

– Пал Палыч, я не об этом. Где она?

– А-а... Скорая забрала, прямо с работы... Во второй городской. В реанимации, – образовалась пауза, – Ну, так... Наталья Леонидовна... Короче, я вынужден отозвать вас из отпуска. С кем я работать буду?

«Вот неладная, – Наташа, до этого взволнованная судьбой коллеги, расстроилась окончательно, – Надо же мне было оказаться дома... И вообще – трубку брать».

– Да! Я поняла, Пал Палыч... А с билетами как быть? – спросила растерянно, словно именно они – самое главное, о чем сейчас нужно думать.

– Ну, сдадите... что уж теперь? – слова начальника прозвучали как-то хамовато, и на том конце провода, Наташа это почувствовала, повисло сожаление, что так получилось, – Наталья Леонидовна, – начальник словно извинялся, – разницу я вам компенсирую.

– А моральные издержки? Кто мне их оплатит? – вырвалось нараставшее в ней напряжение, – У меня личная жизнь

рушится.

– Ну, Наталья Леонидовна... – Пал Палыч, замолчал. Видимо, соображал – что на это ответить, – Могу только предложить материальную компенсацию. И немалую... Воспользовались моментом, – шутливо добавил он, – Наталья Леонидовна, жду завтра на работе. И извините. Поймите – таково положение дел.

Та собранность и даже бравада от безысходности, которые сопровождали разговор с начальником, как только он закончился, мгновенно улетучились. «Что же делать? – растерянно подумала Наташа, – Все планы псу под хвост», – все надежды и решимость, наконец-то, разобраться в себе, а точнее, в отношениях с Пашей, откладывались на неопределенный срок, – А с другой стороны – значит, так и надо...» «Да! Так ему и надо», – где-то глубоко в душе отозвалось эхом. Наташа от неожиданного в душе всплеска на секунду закрыла глаза. «Что это было? – почувствовала, как мысль, камнем брошенная в воду памяти, уже пригнала оттуда первую волну, – Что толку, что я его ждала когда-то со службы? – взбунтовались потревоженные чувства, – А сейчас? Только начни сюсюкать с ним по телефону... или в письмах, только расслабься... сердце же порвет. Второго раза я точно не переживу». Решила сейчас же позвонить Полине: «А она уже сама все скажет Паше... А я что ему скажу? В связи с чем?» В

какой-то момент в голове промелькнуло: «А не мшу ли я ему таким образом? – она даже замерла с телефонной трубкой в руке от неожиданного, как молния, пронзившего откровения, – Нет! Не может быть, – испугалась, – Это же самоубийство». Она почти уверена была – нет. Но это «почти» заявило о себе. Как будто в ней присутствовало две женщины. Одна – втайне – тихо мстила, толком не осознавая, что делает. А другая – не обращала внимания, допускала это, пока, наконец, не заметила. «Неужели? Неужели я вот так могу? Да не-ет... – возмутилась, – Не может быть. Ерунда какая-то лезет в голову». Но мысль впечатлила и оставила в душе след.

Позвонить собралась лишь следующим вечером. Когда окончательно разобралась в себе. Набрав номер, вслед за гудками услышала обрадованный голос Полины.

– Але? Сестричка, это ты?

– Привет, Полька. Как ты догадалась?

– Так, а кто мне еще по межгороду звонит? Только ты. Славины-то – все на его сотовый.

– Понятненько...

– Наташ, ты хочешь сообщить, когда тебя встречать? Я уже жду не дождусь. Я и Пашке уже сказала, что ты приезжаешь. Он, бедный, не в своей тарелке... Ты бы, может, поласковой с ним была?

– Поль, а как ты себе это представляешь?

– Да понимаю я: обиду, как и сорняк, не так-то просто выполоть. Хоть корешок, да останется, чтобы прорасти, – она вздохнула, – Конечно, виноват. Но разве тебе все равно? Разве тебе не хочется к нему?

– Ладно, сестричка, – перебила Наташа, – оставим пока эту тему. Как будет, так и будет. Я ведь звоню совсем по другому поводу.

– Не поняла, – в голосе Полины зазвучала тревога, – Только скажи какую-нибудь гадость по поводу приезда. Я не знаю, что тогда с тобой сделаю. Я сегодня Пашке такое шоу устроила...

– Да, Полечка... Не получается ничего, – снова перебила ее Наташа.

Они еще долго говорили, перемалывая мелочи – почему не состоялась поездка, и как бы хорошо было, если бы она

случилась. В конце концов, решили, что сообщит «бедному Пашечке о неприезде» Полина. А Наташа как-нибудь – может быть – ему позвонит.

– Поль, ну ты же понимаешь меня? – спросила на прощание Наташа.

– Я тебя, Наташка, ни хрена не понимаю. Но ты моя сестра, и этим все сказано. Целую. Пока.

37.

Утром в пятницу он позвонил Веронике и сказал, что до обеда его не будет: никаких встреч у него не запланировано, а всю бумажную работу, требующую внимания, он выполнил еще вчера. Погода хорошая. Дел срочных нет. Почему бы не съездить отдохнуть, прихватив еще и пятницу. Мало ли Веронике сказал, что до обеда. На самом деле не собирался на работу и после него: «Потом еще раз позвоню, скажу – не получается». Просто констатировать, что проблемы на личном фронте, что все надоело до чертиков, конечно же, не мог. Вероника бы его, конечно, пожалела, и время бы они провели, пожалуй, не дурно. И нравилась она ему. Думал даже о ней несколько раз по вечерам. Но что потом? Налаживать жизнь с ней? Может, и срослось бы у них что-нибудь на фоне общего дела, не будь Наташи. Но Наташа-то была.

И пусть далеко и достаточно эфемерно, но она – именно та женщина, с которой он готов был разделить эту жизнь. Если бы не прошлое, он бы давно уже сделал шаг в ее сторону. Но прошлое лежало между ними порогом, переступить который не решались оба, подспудно боясь новых психических травм. Оба понимали, что нужно что-то делать, что жизнь проходит, что однажды может наступить точка невозврата. Но, ни один, ни другой этот порог – эту, казалось бы, не стившую внимания преграду – переступить не могли: дули на воду, обжегшись на молоке. «А может, точку невозврата я уже прошел? – мысль больно царапнула по сердцу. Но какая-то инерционная сила внутри уравнивала боль. И кто-то спокойный и рассудительный в нем заключил, – Если и прошел, то дороги назад все равно нет – переживай, не переживай».

Эта поспешившая на помощь логика умиротворения, как такового, не принесла. И мысль о предельности отношений с Наташей засела в подсознании накрепко, вызвав вместо предполагавшегося философского обоснования лишь досаду.

Сборы оказались недолгими. Смена белья – будет баня. Камуфляжную пару и резиновые сапоги – для рыбалки: без нее никак не обойдется. Все остальное – в магазине: продукты и «подогрев». Это по пути.

Товарищ Павла по университету, Александр Колычев, с которым они на подготовительном отделении в общежитии жили в одной комнате, ушел в свое время в органы. Особой карьеры не сделал, потому что для этого оказался человеком мягким и порядочным до безобразия. Может, потому и вся его служба в большей степени стала работой с документами. Правда, начинал он с командира взвода патрульно-постовой службы. Но гуманитарное образование определило дальнейшую судьбу. Сейчас он в отпуске. В деревне. В оставшемся от родителей доме, устроенном под дачу. Один – без семьи. Саша всегда старался проводить отпуск там: в одиночестве – любил очень рыбалку. Только по выходным приезжала Нина – его жена. И чаще без детей.

Машина летела по «олимпийке» – автомагистрали Брест-Москва. Такое почетное название дорога получила в народе, соединив Европу с Москвой в 1980-м. Дорога хорошая. Ограничение для легковых – 120. С этой скоростью Павел и шел по трассе, иногда забываясь, и обнаруживая, что стрелка уходит в сторону ста тридцати. Тогда он возвращал ее на место, выжимая сцепление и давая машине двигаться по инерции. Цифры километража показывали, что позади уже около сотни. Осталось еще порядка шестидесяти. И из них – километров двадцать по узким извилистым сельским дорогам. Благо – заасфальтированным.

Выехав с трассы на узкое, петляющее по пересеченной местности, шоссе, Павел выбрал режим в пределах восьмидесяти и открыл окно – впустил в салон аромат майских лугов и полей. Сменяя друг друга, они замелькали растительностью, подступавшей к самой обочине, плавно поплыли чуть вдаль и почти застыли на месте ближе к горизонту, у которого по обеим сторонам и впереди темнела полоска леса.

Минут через двадцать «Вектра» вошла в прорезь деревьев. Сразу – без пролеска высокими коричнево-золотистыми махами поднялся в небо сосновый бор. И все вокруг резко изменилось. Влетавший в окно воздух стал прохладнее: в нем ощущалась влага, запах прели и хвойный аромат. Иногда на дорогу попадало солнце. Пульсируя через кроны деревьев, и мельтеша в глазах, оно ослепляло. И тут же пряталось за деревьями, чтобы снова появиться и внести контраст, оживляющий восторженное ощущение красоты окружающего мира и движения.

Сбоку от дороги появилась большая куча старой хвои, огороженная жердями – знакомый муравейник. «Почти приехал, – обрадовался Павел ориентиру, – Осталось километров пять».

А вот и деревня. Лес так же неожиданно закончился, как

и начинался. Павел достал телефон и набрал Александра.

– Привет, затворник... Ты еще ждешь меня? Да? Ну, тогда выходи – встречай.

Деревня начиналась сразу от моста – справа – по обеим сторонам озера: в том месте, где оно вытягивалось в узкую полосу, наподобие реки. А слева переходило в заросший водной травой и кувшинками затон с болотистыми в камышах берегами. И – то ли речушкой, то ли ручейком пряталось в зарослях ивняка. Не проезжая небольшую с металлическим ограждением переправу, Павел повернул и поехал по длинной, утопавшей в зелени деревьев улице. И минут через пять уже оказался у домика Колычева – с мансардой и небольшим балкончиком при ней. Если бы не эта мансарда и не место, дом не узнать. Шифер на крыше с изломом заменен на красного цвета пластик или железо под черепицу. А стены обшиты молочного цвета панелями. И окна, когда-то маленькие, изменились в размерах. «Вот те раз? – Павел изумленно смотрел на похорошевшее строение, – Когда он успел? И молчал же, главное... Хотя нет, – он засомневался, – что-то такое говорил или намекал по телефону, но я, видимо, его тогда не понял».

– Слушай, Санек, мы же с тобой уже целый год не виделись! – обрадовался Павел, выйдя из машины и показывая

рукой на дом. Он словно извинялся перед спешившим ему навстречу другом за то, что так долго не участвовал в его жизни.

– Ну да, – было заметно, что Александру приятен его восторг, – Чуть меньше – ты в июле прошлый раз был, заметил он, открывая ворота, – Заезжай! Потом болтать будешь, – отмахнулся от начавшегося славословия со стороны Павла.

Машина въехала во двор, высланный разноцветной бетонной плиткой.

– Ого, да у тебя тут цивилизация по сравнению с прошлым годом. Завидую по-хорошему, – Павел высунул голову из открытого окна.

– Если бы ты знал, как мне пришлось покорячиться в конце прошлого лета, то зависть твоя пропала бы сразу. Первую половину лета меня терзала Нинка. Насиловала, можно сказать, своими планами. А вторую – я себя сам. Работой. И вот что получилось... Неделок, правда, еще куча. И на отпуск, и после него хватит. На все лето и осень, считай.

– Но зато – какая красота! – Павлу даже не приходилось изображать восторг, чтобы порадовать хозяина. Он на самом деле и восторгался, и радовался искренно.

– Ладно тебе, – отмахнулся Александр, – Давай уже доставай, что привез, – сменил он тему, – Я же тебя знаю – ты без сюрпризов не можешь... Доставай и пойдем.

Открыв багажник, Павел вытащил два огромных пакета с продуктами и спиртным и ведро с готовым, уже замаринованным для шашлыков мясом.

– Принимай, отшельник.

– О-о, ты и шашлык привез? А зря, наверное. Нинка там жаркое готовит.

– Ха! Так ты не один оказывается? Я его отшельником называю. А он молчит, видите ли. Не признается, что в его пещере есть женщина.

– Да она только вчера вечером приехала, – как бы оправдываясь, что не соответствует статусу, ответил Александр, – А то я все время один был.

– Ладно, забей, – улыбнулся такой реакции Павел, и шутливо добавил, – Ну, тогда отдай добычу женщине – она знает, что с этим делать... Кроме шашлыка, конечно.

Оба рассмеялись, как это бывает в кругу близких людей. Со стороны, вроде, и не смешно, но почему-то здесь и сейчас по какой-то неувловимой причине смешно.

Вышла Нина. Она симпатично выглядела в стареньком платьице. С косынкой на голове, завязанной сзади у шеи. С не накрашенными глазами и губами. Очень домашняя, и оттого более привлекательная, чем обычно.

– И кто это у нас здесь нарисовался? – изобразила она удивление появлению Павла, – Никак пропажа объявилась? Да-а, Думанский, ты что-то последнее время не балуешь нас своим появлением... Я не имею в виду дачу, – она подошла ближе, – Привет, Паша.

Они коротко обнялись.

– Привет, Ниночка... О! Смотри на ревнивого мужа, – он нарочито отпрянул от нее, – Хорошо, что у него руки пакетами заняты.

– Ну, чего стоим? – улыбнулся «ревнивый муж», – Торжественная часть закончилась. Смену взял? А то баня уже заждалась... Нин, – обратился он к жене, – выдай ему полотенце.

– Уже все в предбаннике, товарищ майор. Неси, давай, пакеты на кухню, командир, – возмутилась она с иронией.

– Вот так всегда, – пожаловался с кислой улыбкой Александр, – Слова не скажи.

– Ну, как бизнес? Как сама? – машинально, чтобы не молчать, спросил Павел, когда он ушел.

– Да все по-прежнему, Паша. Выживаем, как можем. Сам знаешь...

– Я смотрю – ты стала краситься, – заметил он, – Тебе к лицу. Жаль, конечно – твой пепельный оттенок был шикарен.

– Ну да, – усмехнулась Нина, – Вспомнила бабка, как девкой была: мне пепельный сейчас – что корове седло. Мне же уже тридцать два стукнуло, Пашенька.

– Ты так это произнесла, как будто тебе не тридцать два, а все – семьдесят два. Тридцать два – прекрасный возраст для женщины. И молода, и взгляд уже осмысленный. Да и выглядишь ты – на двадцать два, не больше.

– Вот-вот. Эта осмысленность и выдает возраст. А мужи-

ки, Паша, как ты знаешь, – в ее глазах промелькнуло природное женское кокетство, – не на осмысленность заглядываются... а на все остальное.

– Психолог ты, однако, – улыбнулся Павел, как будто его уличили во лжи.

– А представляешь, Паша, – она чуть приподняла взгляд вверх, – когда мы с тобой познакомились... Это же был восемьдесят седьмой год... Мне было восемнадцать, а Нинке – девятнадцать... как немцу тому, что самолет посадил на Красной площади... Я почему-то это запомнила. А тебе? – она сделала паузу, – А тебе двадцать. Точно, ты же только что отслужил. Значит тебе... тридцать четыре.

– Тридцать пять, – поправил ее Павел, – Я – декабрьский. Я и в школу позже пошел, и в армию. Весной не взяли – школу заканчивал, а осенью дали отсрочку на полгода. То есть в армию я пошел в девятнадцать...

Вернулся Александр – с двумя бутылками пива.

– Ну что? Пошли? Потом будете выяснять – кто молодой, а кто старый.

– Да. Идите уже, – согласилась Нина, – Саш, смотрите –

аккуратно там, не переборщите с паром... Да пиво до того не пейте! – скомандовала вдогонку.

– Пойдем, Пашка, – Саша пропустил его вперед, хлопнув по плечу. И уже когда чуть отошли, добавил, – Вот язва! Все ей надо проконтролировать, везде нос свой засунуть.

Сказано это было как-то беззлобно. Скорей даже, наоборот – с теплотой и нежностью. «Тринадцать лет уже вместе, – прикинул Павел, – Срок, поди. А вот – на тебе – любит до сих пор».

– Ну что? Зададим жару!?! – излил он свои чувства, – С пивком! Чтоб запах был хлебный!

– Как нечего делать. Как захотим, так и сделаем, – Александр оглянулся назад, словно отвечая на выпад жены, – И никто нам не указ.

Парились часа два – не меньше. Отхлестали друг друга – как надо быть. Павел пять раз залазил на полку. Потом – застолье. Сидели на открытой террасе до самой темноты, пока вечерняя прохлада майского вечера не подсказала, что завтра ранний подъем и пора ложиться.

В свою комнату Павел попал уже в первом часу – Ни-

на постелила ему в мансарде. Войдя, почувствовал тепло от остывающей крыши. Включил свет. Кровать притянула свежестью белья, обозначенного складками на пододеяльнике и подушке. Разделся и лег: «Завтра Санек разбудит в половине пятого – надо постараться уснуть». Но, как всегда в таких случаях, сон не шел: перевозбуждение от встречи и все-му ей сопутствовавшему еще не выветрилось. Мысли о завтрашней рыбалке унесли в прошлое, к одной из вылазок на природу, где тоже была рыбалка, где была Наташа, палатка на двоих, и где, как ему казалось тогда, они были одни на целом свете...

Где-то вверху стал зудеть комар. Он – то приближался настойчиво, то удалялся, напрягая все больше и больше психику. Невидимое в темноте насекомое раздражало ожиданием атаки. Сосредоточенностью на звуке. На, пусть даже и не смертельной, но опасности. Организм соизмерял, насколько далеко находится раздражитель. В какой стороне. На какой участок тела будет совершено нападение. Мышцы рук постоянно жили боевой готовностью. Комар, явно, издевался. «Надо встать, включить свет и прихлопнуть сволочь, – подумал Павел. Но даже не пошевелился, – Если через минуту не сядет на меня, и я его не убью, тогда встану».

Минуты шли, комар выводил свое «з-з-з», то приближаясь, то удаляясь, а Павел лежал неподвижно, не в силах пре-

одолеть навалившуюся лень. «А может это самец? – услужливо подсказала память, – А самцы не кусаются. Только самки. Может, поэтому и не подлетает?» Он несколько успокоился, и сон потихоньку стал одолевать. Сознание уже почти ушло в пограничное состояние, когда пронзительная боль в районе мочки уха вызвала рефлекс. Рука совершила движение и хлопнула от души по этому месту. Сон мгновенно слетел с глаз. Убитого, как казалось, комара нащупать не удалось. Павел лежал и прислушивался к деревенской тишине. И это напряженное вслушивание, нет-нет, да и давало то, что искало сознание – отдаленное «з-з-з». «Неужели, не убил?.. Да нет же. Это – галлюцинация», – успокаивал сам себя. Но перенапряженный слух снова выдавал далекий и почти неестественный звук летящего насекомого. Вспомнилась Западная Сибирь. Стройотряд. Полчища гудящих и звенящих насекомых, доводивших чуть ли не до нервного срыва.

Минут десять еще сознание мучилось – то затухая, то восстанавливаясь, боясь уйти и оставить тело на поругание. Но, в конце концов, сдалось. Мгновенно выключившись, оно погасло, как электрический свет.

– Паша, вставай. Пора.

Сознание включилось так же, как и выключилось, стояло только Александру прикоснуться к плечу.

За стеклом балконной двери уже забрезжил рассвет. В полутьме комнаты еще только-только начали прорисовываться предметы. Павел приподнялся на локтях и сел, опустив ноги на пол.

– Включи лампочку, Санек.

Яркий свет полоснул по глазам, хотя Павел заблаговременно прищурился.

– Давай веселей, Зоркий Сокол, – рассмеялся хозяин, – Кофе с бутербродами уже на столе. Давай, давай! Одевайся быстрее, – он подсунул стул с одеждой поближе и пошел вниз.

«Принесла же меня нелегкая на эту рыбалку», – Павел резко встал, помахал руками и присел несколько раз. Быстро оделся и спустился во двор. Кофе с бутербродом проглотил, что называется. Какое может быть ощущение вкуса? Так – лишь бы что-то в рот положить. По привычке.

Пока собирались, стало светать, и птичий пересвист, до этого осторожный и нестройный, заполнил собой окружающее пространство.

Озеро совсем рядом: только перешли участок и – вот оно.

– Да-а, – поразился Павел, когда подходили, – Вот это ты молодец. Целую пристань тут забабахал.

С берега в рассветный туман над озером уходил дощатый настил – метров на десять, из которых, по крайней мере, семь – шли над водой. У мостков покачивалось несколько лодок.

– Это я не сам, – возразил Александр, – Скооперировались. Видишь, сколько посуды. И здесь не все. Во-он, смотри – Петрович уже удит.

Недалеко от берега сквозь молочную дымку тумана просматривался силуэт рыбака в лодке.

Оба остановились. Заворожено смотрели на представшую взору картину только что проснувшейся природы. Тишина утра, не нарушаемая редкими всплесками воды и голосами птиц, вливалась в их организмы живой чудодейственной силой – бодрящей энергией природы. Вообще-то Павлу глубоко было плевать на рыбалку. Просто доставлял приятные ощущения своему другу, который, по всей вероятности, думал, что приятно делает ему. С Сашей хорошо – есть о чем поговорить, что вспомнить. «А для этого и рыбалка не нужна, – подумал с благодарностью, – Конечно, фон шикарный,

но я, наверное, мог бы обойтись и без него... А может, нет? – засомневался, – Вот они – интеллигентские штучки... Но разве мне плохо здесь? Разве я смог бы увидеть нечто подобное, проснись я в эту субботу в десять часов, да еще в городе? Нет ведь. Вот и получается...»

– Давай весла, юнга зачарованный, – заулыбался Александр, глядя на товарища. Он уже отомкнул свое, что называется, утлое суденышко, которое досталось ему по случаю от соседей, и бросил в него снасти.

– Есть, капитан, – усмехнулся Павел, – Точно. Юноша бледный со взором горящим... Но красиво же, черт побери, как... Ты хоть чувствуешь эту красоту? Или живущий у моря – моря не видит?

– Да ты что такое говоришь, Пашка? Разве же к этому можно привыкнуть? Ты посмотри – все же меняется на глазах.

– Да-а. Ты прав, – Павел спрыгнул в лодку и оттолкнулся от мостков.

Вернулись к обеду. Поймали пару окуньков, несколько плотвичек и пару небольших подлещиков. Вот и вся рыбалка. Но довольные были оба. Сожалели лишь об одном: о том,

что у Саши сорвалась щучка – обсуждали, что и как нужно было делать, чтобы этого не случилось.

– Санек, ты, как хозяин озера, – Павел хитро улыбнулся, – готовишь уху. А я... шашлыком, пожалуй, займусь.

– Ну, пройдоха, – возмущился было Александр, но передумал – статус хозяина озера, видимо, пришелся ему по душе, – Ладно – уговорил. Где мангал и дрова – знаешь, – Вот пройдоха, – повторил засмеявшись, обращаясь уже к жене, – Нин, давай посуду и нож... И ведро с шашлыком захвати.

– Раскомандовался... Когда уже я научу тебя по-людски разговаривать? – одернула ворчливо Нина.

– Ну что ты опять заладила, женщина? И то тебе не так, и это...

– Ладно, мужчина – перебила она его, продолжая изображать серьезность, – Попользуйся моей добротой, пока гость в доме.

«Вот бы я на ней женился, – подумал Павел, – Не дай бог. Я бы не выдержал этих постоянных придирок. А у них – все в порядке вещей. Любовь... Ну, по крайней мере со стороны Сашки точно», – поправился.

Оставшийся день и вечер прошел, как это бывает с близкими и давно не видевшимися людьми, в воспоминаниях. Легли не поздно – к вечеру стала чувствоваться усталость от раннего подъема и обильного застолья. А в воскресенье к обеду Павел уже был дома.

38.

В понедельник утром, как всегда, собрался мобильный персонал фирмы – рекламные агенты. Павел принял бланки договоров, провел разбор полетов, установил градацию между лидером и аутсайдером и определил объем работы на неделю. Кабинет опустел. Относительная тишина после шума и гама, покидавших помещение людей, завладела опустевшим пространством. Лишь из полуоткрытого окна проникала сюда фоном стремительная жизнь города. Да пьянящий аромат теплого майского утра, входя вместе со звуками, выдавливал через верх фрамуги остатки запахов парфюма. Павел сидел в своем уютном кресле перед компьютером, просматривая таблицу успехов и неудач охваченного объема предприятий. Радовала мысль, что в этом году пока еще ничего – не хуже, по крайней мере, чем в прошлом. Заглянула секретарша.

– Можно?

– Да, Леночка, входи, – он отвлекся от размышлений, –
Слушаю тебя...

– Павел... – запнулась она на мгновение, – Вероника про-
сила вас зайти, когда освободитесь.

– Ты в курсе зачем? – улыбнулся он официальности де-
вушки, и тому, как она пересиливала себя, чтобы не назвать
его по имени-отчеству.

– Нет...

– Ты... не знаешь, о чем думает начальство? – смеясь и с
издевкой изображая удивление, спросил Павел.

Девушка засмушалась, порозовев.

– Павел... Ну зачем...

– Леночка! – перебил он ее, продолжая ерничать, – Сек-
ретарь должен знать, о чем думает начальник. И предупре-
ждать его желания, – засмеялся снова, увидев, как девушка
окончательно стушевалась, – Да расслабься ты – я же шучу.

– А мне не до шуток, – насупила она носик, – Тем более
что это и не шуточки, а издевательство с вашей стороны, – дала

она неожиданно отпор.

– Ладно, Леночка, извини, – Павел изобразил виноватый вид, – Иди. Я сейчас.

Он больше не стал подтрунивать над ней. Девушка – неделю всего, как устроилась, и еще толком не адаптировалась к новым условиям. Для восемнадцатилетней девчонки он был взрослым дядей. А к тому же еще и начальником. Уже хотел уходить. Но только пошел к двери, как та распахнулась, и в проеме показалась Вероника.

– А я сама к тебе...

– Что случилось? – спросил Павел и сразу понял, что не дал ей договорить.

– Да все уже – забудь, – торопливо сказала Вероника, будто боялась, что он так и не даст продолжить начатое.

Павел вдруг почувствовал – она волнуется. «Интересно? – волнение вдруг передалось и ему, – Вот блин... Неужели, снова?»

– Извини, Вероника. Я – весь внимание. Что ты хотела сообщить мне?

– Паша... Ты только правильно пойми меня... – она стала теревить серьгу, глядя чуть в сторону, – Я хотела... Я подумала, что... Короче, у меня к тебе просьба!

– Да, что такое? Что, наконец, случилось? – в душу стало вползать недовольство. «Неужели все таки опять будет клеить меня в гости к себе?»

– Тут такое дело... Короче, – вдруг собралась она с духом, – Мне нужен мужчина на вечер.

Павел ждал всего, чего угодно, но от такой прямолинейности Вероники его ввело в ступор.

– Паша! – воскликнула она, – Ты не так понял... Извини, извини, извини... Я сейчас все объясню.

– Ну, уж будь добра, – Павел изобразил светскую улыбку, – А то меня чуть кондратий не хватил от твоей прямолинейности.

– Дело в том, что сейчас в городе моя подруга детства с мужем. К родителям приехала. Мы с ней не общались тысячу лет, и она обо мне ничего не знает толком. А вчера она позвонила. И я, когда о себе говорила, сказала, что не заму-

жем... А потом – как черт попутал – вспомнила о тебе... и ляпнула, что у меня, мол, есть человек, с которым мы живем вместе и планируем... ну, пожениться, что ли... Паша, сама не знаю, как вырвалось, – она умоляюще посмотрела на него, – Короче, сегодня они придут ко мне. Клавка сказала безапелляционно, чтобы к семи часам я их ждала. Ничуть не изменилась... Пашечка, не отказывай, пожалуйста... Мы же друзья? – она вопросительно посмотрела ему в глаза.

– И всего-то? – Павла стал разбирать смех, – Предлагаешь мне театрализованное представление, где я буду не зрителем, а актером? – его понесло, – Даже одним из главных героев? Да с удовольствием, – он взял ее за талию, весело рассмеявшись, – И ты боялась, что я тебе откажу в такой малости?

Большой радости, наверное, в жизни он никому не доставлял. В лице Вероники на мгновение промелькнуло что-то детское, какая-то давно забытая мышцами лица счастливая наивность.

– Честно говоря, да. Хотя не на сто процентов. Иначе бы не обратилась. Думаю – будь, что будет. Клавка через неделю уедет, и опять лет, может, на десять. Не хочу этих разговоров... Ну, сам понимаешь. «А как же так получилось? А у тебя все ли в порядке со здоровьем?» И тому подобное.

Клавка насчет этого беспардонна по жизни. Захотела придти навестить – жди ее. Она не спрашивает – можно, удобно ли? Ну, короче, ты понял, с кем придется иметь дело.

– Кажется, да, – улыбнулся Павел серьезности, с какой Вероника его инструктировала, – Да успокойся ты, сыграю все в лучшем виде.

– Спасибо, Паша, – с нежностью посмотрела Вероника ему в глаза, – Так мы, может, вместе поедem сразу?

– Нет, мне надо будет заехать домой. Я мигом – туда и обратно. Не волнуйся – не подведу.

– Хорошо, Паша. Пойду я тогда. Прямо сейчас... Сколько там? – она взяла его руку и взглянула на часы, – Уже почти час? Ну, давай, – подмигнула, – До встречи.

Часов в пять собрался уходить и Павел. Зашел в кабинет, где располагалась бухгалтерия и секретарь, и где была дверь в смежный кабинет – директора.

– Все, девочки, я пошел. Не забудьте сдать мой кабинет под охрану, – обратился к Леночке, – Чип у вас есть. До завтра.

Приехав домой, он взял спортивную сумку и сложил реквизит для пьесы, в которой ему предстояло сыграть сегодня вечером главную роль. Бритвенные принадлежности. Зубную щетку. Тапочки и спортивный костюм. Все, что посчитал необходимым для антуража. «Раз подруга такая беспардонная, главное – не дать ей повода для размышлений». Подумал, и взял еще бутылку виски, стоявшую на всякий случай, а то, может, у Вероники окажется только вино.

К шести он уже был у нее. Она обрадовано встретила его, как будто до самого конца сомневалась, что придет. А когда Павел стал доставать то, что принес, вообще превратилась в девочку, восторженно ликующую от сюрприза родителей.

– Ну, Паша! Ну, ты хитер! Мне бы и в голову такое не пришло.

– Зато могло придти твоей Клаве. Мужик живет в доме, а его присутствие ничем не подтверждено. Ни тапочек, ни зубной щетки, ни бритвенных принадлежностей.

– Ну да, – радовалась Вероника, – Слава богу, ты догадался.

Стол у нее уже был сервирован, холодные закуски на месте, и кроме вина стояла бутылка коньяка.

Он взял ее по-хозяйски и передал Веронике.

– Спрячь! Может, не понадобится. А то, если они еще принесут, может оказаться лишней. Кто знает, как будет. Ты же ее мужа не видела. Может, он сморчок какой, а, может, шкаф с антресолями. Исходя из ситуации, и будем действовать, – Павел внимательно осмотрел стол еще раз. Остановился и взглянул на Веронику. Уловил ее восторженное внимание. Она смотрела на него и улыбалась.

– Что? – спросил.

– Смотрю, Паша, тебе и играть не нужно. Ты уже вжился в роль – как надо быть.

– А ты думала. Опыт семейной жизни у меня все-таки есть, – усмехнулся он, – Давай, дорогая, шевелись – скоро гости придут.

– Конечно, милый, бегу на кухню, – радостно засмеялась Вероника.

Павел почувствовал ее неподдельную радость – по-детски наивную во взрослой женщине, обделенной теплом и заботами семейной жизни. Настоящую радость. Как будто это

мгновение и есть сама жизнь. «А разве не так? – подумал, – Разве мгновение – это не сама жизнь?» Чувство жалости к Веронике, родившееся из этих мыслей, было легким и потечески теплым. Внутренняя логика вдруг напомнила о сыне, привнеся в эту легкость душевную боль непреодолимости судьбоносных жизненных обстоятельств. Грусть, следовавшая за ней, уже готова была сменить игривость ситуации, в которую попал Павел. И если бы она продлилась еще какое-то время, наверное, он погряз бы в ней с головой, как в болоте.

Из прихожей послышались восклицания Вероники.

– Паша, – радостно позвала она, – У нас гости.

Вероника вошла в комнату и обернулась.

– Проходите... Миша, Клава... Проходите, проходите.

В дверях показалась миловидная, но с какими-то грубоватыми чертами лица и фигуры, небольшого роста женщина. «У нее – точно – и голос будет таким же» – пронеслось в голове у Павла. За ней, чуть ли не сгибаясь в дверях, входил мужик. Язык не поворачивался назвать его по-другому. Настоящий мужик. Этакий персонаж из фильма о Ломоносове. Помор. С удлинненными волосами и бородой. И хотя не бы-

ло у него косо́й сажени в плечах, выглядел он внушительно и слишком импозантно для нынешней действительности. И голос у него оказался под стать внешности. А вот с Клавой Павел промахнулся – ее тембр был обычным и невзрачным – его тяжело было бы узнать, услышь он его вне видимости хозяйки.

Вечер прошел легко и непринужденно. И подруга, и ее муж оказались людьми разговорчивыми, но ненавязчивыми, чего ожидал Павел от Клавы. Может, разве потом – чуть-чуть, когда уже прощались: по принципу – не бойся гостя сидящего, бойся стоящего. Литра виски оказалось достаточно. Коньяк по немой договоренности доставать не стали. А вино пила только Вероника – больше на него никто не позарился. Клава и Миша, слава богу, пришли с букетом и тортом, иначе вечеринка могла бы затянуться. И так закончили почти в два.

Вернувшись в квартиру от лифта, где они распрощались с гостями, Павел заспешил домой – хотел уже вызвать такси – сел на диван и снял трубку городского телефона.

– Паш, ты что мотор собрался вызывать? – Вероника подошла и нажала на клавишу, – Кончай, Паша. Пока он придет, пока ты доберешься, будет три. Я постелю тебе на диване. Тем более что все необходимое у тебя есть, – она засме-

ялась, – Ты прямо угадал, что тебе это может понадобиться.

– Нет, Вероника. Неудобно, как-то. Лучше я поеду домой... Вот сейчас вызову такси и выдвигаюсь, – попытался он сопротивляться.

Получилось неубедительно, потому что туловище, приняв сигнал, сразу разнежилось и выдвигаться, куда бы то ни было, не хотело, не обращая внимания на насилие со стороны уже слабого, но еще бдительного сознания.

– Паш, ну не дури. Посмотри, как поздно, – сделала Вероника еще один подход.

– Нет, поеду.

– Ладно, Паша, как хочешь. Хочешь ехать – езжай, – она махнула рукой.

И Павел в ее голосе услышал обиду. «Она заботится обо мне... А еще ей сейчас хорошо от этой иллюзии. А я – черствый человек...» На какое-то мгновение ему даже стало стыдно перед ней. А потом, как и днем, пришло чувство жалости и теплоты. «Мы уже столько лет с ней близкие люди, доверяющие друг другу свое благополучие... Ладно, пусть уже вечер закончится тем, чем начинался».

– Ну, хорошо, партнер – остаюсь. Стели.

– Вот и правильно, Паша. Дольше поспишь. Раскладывай диван.

– Да я и так посплю, не раскладывая, – попытался отмахнуться он.

– Да не ленись ты. Раскладывай, – усмехнулась она, – На не разложенном – слишком узко. Завтра будешь жалеть. Проснешься как побитая собака.

Павел уловил в ее голосе заботу, от чего зачесалось где-то внутри горла, под яремной ямкой.

– Ну, хорошо, – он стал раскладывать угловой диван, – Ого... да тут пять человек уложить можно.

Вероника принесла простынь, подушку, одеяло и наволочку с пододеяльником.

– На вот тебе. Справишься? – она бросила ему подушку и наволочку, а сама начала вправлять одеяло в пододеяльник.

Что-то старое и знакомое до боли колыхнулось в душе.

Особенно когда они за концы – вдвоем растряхивали в пододеяльнике одеяло. Он слушал сквозь поток налетевших, быстро сменявших друг друга воспоминаний голос Вероники. Смотрел на ее лицо, к которому никогда не был безразличен. «Что за наваждение?» Ощущение уюта рядом с женщиной, которая стелила ему постель, ассоциировало эмоции, волновавшие не одно поколение его предков. Они передали ему все эти сокровища в виде восхитительных чувств, принесенных в сердце живой теплой кровью.

– Ты не слушаешь меня, – раздалось откуда-то издалека.

По глазам Вероники он понял, что она обратилась к нему и ждет ответа.

– Извини... Что ты сказала?

– Я спросила – не замерзнешь ты под этим одеялом? Может, плед еще принести?

– А! Нет – не надо. Достаточно. Спасибо, Вероника, за заботу, – Павел с благодарностью посмотрел на нее.

– Да не за что, Паша. Ты же знаешь – мне приятно для тебя что-то сделать.

Он промолчал. Удивился, что на этот раз ее слова не вызвали прежнего негатива.

– Спокойной ночи, Паша.

– Спокойной ночи, Вероника.

Она ушла в свою спальню, оставив Павла с его размышлениями наедине. Он разделся, выключил свет и подошел к окну: спать почему-то совсем не хотелось, не смотря на поздний час. Темными колоссами за стеклом темнели дома, кое-где освещая в оконных проемах невидимое отсюда таинство чужой жизни. «Раз, два, три, четыре...» Во всей перспективе насчитал от силы полтора десятка светящихся квадратиков. Пришла мысль, что и ему пора бы. Лег, натянул одеяло до самого носа и закрыл глаза. Приятно пахло чистым бельем, с почти неуловимым оттенком присутствия чужой притягательной жизни.

Так он пролежал минут двадцать, пока не понял истинную причину бессонницы, и даже возжелал, чтобы Вероника вдруг оказалась рядом. Но, сразу же, отмел эти мысли – разве не он сам дал ей повод даже не думать об этом. Еще минут через десять он все же забылся. В полусне – в переходном состоянии – появилась Вероника и, скользнув под одеяло, почти коснулась его бока. Павел даже по-настоящему ощу-

тил тонкий, исходивший всегда от ее кожи аромат, и почувствовал, как пахнуло теплом от ее горячего почему-то тела. Повернулся к ней лицом...

– Пашенька, не прогоняй меня... – услышал шепот, – Не могу больше... Думала смогу, но это выше моих сил. Ноги сами принесли.

Ее голос вдруг вывел Павла из пограничного транса. Он, наконец, абсолютно осознал, что это не сон. Что Вероника рядом. Что тепло настоящее – от настоящего женского тела. И это тепло, вливаясь сквозь кожу в его артерии и вены, разносится по всему организму и будоражит железы внутренней секреции. Мысли, четко заработавшие вначале, когда он ощутил почти шок от осознания правды жизни, стали туманиться и расплываться, теряя разумность. И он снова пожалел Веронику. А заодно и себя, представив их двоих, подобно двум пылинкам, летящими в безбрежности мироздания. Две души в необъятной вселенной на мгновение ощутили иллюзию единства противоположностей, задуманных самим создателем.

Через какое-то время, обессиленные продолжительным днем, гостями и друг другом, они спали. Он, раскинувшись, на спине. Она – головой на его плече.

Утром Павел и Вероника ощутили невероятную силу вожделения, сопротивляться которой уже не стали – не та была ситуация. Их сознания не хотели просыпаться в полную силу, доверившись телам, с их жизнеутверждающей функцией притяжения полов. Потом они опять уснули ненадолго, чтобы снова, проснувшись, восполнить длительный пробел естественных отношений. Потом они пили кофе в постели с остатками вчерашнего торта. Потом снова их потянуло друг к другу. И этот прелестный марафон двух изголодавшихся по душевному и телесному теплу людей продолжался до трех часов дня. Похмелье постепенно выдыхалось, принося ясность сознанию. А желание притуплялось, вплетая в отношения нотки безразличия – извечные спутницы пресыщенности.

После трех, изрядно поистрепав возможности тестостерона и эстрогена, и ощутив свои закоренелые привычки, порожденные одиноким существованием, Павел и Вероника решили остатки субботы провести порознь. Слишком сильно рванули. И надорвались. Ни он, ни она, в конце концов, уже не могли смотреть друг другу в глаза, понимая несостоятельность таких отношений. Но каждый питал какую-то непонятную нежность по отношению к партнеру, и благодарность за то малое и такое огромное, что смогла подарить им жизнь за сегодняшние сутки. И эта извечная двойственность отношений мужчины и женщины каким-то образом сближа-

ла их еще больше, в то же время, расталкивая к соответствующим полюсам, где было их истинное место.

Павел стоял у дверей, держа в руках сумку с пожитками, первый раз за последний час глядя в глаза Веронике. Было ощущение, что они прощаются надолго, может быть, навсегда. «А ведь, и вправду, никогда больше не повторить того, что произошло между нами сегодня» – подумал он.

– Ну что, пойду я? – Павел нерешительно обнял Веронику и чмокнул ее в щеку.

Она улыбнулась совсем неестественно.

– Паша, если тебе понадобится «скорая помощь», я всегда прилечу к тебе, только позвони. Мы же с тобой друзья? – попыталась она шутить.

– Спасибо, Вероника. Ты – настоящий друг, – попробовал отшутиться и он в том же ключе.

Получилось неуклюже.

Выйдя из дома и сев в ожидавшую его машину такси, Павел почувствовал облегчение. Он – в своей тарелке. В привычном его сердцу состоянии сознания. В машине, что уне-

сет его из этого приключения, более длительной протяженности которого он бы уже, точно, не выдержал.

Остаток дня прошел в большей степени у телевизора. Звонил Ковальский – приглашал в гости. Пришлось лгать – ссылаться на недомогание. И Слава, словно почувствовав что-то, не настаивал, что было не в его привычках.

Утро следующего дня своей пасмурной погодой, с моросящим дождиком, ввергло Павла в уныние, граничившее с депрессией. «Хорошо, – закралось в сознание, – Как раз соответствует настроению, – ему даже не пришло в голову, что именно погода его и создала, – Если бы сегодня было солнечно, наверное, ощущение контраста принесло бы боль несоответствия внутреннему состоянию». Эта мысль, своим несовершенством, исходившим от бешеной смены чувств, стала порождать внутреннюю агрессию с неприятным ощущением напряжения внизу живота, которое снова переходило в уныние и состояние изнеможения. Организм швыряло из крайности в крайность, и Павел не находил себе места. Он прилег на диван, закрыл глаза и стал отвлекать себя мыслями о предстоящих завтра делах, напряженно пытаясь сосредоточиться на них. Но так и не смог. Полезли какие-то воспоминания. И все больше те, которые связаны с обидами и проблемами, порожденными собственной бестолковостью.

Наташа с двумя подругами уезжала на север – кажется, в Воркуту. Он толком не знал куда, да его это в какой-то момент абсолютно перестало волновать. Главное – уезжала. Отношения накалились до предела, и уже тяготили. Встречаться стали редко, потому что Наташа часто плакала, не в силах сдерживать чувства. Его постоянные измены в маленьком городке, конечно же, не остались незамеченными. И хотя, как говорится, со свечкой в ногах не стояла, но мир не без добрых людей. В отчаянии, уже не осознавая, что делает, не понимая своего унижительного положения, она все еще пыталась заговаривать о будущем, настаивала на ясности в отношениях. Но он отмалчивался или ссылался на то, что хочет учиться, и что нужно еще подождать. А когда узнал от одной из Наташиных подруг, что они взяли в райкоме комсомола путевки на Крайний Север, даже почувствовал облегчение. Все складывалось само по себе. Казалось, получал долгожданную отсрочку, по-детски наивно полагая, что его жизнь будет продолжаться, а Наташина как будто замрет в ожидании. До поры до времени. Когда ему станет удобно обратить на нее внимание. Нет, так он, конечно, не думал. Это просто срабатывали удобные, неосмысленные еще ощущения. Позвонив Наташе в тот же день, Паша предложил встретиться. И она, как бы делая ему одолжение, что чувствовалось по тону, согласилась. Возможно, надеясь еще на

какое-то чудо.

Он, как всегда в последнее время, с виноватой улыбкой взял ее руку в свою. Чмокнул в щеку, заметив необычное движение: она слегка отшатнулась от него, выразив, таким образом, отчуждение. По инерции они еще исполняли свои старые роли, будто бы обязывающие их доиграть пьесу до конца. До логического завершения. Но выглядела эта игра неестественно.

– Ну, и куда ты наострила лыжи, дорогая? – спросил он после того, как с неудачным приветствием было покончено.

– Ты о чем? О том, что я сегодня собираюсь к бабушке или о том, что мы с девочками уезжаем, – Наташа невольно, по старой привычке разыгрывать его, улыбнулась. И в этом пассаже он вдруг почувствовал такое ее отчаяние, такую тоску по несбывшимся надеждам и такую свою вину перед ней, что стало невмоготу. Захотелось бухнуться на колени и просить прощения, слезно умоляя остаться, умоляя выйти замуж за него. Но мысли об университете и о том, что Наташа, однажды став в позу, сказала – «ты все равно учиться не будешь», не оставляли ему выбора. Он будет учиться, во что бы то ни стало. Да и что может случиться? Придет время, и они снова будут вместе. Обиды забудутся.

– Ну, конечно же, не о поездке к бабушке, – он злился на себя, и это выразилось во фразе.

– Паша, чего ты злишься? Разве ты сам этого не хочешь? Хочешь. Я же знаю тебя. А злишься, потому что инициатива не от тебя исходит. Гордость твоя мужская задета. А о моей – женской гордости – ты никогда не думал?

– Ты неправильно все поняла, – волнами стали накатывать неприятные ощущения, – Я... на себя злюсь... На свою несостоятельность в отношениях с тобой, – сознание поплыло, отчего речь стала сумбурной и бестолковой, – Я готов упасть на колени и просить прощения у тебя... Я потерялся... Я не могу предложить тебе жить без брака еще три года – встретиться, где и как попало. Представляешь? Я – в общаге. В университете. А ты – в своих постоянных разъездах по Союзу. А предложить тебе выйти замуж? Это же все. Конец жизни. Через год мы с тобой взоем. Ты хочешь жить, как живут наши родители?

Конечно же, он ждал того ответа, который предполагал.

– Да. Я вполне могла бы так жить, – Наташа задумчиво посмотрела на него, – А ты – нет. Вот поэтому я и уезжаю, Паша. Видимо, не судьба нам быть вместе. А раз нет, то лучше подальше. Может, меньше боли в сердце будет?

– Прости, Наташечка, – глаза вдруг застелило пеленой от мгновенного озарения. Заполнившие сердце нежность и жалость раздавили его непосредственность простотой познания жизни. Его женщина оказалась сильнее и мудрей его самого – маленького дурачка, кричавшего «хочу!» и не осознававшего, чего же именно.

Через неделю девчонки уехали. Наташа даже не позвонила ему.

Ирина Сергеевна перестала отвечать на его приветствия при встречах. А отец Наташи и вовсе послал куда подальше, сказав при этом, чтобы обходил его стороной, а то, не ровен час, попадет когда-нибудь под злую руку. Одна Полина продолжала общаться с ним, почему-то понимая терзания собаки на сене. Может, потому, что по возрасту они были ближе? А может, потому, что Паша однажды не совсем серьезно, но чувственно поплакался ей о своей любви и судьбе? Или потому, что сама не ровно дышала по отношению к нему? В подробности вдаваться не хотелось. Свои чувства в какой-то степени он перенес на нее, и ей это импонировало. Она напоминала ему о Наташе – о том, что могло бы быть, а ей, видимо, приятно было общение, пусть и приятельское, с уже взрослым мужчиной. От Полины же через полгода он и узнал, что Наташа выходит замуж. Заявление подано. И

свадьба через месяц.

Вначале пережив шок, недоумевая и не веря в такой быстрый исход событий, в конце концов, он озверел: «Как она могла так поступить?» Он ее любит, а она, видите ли, замуж выходит. Через пару дней, перебесившись, впал в состояние прострации – и еще два дня пролежал на кровати, почти не шевелясь. Только размышлял и вспоминал. Вспоминал и размышлял – фантазировал, как приедет и увезет ее домой, как будет вымаливать прощение, валяясь в ногах. «Наташенька, моя милая, ну зачем ты так поступила?» Но по мере осмысления в нем стала разрастаться обида. Унижение, пережитое от такого резкого поворота событий, вызвало к жизни самолюбивую гордыню. И на предложение матери – ехать к Наташе – он ответил: «Ни за что!» Самолюбие после этого через пару недель успокоилось. Но еще долго мучило сожаление о случившемся, стимулируя чувство утраты. Оно осталось навсегда. Проросло в душе вечной тоской по чистой и настоящей любви, так и не свершившейся в его жизни.

40.

Почти сразу же после отъезда Наташи он устроился на работу – в ПМК – подсобным рабочим. Еще не закончился сентябрь, а Паша уже стал заглядывать после работы в почтовый ящик – ждал вызова на собеседование, к которому готовил-

ся по четырем предметам.

Но событие это случилось только к концу октября. Радостное волнение охватило Пашу, когда он увидел штемпель университета и выведенные почти детским почерком слова среди печатного текста приглашения – «Думанский Павел Петрович». И пусть собеседование – еще не зачисление. Но он своего добьется. Он будет учиться. Теперь это – еще и дело чести.

В назначенный день он с самого утра уже в университете. Собеседование прошло успешно, но отбор есть отбор. Кто-то пройдет, а кто-то и нет: количество мест на бывший «раб-фак», а нынче ПО – подготовительное отделение – ограничено.

Поднявшись на четвертый этаж, встретил Ольгу. Она куда-то спешила. Увидев его, по-настоящему обрадовалась:

– А-а, Павлик Морозов. Ну, привет. Как отстрелялся?

– Да, вроде, ничего, – он восхищенно оценил ее взглядом, и она это заметила.

– Ничего, Паша, это ноль, – засмеялась, – А нам с тобой, – Ольга очень четко выделила «нам», растянув гласный звук, и

подчеркнула фразу паузой, – нам с тобой, Паша, необходим один критерий из двух. А из «достаточных знаний» и «недостаточных знаний» нам необходим первый критерий оценки, но не второй, – она снова рассмеялась, глядя на озадаченного такой тирадой Пашу, – Очнись, Думанский. Видишь, я и фамилию твою запомнила на всю жизнь... Ладно, побегу, а то шахиня моя меня взгреет. Если подождешь, посмотрю твои результаты.

– Конечно, подожду, – Паша встрепенулся от такого предложения.

– Ну, тогда постой... во-он там – у окна. Я подойду... Только не рассчитывай, что прямо сейчас.

– А я и не рассчитываю.

Ольга ушла. Он видел несколько раз, как она выбегала из своего кабинета, забегала в другие, на некоторое время оставаясь там. И снова возвращалась. Наконец, где-то, через полчаса, она повернула в его сторону.

– Ну, все, Паша, у тебя везде «достаточно», так что девяносто девять процентов, что ты наш.

– Девяносто девять? – Паша погрузился, не успев толком

обрадоваться.

– А что ты хотел? Среди равных результатов будет конкурс аттестатов... Да не бойся ты, – заметила она его реакцию, – Мальчишек наши матроны любят. Вас всегда меньше, чем девчонок, и, как правило, не берут из вас только совсем дремучих. А ты же, Думанский, не совсем... – заметила с издевкой, – Не дрейфь – прорвемся, – она все тараторила и тараторила, – Ой! – вспомнила, – Побегу. А то будет мне от Надежды Александровны... – и уже собралась уходить, но, словно что-то вспомнив, повернулась к Паше и прикоснулась к его груди ладонью, – До декабря, Павлик Морозов. Не вешай носа, – и улыбнулась, словно ей все уже было известно.

А он вдруг вспомнил автовокзал и рыженькую Нину. И такое же прикосновение. Как будто и та, и другая оставляли на нем знак – свой знак, который говорил о претензии на собственность. «Тавро», – улыбнулся, пришедшему сравнению.

И еще почти месяц Паша мучился – думал о своем слабом аттестате. Таскал носилки с кирпичами и подмешивал раствор каменщикам. А по вечерам несся домой, чтобы заглянуть в почтовый ящик. Вера угасала, а сомнения, множась, возрастали. И вот, наконец, двадцать второго ноября он, заболтавшись с друзьями после работы за бокалом пива,

пришел чуть позже отца и мамы. Они оба сидели за пустым столом, на котором лежал конверт со знакомым штемпелем. Конверт был вскрыт. И по торжественным позам родителей, всегда в это время находившим себе какую-то работу по дому, понял – или-или.

– Паша, извини, – мама засияла улыбкой, поднимаясь ему навстречу, – Мы не выдержали, сынок. Мы с папой поздравляем тебя. Ты зачислен, – она обняла его и расцеловала в щеки. А отец пожал руку.

Паша схватил конверт и достал листок бумаги. Стали накатывать слезы. Чтобы не увидели родители, пошел в свою комнату. Сел на кровать. Почти сразу же вспомнилась Наташа. В ушах ее голосом зазвучала, повторяясь, фраза – «все равно ты не будешь учиться, я-то тебя знаю». Развернул листок вызова, отпечатанный на ротапринте. Под длинной чертой выведено ровным школьным почерком «Думанский Павел Петрович». «Оля, видно, заполняла».

Первого декабря он был в университете к часу дня. Занятия пэошников по расписанию, вывешенному в холле первого этажа, после обеда. В утренние часы не хватало аудиторий и преподавателей.

Весь поток собрали в актовом зале. На сцене за столом

– несколько человек, двое из которых Паше уже известны – Оля и Надежда Александровна. Еще один – проректор по учебной части. А двое других – секретарь комсомольской организации университета – парень с несоразмерно высоким лбом – и председатель студенческого профкома – полная женщина лет тридцати пяти. Проректор первым после представления Надеждой Александровной сказал короткую речь, поздравил с началом обучения, пожелал, чтобы все в следующем году стали студентами и ушел. За ним последовала председатель профкома, сообщив на прощание, что она чуть ли не мать родная, которая будет в случае каких-либо конфликтов с администрацией защищать их интересы. А за ней минут через пять после нескольких призывов или лозунгов отправился и секретарь. Поднялась Надежда Александровна.

– Ну... – она сделала паузу, ожидая тишины, – меня и нашего методиста вы все прекрасно знаете, ибо с каждым мы общались лично... По крайней мере, Ольга Леонидовна... – она показала рукой в ее сторону, – точно.

Появился одобрителный шум голосов. Затем заведующая сказала, что главное – это успеваемость и достойное поведение, как в здании университета, так и везде.

– Особенно обращаю на это внимание мальчиков, – за-

ключила она, – Попадание в отделение милиции означает отчисление. Так что делайте выводы. Это касается и распорядка проживания в общежитии. Мы все люди и все можем понять, но... – она замолчала, глядя в зал, – существуют рамки, за пределы которых заходить не следует. И вы их, конечно же, знаете. А посему и оставайтесь в этих социальных рамках, если хотите продолжить обучение в стенах университета.

Еще минут пять после того, как успокоился шум в зале, Надежда Александровна познакомила слушателей с правилами и традициями, сложившимися за годы существования подготовительного отделения, сформированного, оказывается, на базе рабочего факультета. В конце концов, как и проректор, она поздравила всех с началом обучения в университете.

– И хоть вы еще не студенты, – сказала, – а только слушатели, тем не менее, вы – в стенах *alma mater*, – Паша обратил внимание на непривычное для него ударение в слове «стенах», – и я поздравляю вас с этим... – раздались нестройные хлопки. Надежда Александровна подняла руку, останавливая их, – А сейчас, – продолжила, – наш методист – Ольга Леонидовна доведет до вас кое-какие организационные вопросы.

Паша сидел – слушал заведующую, но раз за разом по-

смастривал на Олю. С каждым новым взглядом в нем подспудно крепло убеждение в правоте рождавшейся страсти, прораставшей пониманием, что Оля – уже – принадлежит ему. Это поражало и ум, и сердце, которое толкало взбужденную чувствами кровь во все приделы плоти. Темные каштановые волосы, смуглая кожа манили воображение своей загадочностью, намекая на принадлежность ее далеких предков к одному из южных народов. Паша даже не задумывался о причине возникновения такой мысли. Осознание ее лишь вело к вопросу – почему: почему, глаза у нее не карие, почему они зеленые – колдовские? В Оле, и вправду, что-то было от ведьмы. Что-то такое, от чего и притяжение, и смутное опасение, синтезируясь в сознании, создавали сладостное состояние ожидания, наградой за которое виделось нечеловеческой силы наслаждение. Ее, проступающая сквозь формальности социума, природная независимость обещала вечную борьбу. Смену бушующего пламени и пенного шквала океанского шторма. В какой-то миг Паша даже ощутил в себе все это, глядя на девушку. Как будто ему открылась на мгновение правда жизни, о которой в обычном состоянии можно только догадываться. И это настолько усилило притяжение к ней, настолько пленило, что таким, как прежде, его сознание уже оставаться просто не могло. Он вспомнил ладонь на своей груди, и вдруг понял значение ее таких красноречивых взглядов, которые иногда перехватывал. «Бог мой! Как до жирафа... – подумал с замиранием

сердца, – Чувства не проведешь. Подсознание давно уже все прочитало в ее глазах...»

Ольга Леонидовна о чем-то информировала аудиторию, жестикулируя сдержанно. А Паша слышал только тембр ее голоса, вполне осознавая о чем речь, но не слыша частных – любовался ею. Опыт, бурливший в нем кровью предков, говорил, что не дай бог в такую влюбиться, что ее природная независимость вряд ли позволит ей стать чьей-то по-настоящему. Но от этого восставал мужской дух соперничества. Возникало желание покорить женщину, чья строптивость обещала вожаемую радость победы. И не важно, что в рукаве судьбы может быть припрятано поражение. И даже не важно, что победа, по всем законам полярного мира, как раз и будет поражением, ибо эти два понятия – суть одно. Появился азарт, и лекарством от него могла быть только борьба. Смутное понимание ее, как удовольствия, которое дарит процесс подготовки, понимание сути любви, как величия ожидания ее даров, уже вносили в сознание игру всех оттенков чувственности. И она – эта чувственность – пульсировала в молодом здоровом теле, восторгом отзываясь в потаенных уголках души...

Аудитория зашумела голосами, звуками шагов и хлопанием откидных сидений. Мероприятие закончилось. Занятий сегодня не будет. Завтра – по расписанию. Паша нехо-

тя поднялся и влился в поток направлявшихся из зала людей: выходил с правой стороны. А Оля – он увидел в последний момент – вышла с левой. «Случайной встречи не получилось, – оценил ситуацию, – А может, ее кто-нибудь в холле остановит – спросить что-нибудь?» Так, в принципе, и случилось. Но вокруг собралась толпа. Вопросы оказались у многих, особенно у иногородних – мест в общежитии всем не хватало. Паша решил не подходить – все равно толку от этого не будет. Но Оля сама заметила его – видимо, искала.

– Думанский?! Павел?! – громко, с оттенком официальности позвала она, – Подождите меня у нашего деканата! Нужно кое-что уточнить по вашим документам!

Паша насторожился. Хотел задать вопрос. Но передумал. Кивнул и направился к лестнице, чтобы подняться на четвертый этаж. Шел медленно. С надеждой, что Оля его догонит. Но поднявшись наверх, еще минут пятнадцать простоял у окна рядом с дверью своего деканата, как называли между собой кабинет заведующим: атавизм, доставшийся в наследство от рабфака – рабочего факультета, где была должность декана.

– Ну, слава богу, – выдохнула Оля, подходя, – Со всеми разобралась. Осталось – с тобой.

– А что у меня не так? Что там с документами? – Паша заметно волновался.

– Да успокойся ты! – она как-то загадочно взглянула на него, – Это повод, – Оля отомкнула, повозившись, замок, ворчливо выговаривая при этом какому-то Ивановичу, – Заходи, – скомандовала, пропуская его вперед.

– Блин, а я волнуюсь, думаю – что у меня не так... А это...

– А это развод, – она весело рассмеялась, – Эх ты! А еще Думанский! – обыграла она его говорящую фамилию, – Опять будешь мне должен.

– А теперь уже за что? Я и так с тобой не рассчитаюсь до конца жизни.

– Иди сюда... Садись, – она загадочно посмотрела на него, – Вот тебе бумага... Вот тебе ручка...

– Зачем? – не удержался он от вопроса.

– А ты думаешь, Надежда Александровна зря говорила про общагу? Двоих сегодня турнули. Из тех, кого вчера заселили.

– Да ты что? – вырвалось у Паши.

– Да! – как-то по-детски воскликнула Оля, – Решили новоселье отметить. Да так отметили, что вахтерша коменданта вызывала. Понятно – даже до ректора дошло. Сейчас вопрос решается об отчислении. Ну, на отделении их, может, еще и оставят, а вот в общеаге, точно, нет, – одним духом выпалила она.

– А я здесь при чем? – ошарашенный ее тирадой поинтересовался Паша.

– Ну, Думанский! Ну и сообразительный же ты. Уже мог бы и понять – что к чему. Короче... быстренько пиши заявление на имя заведующей... – она покопалась в бумагах, – Вот тебе образец. Я думаю, что Надежда Александровна не будет против. Она сама мне поручила продумать, кого лучше подселить.

– Оля... Я тебя люблю, – Пашу охватило чувство благодарности, – За что же мне такая милость?

– Кончай, Думанский, с соплями. Пиши – у меня без тебя своих дел хватает, – она изобразила деловитость и собственную незаинтересованность. Как будто исполняла долг, а Паша ей, видите ли, мешал.

– Молчу, молчу... Спасибо, Оля. Без тебя... – она бросила на него нарочито гневный взгляд, сквозь который пробивалась улыбка.

– Все, Паша, все... Пиши. Сегодня заведующей уже не будет. Завтра узнаем – подпишет или нет? – предупредила Оля его вопрос, давая понять, что она занята, и пора прощаться.

– Еще раз спасибо, Оля.

– Пока не за что, Паша, – не скрывая нетерпения, ответила она.

– Ну, я пошел, Ольга Леонидовна? – он застыл, шутливо изображая почтительность.

– Тебя уже здесь нет, Думанский, – засмеялась она его выходке, – Давай, давай... выметайся.

Паша сделал полупоклон, и, пятясь, вышел из кабинета. Через секунду приоткрыл дверь, как бы спохватившись:

– До свидания, Ольга Леонидовна.

Она шутливо замахнулась на него взятой со стола пап-

кой, и он быстро закрыл дверь. «Дай бы бог, Надежда Александровна подписала», – подумал. Ощутил в груди тревогу, но в тот же момент почувствовал сменивший ее восторг: «Ну, Олечка! Ну, молодец, девочка! Надо коробку конфет ей взять... Хорошую».

41.

На следующий день Паша приехал на занятия на час раньше – не терпелось поскорее узнать результат. Он подходил уже к двери, когда из нее выбежала Оля.

– А, Думанский? – она, кажется, удивилась, – Привет! Подожди меня. Я сейчас, – проговорила на ходу.

– А как там? – уже вдогонку спросил он.

– Терпение! – улыбнулась, повернувшись.

«Судя по всему, получилось», – Паша, по привычке пошел к окну.

Через пару минут вернулась Оля.

– Сейчас, – она исчезла за дверями и тут же появилась с листком бумаги, – Вот... 213-й номер. Общага на Первомай-

ской, 13. Знаешь, где это?

Паша хорошо знал, где это. До сих пор, когда вспоминал, в душе возникало стыдливое противоречие, что в то летнее утро проснулся не там и не с той.

– Да, Оля, конечно. Знаю: пятиэтажка из красного кирпича. Сразу за сквером.

– Прекрасно. Сейчас идешь на второй этаж – в кассу... В этом корпусе, – уточнила, – Называешь свою фамилию, – она зачем-то ткнула его пальцем в грудь, – Распоряжение я уже занесла... Платишь два пятьдесят, и с квитанцией – к коменданту.

– Оля, ты чудо. Спасибо тебе, – Паша с благодарностью посмотрел ей в глаза.

Она опустила ресницы. Но тут же вздернула их, будто испугалась собственной откровенности. Это снова была та же Оля, с присущим ей шармом легкой бравады. Она снова хитро улыбалась, спрятавшись за своей привычной маской.

– Спасибо в стакан не нальешь и в постель не положишь, Думанский, – засмеялась весело, – Ну все, некогда мне с тобой. Дерзай – у тебя еще есть время до занятий.

Паша не просто был благодарен Оле. Понимал – между ними уже завязываются чувственные отношения. Но желание обладания женщиной не означает самого обладания. «Если что-то и начинать с ней, – думал, – надо видеть перспективу и представлять ее настолько четко, насколько это возможно». А вот перспективы этой он не видел. По крайней мере, пока. Да, с Ольгой было приятно. Она очень нравилась ему. Но интуитивно он осознавал, что не справится с ней, не сможет уравновесить ее энергию. А отсюда появлялась неуверенность. Срабатывал инстинкт самосохранения. И пока он был сильнее, какая уж тут перспектива? Вот если бы тяга к женщине – инстинкт продолжения рода преобладал над инстинктом самосохранения, перспектива нарисовалась бы сама собой – Паша это уже однажды испытал. «Если бы не армия, – вздохнул, – Если бы не растянувшаяся пауза в отношениях...» В груди появилось неприятное тянущее чувство. Он встряхнул головой, выходя из охватившего сознание транса. Поговорка – «обжегшись на молоке, на воду дуют» – пришла сама собой, и стало не по себе от мысли, что с ним такое может повториться. Но в то же время, как бы втайне от себя, он желал повторения этого чуда. И боялся. И хотел. И это раздвоение, пытаюсь интегрироваться в нем, снова отзывалось душевной болью, порой приносящей в переживания надежду, а порой – чувство безысходности. «Неужели, еще один шанс... И похоже, и не похоже... Да

нет, – спохватился, – это обыкновенное чувство благодарности за ее симпатию ко мне. Это – невозможность в той же степени дать ей что-то равнозначное. Брось, Думанский», – он улыбнулся, заметив, что обращается к себе так же, как Оля.

Паша успел до занятий заполучить драгоценную квитанцию об оплате общежития и сбегать в магазин – купить огромную коробку «Ассорти». Повезло. Правда с полчаса пришлось потолкаться в очереди. Предусмотрительно решил завернуть ее в упаковочную бумагу – попросил продавщицу, удивленную таким пассажем, а потому, наверное, и не отказавшую. Теперь надо как-то – по возможности незаметно передать ее Оле. Вспомнил, что за углом магазина видел телефонную будку с разбитым стеклом. «Точно! – Паша вошел и попытался закрыть железную перекошенную дверь. Попытка оказалась безуспешной, – Слава богу, – усмехнулся, – хоть аппарат на месте». Отыскав среди мелочи «двушку», набрал номер подготовительного отделения, надеясь, что на звонок ответит Оля.

– Подготовительное отделение университета. Слушаю вас.

«Ну, слава богу», – Паша сдержал вздох облегчения.

Поздним вечером, когда заканчивалась последняя пара, кроме проводивших занятия преподавателей и слушателей в корпусе уже никого не оставалось.

Сегодня Оля задержалась. «Ладно, – согласилась, когда Паша позвонил, – я и так собиралась остаться. У меня есть кое-какая работа, которую я не могу отложить на завтра. Так и быть – тебе повезло. Проводишь меня». Обрадованный, он чуть не спросил, что это за работа такая срочная. Но вовремя спохватился: Оля, по своему обыкновению, могла бы его и высмеять, задай он такой вопрос. «А может, она из-за меня остается? – в просвет сознания просочился вездесущий эгоизм, – А работу так придумала – хорошая мина при плохой игре?» Мысль, появившись предположением, начала крепнуть, хамовато отбрасывая в сторону слабеющие сомнения.

Суть да дело, но так долго тянувшийся час последней пары, наконец, позади. И Паша, заранее забравший из гардероба свою куртку, спустился по широкой лестнице на первый этаж. Собирался подождать Олю на улице. Думал – она задержится, чтобы не встречаться со слушателями. Но, к удивлению своему, увидел ее внизу – в холле, когда спускался по последнему лестничному проему.

Оля почувствовала его взгляд и обернулась. Какое-то ще-

мящее чувство возникло в сердце. Но обстоятельства развиться ему не дали – надо было действовать. И она пошла к дверям. «Пусть догоняет». Паша ей нравился. Очень. Не походил он ни на кого, с кем до этого сводила жизнь. «Но ведь такого не привязать к себе, – думала, – Даже если постараться – черта с два получится. Он по жизни – ничей. У него это на лбу написано. Слишком мягок с виду, но, стоит приглядеться, и понимаешь – иллюзия».

Он догнал ее метрах в двухстах от корпуса. Не спешил. Выжидал, когда разбегутся коллеги. Раз Оля затеяла такую игру, значит так надо. «Конспиратор, – не сдержал улыбку. Но отнесся с пониманием, – Зачем ей ненужные разговоры, когда нет отношений? Да и перспектива отношений непонятная. Так – игра какая-то детская. В поддавки. Не по-настоящему».

– Здравствуйте, девушка... – начал было он.

– Паш! Давай без банальной пошлятины обойдемся – не люблю, – прервала она его, – И тебе это не к лицу, – остановилась, притронувшись своей рукой к его руке. Пристально взглянула в глаза – снизу вверх.

Так они простояли с полминуты или больше. Пауза затягивалась. Оля молчала. Она как будто проверяла: как дол-

го он сможет выдержать ее взгляд. Словно играла – кто кого пересмотрит. А он, замороженный ее прямолинейностью, ее проникновенной близостью, красотой ее глаз, казавшихся сейчас – при свете фонарей еще притягательней, просто наслаждался моментом. Наконец, она улыбнулась.

– А пошли ко мне, – выдохнула с вызовом, – На рюмочку чая. Только сразу предупреждаю: все свои фантазии засунь куда подальше. Сегодня они тебе не понадобятся.

Паша оторопел. Не знал, что и ответить. Слишком неожиданно для него это прозвучало. Но больше всего смутило «сегодня». А завтра? А послезавтра?

– Ты что – дар речи потерял, Думанский? Или спужалось дитяtko к двадцатипятилетней тете идти?

– Оля... – Паше вдруг так захотелось сказать ей что-то хорошее, – А мне казалось, что тебе не больше двадцати двух. И то это по моим логическим подсчетам.

Она рассмеялась.

– Думанский, ну почему мне приятна твоя наглая лесть?

– Да не лгу я, Оля. Правда, так и думал.

– Нет, друг мой сердешный, ты ошибался, и, как видишь, много.

– Оля, ну брось. Разве это предмет разговора?

– Предмет, Пашенька, предмет. В кои-то веки понравился мужик, а его пеленать еще надо, – она засмеялась, – Ладно, забыли. Ну? Так что? Идешь ко мне чай пить с конфетами?

– А что? Я могу отказаться? – перенял он ее тон, – Я альтернативы не вижу. Тем более что фантазии я уже успел засунуть – глубже быть не может.

После того, как высказался, на душе стало легко. Движением предложил взять себя под руку, и они пошли, перебрасываясь репликами, не имевшими никакого отношения к чувствам. Он не спрашивал, куда она ведет его. Просто шел, доверившись. Не спрашивал, как далеко идти. Не интересовался – будут ли они одни. Не хотелось даже знать о чем-либо конкретном, меркантильном, чтобы не лишиться этой легкости, не испортить то, что пришло неожиданно. Наконец, они оказались на бульваре Победы, уходящем к железнодорожному вокзалу.

– Ну вот – моя улица, – сказала Оля, – Здесь я живу с

самого рождения. Сначала с родителями и бабушкой. Потом с бабушкой вдвоем. А теперь одна.

– Оля...

– Паша, если ты хочешь спросить о моих родителях, отвечу коротко. Они оба живы. У каждого своя семья. Сначала ушла мать, а потом и отец приженился. А бабушка умерла три года назад, – и опять она остановила его жестом, не давая сказать. Снова взяла под руку, – На этом тему закрываем. А вот, кстати, и мой дом. Пошли быстрее, а то я уже совсем окоченела.

Они поднялись на последний этаж трехэтажного дома. Очень старого. С широкой лестницей. Вошли в квартиру, показавшуюся Паше неудобной еще из прихожей – из-за непривычно высоких потолков. Он помог Оле снять пальто. Разделся сам и последовал за ней в необъятное помещение гостиной.

В доме было очень тепло, и постепенно сознание приобщилось и к этим потолкам, и к огромным комнатам. Паша с интересом разглядывал кучу всякой всячины, расставленной по полкам книжных шкафов. Особенно его внимание привлекли статуэтки – бюсты, копии скульптур, фаянсовые фигурки людей и животных. Они везде, куда ни посмотришь.

Но больше всего – книг. Никогда прежде ему не приходилось видеть столько ни в одном доме. А тут! Паша по-детски стал восторгаться, не в силах скрыть своего восхищения. И Оля вдруг ощутила в себе двойственность – увидела в нем мужчину и ребенка одновременно. И от этого в ней проснулись чувства, доселе ей незнакомые – щемящее ощущение запредельной близости. Не той – опустошающей, которую вменил создатель, разъединив полюса, когда возникает чувство единства между мужчиной и женщиной, не обремененных ничем иным кроме желания соития. Это чувство захватило какие-то глубинные слои психики. Оле захотелось обнять Пашу, закрыть своим телом, защитить от жестокого и равнодушного мира. В первое мгновение она даже испугалась. Отстранилась, как смогла, от этой эмоциональной вспышки в себе. И снова испугалась, что чувства бесследно исчезнут. Вернулась к ним. Но как только они воспряли, в душе вновь появилось сопротивление им. И эта защитная реакция организма, сдерживала разбухавшую потребность обладания. Умом понимала, что не ей судить о том, что будет, и как. Но интуитивная преграда, возникшая, вроде бы, на пустом месте, тревожила. Оля как будто знала, что отношения с этим человеком принесут ей только разочарования. И машинально защищалась от этого.

Чай пили в огромной кухне за круглым столом со скатертью. Болтали обо всем, что приходило в голову, как старые

друзья, которые давно не виделись, и у которых накопилось достаточно всего, о чем можно сообщить друг другу. В какой-то момент у Паши возникло чувство беспокойства, заставившее посмотреть на часы.

– Оля, – он встал из-за стола, – к сожалению, мне пора. Иначе я опоздаю на последний автобус, – возникла мысль, что вот сейчас она предложит ему остаться.

– Да, понимаю, – согласилась Оля, вопреки его надежде и собственному огромному желанию, с которым отчаянно боролась, – Конечно, Паша, – в душе появилась горечь нереализованного желания. Горечь, запершив сначала в горле, переместилась в район сердца. И вдруг там – совсем неожиданно трансформировалась в чувство удовлетворения собой.

43.

Родители, вроде, казались довольными, что сын получил общежитие – не надо каждый день ездить за двадцать километров, а с другой стороны – нет. Особенно мама, которой не хотелось отпускать свое дитя в люди.

– Знаю я эти общаги. Сейчас тебе не до учебы там будет, – ворчала она, – И пообещай мне, что каждые выходные будешь приезжать домой.

– Хорошо, мама. Обещаю.

– Деньги я тебе на месяц сразу все не отдам, а то тебя тогда не дожدهшься, да и голодным будешь сидеть. Десять рублей на неделю. Остальное – картошку, закатки – раз в неделю возьмешь из дому... Не надорвешься, – добавила она, – И мне спокойнее.

– Хорошо, мама, – он как раз собирал сложенную матерью стопку одежды, – Да я же стипендию буду получать... Целых сорок рублей, – Паша засмеялся.

– Ну-ну, – сказала мама, – А душ там хоть есть?

– Не знаю. Должен – по идее... Мам, ну не может же быть, чтобы в общежитии не было душа, – заключил он.

– Ну, все, сынок, с Богом, – мама поцеловала его в щеку, – Веди себя там достойно, – она торопилась на работу.

В общежитие он попал уже к одиннадцати. Вещи оставил около вахтера, и пошел в комнату коменданта.

Его снова встретила неприветливая женщина. Лет сорока, как ему показалось вчера.

– А-а, на место этих, – она как будто уже и не помнила его, – Смотри... как там тебя, – она заглянула в лежавшую тут же на столе тетрадь, – смотри, Думанский, чтоб у тебя, как у этих не получилось, а то быстро вылетишь...

И комендант сообщила, чего в общежитии делать категорически запрещено.

– Особенно, – она внимательно посмотрела на Пашу, – это касается баб и винища.

По ее словам, одно без другого – как бы и не бывает. В итоге она выдала ему матрац, подушку, одеяло, две простыни, наволочку и полотенце. «Как в армии, – отметило сознание, – Только что ножного нет».

– Заноси свои вещи... если они у тебя есть. А потом придешь за этим. Я буду пока здесь. Вот ключ. Потеряешь – делаешь за свой счет.

«Ну и мымра». Паша вышел из подсобки и отправился за сумками. А оттуда по лестнице поднялся на второй этаж. Дверь в его новое жилище оказалась незапертой. Он толкнул ее и из полутемного коридора шагнул в ярко освещенную солнцем комнату. На мгновение прищурившись, сквозь ресницы увидел сидевшего за столом, спиной к нему, рисо-

волосого парня.

– Добрый день.

Парень обернулся и ответил на приветствие.

– К нам? Заселяешься? – он встал и протянул руку, – Слава.

– Павел, – ответил Паша на рукопожатие, – Слава, ты куда не уходишь?

– Нет. А что?

– Да мне еще нужно к коменданту. За тряпками. Руки будут заняты – не до ключа.

– Понял.

Когда Паша вернулся, в комнате уже было двое.

– Паша, – встретил его у двери, чтобы помочь, Слава, – Познакомься – это тоже наш человек.

– Колычев... – представился «наш человек», и добавил, – Александр.

– Очень приятно, – Паша бросил матрац со всем остальным на кровать и подал Александру руку, – А что так официально? – улыбнулся.

– Спроси что-нибудь полегче, – пошутил Слава, – Не вводи в ступор товарища.

– Ой, нарываешься, Ковальский, – засмеялся Александр, – Ну, Саша. Вот не дай тебе пожрать – дай подколоть кого-нибудь.

Паша посмотрел на пустую без постели кровать.

– А что – нас пока трое?

– Пока да, – ответил Саша, – но, думаю, ненадолго. Свято место пусто не бывает.

– Ну, что? – повернулся от стола Слава, – Сегодня вечером сам бог велел?

– Не, мужики. Вы как хотите, а я – пас, – возразил Паша, – Не хочу человека, который меня заселил, подводить. Насколько я понял, у вас здесь очень строго, – слукавил он, вспомнив свой весенний визит к двум Нинам.

– У нас? – удивился Слава, – Ты это о том, что было? – спросил.

– А о чем еще?

– Так ты просто не в теме. Вадик сам по себе дурак дураком, когда выпьет, а тут еще колес наглotalся каких-то. Вот его и загнуло на комендантшу. Не понравилась она ему, видите ли. А кому она нравится? Но мы же не бегаем по общаге и не орем во весь голос, что она стерва... А второй – Колян... этот так – подпевала кулацкий. Он за Вадиком, как нитка за иголкой. Ну и попал под раздачу вместе с ним, потому что тоже глотал эту гадость и тоже орал. А у стен, как ты сам понимаешь, уши есть... Вот так-то, Паша, – закончил он, – А по-нормальному... все можно.

– А я думал – их просто застучали, – снова слукавил Паша.

– Ага. Да тут, студенты говорят, временами такое твориться, что хоть вывеску меняй – «общежитие» на «бордель». И все ничего. Просто здесь коса на камень напоролась. Личное, так сказать. Ну и дебош...

– Все понятно, – Паша потер ладони, – Сабантуй, так сабантуй – я не против, если по-нормальному. Только... где

что взять?

– А ты не волнуйся, мы уже... А следующий раз твоя очередь отовариваться будет. Сочтемся, Паша.

44.

Через две недели, когда в следующий раз Оля пригласила его к себе, Паша понял, что все в его руках. Что вся ее рисовка, все слова о дружбе – не больше, чем защита. Оля – такая волевая с виду, боялась брать на себя инициативу полностью. Это способ выживания. Все же ее существо желало другого, и поэтому поведение расходилось со словами. Она как будто выжидала. Как будто проверяла и его, и себя. И Паша решил: раз так – не будет торопить события. И хоть близости хотел, все же боялся, что Оля может привязаться к нему слишком сильно. А тогда события могут развиваться трагично для нее, потому что Пашин интерес был до неприличия прост. Ему легко и хорошо с Олей. И этого, он считал, достаточно до тех пор, пока вот это «хорошо» не кончится.

«А ей?» – не заставила ждать своих логических противоречий диалектика. Вот здесь и пролегла черта дозволенного. Если он увидит, что Оля слишком привязывается к нему, то роль друга – это лучшее, что может быть в отношениях. А если дружба будет подразумевать близость, без каких-либо

обязательств, кроме дружеских, тогда он готов и к близости. Но он должен убедиться в таком порядке вещей. А для этого нужен откровенный разговор. Нужна инициатива со стороны Оли. А инициативы, как таковой, и нет: только странная, по-детски наивная игра, словно тебе разрешили смотреть, как другие играют в песочнице, но, ни играть самому, ни трогать игрушки не разрешили.

На этот раз Оля, вызвав его из аудитории во время лекции, сказала, что идет домой, и что он к ней придет самостоятельно.

– Надеюсь ты не забыл, где я живу, – сказала под конец.

– Да ты что, Оля? – улыбнулся он, – Я и с завязанными глазами тебя найду.

– Ну, тогда я пошла. Ничего с собой не тяни к чаю, Думанский, я испекла торт, – сказала она нарочито серьезно. Повернулась и быстро зашагала к лестнице.

«Странные отношения у нас складываются. Непонятные какие-то... Ну, непонятные, пожалуй, только для меня, – рассудил, – для нее, скорее всего, понятные». В глубине души вот это ему и не нравилось. Хотелось чужой инициативы, но не хотелось быть пешкой в чьей-то игре. Даже в Олиной.

И даже при условии качественной трансформации – стать ферзем. Не нравилось сознанию, которое никак не могло постичь логики загадочного женского поведения. А вот подсознанию нравилось. Подсознание ощущало прелесть молодости и легкость флирта, обещавшего волшебную сказку с прекрасной принцессой в главной роли. И пусть сознание прибегало к интуиции, которая дула на воду, обжегшись на молоке, подсознание через чувства взывало к продолжению обещавших наслаждение отношений.

Паша проехал на заиндевевшем троллейбусе до вокзала – две остановки от Олиного дома. Купил красивую кремовую с легким чайным оттенком розу, и назад пошел пешком. Благо – недалеко. Поднимаясь по лестнице и разворачивая газету, прятавшую цветок от мороза, снова ощутил в себе двойственность. Ноги несли навстречу ожидаемой сладостной неизвестности. А под ложечкой – не то, чтобы страх – скорее, ожидание подвоха от жизни: что-то, что не давало расслабиться в полной мере и познать радость бытия.

Вот и знакомый звонок. Паша постоял несколько секунд, собираясь с духом, нажал на кнопку и замер в ожидании. За дверью послышались шаги. Потом наступила тишина. Потом снова шаги и снова тишина.

– Кто там? – послышался Олин голос.

– Думанский... Павел Петрович.

Дверь открылась, и он протянул Оле розу.

– Входите, Павел Петрович, милости просим, – Оля рас- смеялась, – Ну вот не можешь ты, Думанский, без претенци- озности, – она поднесла розу к лицу, – Какая прелесть!

– Учитель хороший попался, – парировал он, – Как ты ко мне обращаешься, так я и представился.

– Спасибо за розу, Паша, – она вдруг сделала серьезный вид, хотя глаза продолжали искриться смехом, – Обещаю впредь, – она положила руку на сердце, – обращаться к тебе вне стен университета только по имени. Замечание принято.

– Да это не замечание... Просто так... в процессе разго- вора, – получилось, будто извинялся, – А в фартуке, – кра- сиво ушел в сторону, – ты еще прелестней.

– Раздевайся, маленький лгунишка, будь как дома. И при- ходи ко мне – на кухню, – она повернулась и ушла.

«По всему – будем пировать», – Паша, с удовольствием втянул ноздрями воздух. Снял куртку и повесил на очень вы-

соко закрепленную вешалку. «Как она до нее достает?» – подумал. Но тут же, под вешалкой увидел не замеченную почему-то прошлый раз невысокую, сантиметров двадцать пять, полку для обуви, которую, видимо, использовали и как подставку. Через полуоткрытую дверь в комнату виднелся экран телевизора, и доносились по очереди голоса дикторов – мужской и женский. «Как раз «Время» идет, – вспомнил, – Интересно, чем все кончится с Ельциным?» Позавчера Борис Ельцин был отстранен от должности первого секретаря Московского городского комитета партии после того, как выступил с критикой медленного проведения реформ. «Зашевелились гады, – Паша язвительно улыбнулся, – Конечно, спуска не дадут. Однако и он – не подарок».

– Ну, где ты там? – раздался Олин голос.

– Иду, Оля, иду, – он вошел в кухню.

Все внимание – на стол. Накрыт – по-царски. Буженина. Рыба красная. Яйца фаршированные. Какие-то салатки в салатницах. Даже бутерброды с красной икрой. Правда, всего понемножку. А все это великолепие завершают бутылка «Фетяски», красивый старый подсвечник на три свечи – в центре – и узкая высокая вазочка с принесенной им розой. Падкое на аналогии сознание вытащило из памяти фрагмент фильма, который недавно смотрел по «видику» у одного из

знакомых, и сцену из него – романтический ужин, который в итоге банально закончился постелью. Ужин – прелюдия к ней. Паша все так и понял. И все же ему не хватало еще чего-то. Чего-то такого, что гармонизировало бы его внутреннее состояние. Подавляло сомнения. «Знак? – подумал, – Или наша традиционная хлебосольность? Может, ей просто приятно быть со мной? И не более того? Ведь говорила же – засунь все свои фантазии подальше». Появилось ощущение, что чего-то не хватает. «Ты болван, Думанский, – обратился к себе, как это обычно делала Оля, – она же тогда очертила время – сказала «сегодня». И вообще: определись, что тебе здесь надо. Иначе запутаешься так, что мало не покажется. И чем дальше это будет продолжаться, тем труднее решиться на выяснение... А если у нее все серьезно? А ты своим молчанием дашь ей надежду на взаимность? Она же все поймет так, как настроилась – выдаст желаемое за действительное». Паша в какой-то степени даже растерялся. Думал о чаепитии с обещанным тортом, когда шел сюда. Дружескую беседу. Ну, флирт, ни к чему, казалось, не обязывавший. А тут? «Как это все понимать?» До него вдруг дошло, что надо что-то сказать. Некрасиво молчать. И он выпалил первое, что пришло в голову.

– И где же ты все это достала? – изображая восторг, удивился он.

– Да вот достала... По случаю. Нравиться? – она не скрывала удовольствия от его реакции, отчего природное женское кокетство в ней проявилось в полной мере. Это так было обворожительно, что Паша залюбовался ею. И, конечно же, Оля его реакцию увидела и оценила. А он понял, что случилось, и пожалел об этом. Все шло по какому-то сценарию, увлекавшему его в сети, выпутаться из которых с каждой минутой становилось все труднее и труднее. Складывалась ситуация, когда без потерь, без военных действий обойтись уже почти невозможно. И никакая дипломатия сознаний не в силах отменить обещания, данные языком тел. Отменить безболезненно связь, установившуюся в процессе этих немых договоренностей между ними. И Паша из двух предложенных неискушенным умом вариантов поведения, выбрал второй – сдаться на милость победителя. И хотя ни о каких военных действиях речи не шло. И агрессии, как таковой, со стороны Оли не было. А была лишь экспансия, которую он констатировал только сейчас, когда уже стало поздно. Паша вдруг осознал, что точка невозврата пройдена, и, чтобы он сейчас не говорил, все будет не так. Любое отклонение от Олиного сценария обидит ее. А своего, который по его понятиям, оказался бы достойным, под рукой не оказалось. Понимал, что это малодушие, но решил – будь, что будет. Обижать Олю не решился, хотя интуиция предупреждала, что он об этом, ох как, пожалеет.

– Нравиться, конечно. Что за повод?

– Да ни какого повода, – Оля с сожалением посмотрела на него, – А ты что подумал?

– Ну, подумал, что ты что-то отмечаешь сегодня. Надеюсь, не день рождения. А то я без подарка, – стал выкручиваться он.

– Да ладно, Дум... Паша. Извини – привычка. Небось, о романтическом ужине подумал?

– Да нет... – глаза предательски опустились вниз.

– Да-а, Пашенька. Я же тебя насквозь вижу. Ты же, Пашенька, врать-то не умеешь...

Она назвала его уменьшительно-ласкательным именем, и от этого Паша почувствовал себя напроказившим ребенком. Захотелось сказать «я больше не буду». Стало и смешно, и противно. Уличили во лжи. А кому это может быть приятно? И он, не успев осознать, что делает, пошел ва-банк.

– Ну, раз ты меня раскусила, – сказал, – признаюсь. Да! Думал. И что же теперь – убить меня за это? – он улыбнулся. Правда, улыбка получилась виноватой, и от того неесте-

ственной.

– Убивать не буду. Зачем ты мне мертвый? – Оля была совершенно серьезна, – А что, Паша, слабо было просто спросить – с улыбкой: «Оля, а что – у нас романтический ужин?» И я бы тебе так же просто ответила: «Да, Паша, если ты, конечно, не возражаешь». И все. А теперь ты все испортил, Пашенька.

Никогда, как ему показалось, он не чувствовал себя таким виноватым. Даже с Наташей ему не было так неловко, потому что там он не уходил от ответственности, он просто хотел отсрочки. Конечно, теперь понимал, что делал это глупо, по-детски. Но все же тогда был честен перед собой, просто оценивал ситуацию под себя – эгоистично. А сейчас? А сейчас самым примитивным образом хотел попользоваться человеком в своих меркантильных целях и при этом остаться на высоте положения с точки зрения порядочности. «Ну и сука же я». Первое, что пришло в голову, попроситься и уйти. «Но это же бегство от проблемы. И это только усугубит ее... А если Оля начнет мстить? – от этой ошеломившей своей внезапностью мысли на душе стало не просто противно – паскудно, – Да что ж я такой трусливый?» Паша сделал шаг, сокративший и без того короткую дистанцию между ними.

– Оля. Мне, право, стыдно за свой поступок. Я искрен-

не раскaiваюсь и потому буду до конца честен с тобой. Да, ты мне очень нравишься. Даже очень-очень. И я хочу быть с тобой. Но я не готов к серьезным отношениям. Впереди у меня годы и годы учебы, – он остановился и пристально посмотрел ей в глаза, проверяя реакцию. Увидел, что она еле сдерживается от смеха. Удивление, которое появилось на его лице, видимо, оказалось последней каплей, и она покровительственно рассмеялась.

– Дурачок ты, Паша, – сказала, наконец, – И такой предсказуемый. Вот-вот... Сейчас будешь злиться, – продолжала она смеяться.

– Не угадала, – он шагнул в ее сторону. «Вот стерва!» – подумал. Порывисто обнял и стал со всей пришедшей вдруг страстью целовать в губы.

Оля замерла от неожиданности. Но лишь на секунду.

– Ну, все, Паша, все, – отстранилась от него, упираясь в грудь руками и виновато улыбаясь, – Давай все же по порядку все сделаем. Я что – зря готовилась? Открывай вино. Свечи зажги.

– Да-да, хорошо, – он снова почувствовал неловкость, от чего движения стали суетливыми. Взял со стола бутылку, по-

крутил в руках, – Фетяска... А штопор у тебя есть?

– Конечно, Пашенька. У меня все есть, – она подставила стул, влезла на него, потянулась и открыла один из высоко висевших шкафчиков. Покопавшись пару секунд, достала штопор, – Держи, – обернулась.

На душе от этой сцены – от близости ее бархатной с почти невидимыми волосками смуглой кожи, от ямочек на изгибах ног, нежных завитков на красивой шее – от всей фигуры, очерченной легкой тканью – стало уютно, несмотря на легкое сумасшествие крови.

Ужин затянулся. И не столько из-за еды, сколько из-за того, что Паша, лишенный права решать, развлекал Олю всякой чепухой, на что она очень живо реагировала. Сегодня с ней было легко. Она больше не использовала своих приемчиков, вводивших его в ступор. Хотя, возможно, от выпитого и от обещанного жизнью он был слегка в ударе, и потому не замечал их. Наконец, до него стало доходить, что прелюдия затягивается по его вине. Что наступил предел, за которым все превратится в фарс. Он встал, подошел к Оле и взял ее руку в свою. Заглянул в глаза. И она встала. Прильнула к нему. Положила голову на плечо. Но через секунду приподняла ее и прикоснулась губами к его губам.

– Иди в спальню, Паша. Я сейчас приду.

Окна выходили во двор, и от этого в комнате тихо и почти темно. Паша быстро разделся и бухнулся на кровать. Лег поверх покрывала, раскинув руки, и лежал, прислушиваясь к шуму воды в ночной тишине. Минут через пять или чуть больше Оля проскользнула в дверь в чем-то светлом, бросившись в глаза в полутьме комнаты. Включила бра и наполовину села наполовину легла на кровать, подложив под спину подушку.

Паша приподнялся на локтях, восхищенно глядя на нее. Повернулся набок и прикоснулся к ее ноге – чуть выше колена, выглянувшего из-под края махрового халата, к смуглой и гладкой коже.

– Иди, Пашенька, – она открыла дверцу и достала из тумбочки массажную щетку для волос, – Полотенце увидишь там – на вешалочке. Полосатое. А я пока волосы в порядок приведу.

Он стоял под душем, наслаждаясь давлением упругих струй на кожу, и удивлялся: «Никакой страсти. Такое ощущение, что мы – муж и жена с приличным стажем совместной жизни. Все чинно, спокойно». Нетерпение, обоснованное мужской природой, сказывалось, и поэтому общение с

водой не затянулось. Обтирание – наполовину по дороге, и в спальню он вошел уже как завоеватель.

Но все оказалось совсем не так, как ему начало представляться. Он не был лидером. И даже, похоже, равноправным партнером. Скорее, учеником – терпеливым и послушным, выполнявшим все прихоти ненасытной женщины. А ближе к утру – уже не был никем и ничем.

45.

Никогда еще Наташа не видела по-настоящему подобных зим. Пока работала проводником приезжала и уезжала. Но не жила в таких условиях. Ее пальтишко с капюшоном, по типу «аляски», хоть и не короткое, к таким морозам не приспособлено вовсе. Оно стало пушинкой на плечах, совершенно не согревавшей тело. Да и сапоги – зимние, оказались совсем не зимними. И, хотя от общежития, в которое они заселились по прибытию сюда, до работы рукой подать, все же успевала озябнуть. Зато в бойлерной, в цокольном этаже одного из зданий на территории шахты, отогревалась. Здесь тепло. Даже жарко. Электрические тэны в цистернах нагревали тысячи литров воды, которая по трубам подавалась во все шахтные строения. И особенно в душевые, где черные от угольной пыли шахтеры мылись после смены, проведенной в забое. Трубы повсюду. Они соединяют огромные, закрытые

теплоизоляцией и выбеленные известью металлические бойлеры с большими насосами, мерно выводящими свою нехитрую мелодию, и черными с белыми циферблатами монотетрами. На них – давление воды, за которым Наташа должна следить. Работа – в три смены. Простая до чертиков, если бы только не ночные дежурства: при отсутствии какой бы то ни было физической нагрузки надо было бороться со сном. Наташа, если чувствовала, что подкрадывается отупение, поднималась со своей кружечкой на первый этаж. Шла в буфет, чтобы взять кофе.

Это заведение работало круглосуточно. И кофе там – бесплатный. От профсоюза. Только сахар и все остальное – за деньги. Сегодня – как раз ночная смена. Ночные дежурства она не любила не только из-за того, что монотонное гудение насосов, создававших давление в системе, усыпляло бдительность. А еще и потому, что состояние полусна-полуяви оголяло память. Четче, чем обычно, настоящее соприкасалось с прошлым. Иногда не удавалось выдерживать такого обострения чувствительности. На глаза наплывала пелена. И Наташа незаметно для себя начинала не то, чтобы всхлипывать – тихонько шмыгать носом. От обиды, от сожаления, что так все получилось, от жалости к себе – так бессовестно обманутой. Фактически брошенной, хоть и она – сама – инициатор разрыва. «Это всепрощение мое... – она сжимала зубы, – Надо было, как все нормальные бабы, закатить исте-

рику, когда все начиналось. И куда б он делся. Он же, как телок, никак не мог определиться. А жениться, если бы я настояла, женился бы». Мысли вдруг куда-то исчезли. Она сидела с невидящим расфокусированным взглядом. Видела и не видела всего вокруг. Тусклый, почти не ощущаемый образ любимого то появлялся, то исчезал на этом фоне. Душа оттаяла. И накатившая волна злости отхлынула. «Ну, и что было бы? – пришел почти риторический вопрос, – Что-что? Да возненавидели бы друг друга уже через полгода... Не судьба – так, не судьба... Но как же обидно... – ухо уловило бой курантов из репродуктора, висевшего на стене, – Шесть часов. Вот и утро». Когда отыграл гимн, диктор местной радиостанции сообщила об усилении морозов до сорока семи градусов и об активированных в связи с этим днях для начальной и средней школы. Ход мыслей резко поменялся.

Наташа вспомнила об одежде и обуви. «Проблема». Деньги у нее уже были, но найти что-то подходящее так сложно: то – не красивое, то – не теплое. А по поводу обуви и подавно. Одна из девочек в общежитии, правда, на днях предложила ей валенки – недорого. Валеночки серые, ручной работы. Почти совсем новые. «Пожалуй, придется брать. А что я найду лучше? Пимы – очень дорого, а сапоги на такие морозы – это вообще нереально. Какие сапоги выдержат?», – она взяла свою кружечку и пошла наверх.

– Теть Маша, я, пожалуй, еще кофейку выпью.

Теть Маша – женщина лет пятидесяти, дородная, как и основная масса работников общепита – всегда благожелательно относилась к Наташе. Хотя по отношению к другим была не в меру строга, если не сказать высокомерна.

– Попей, попей кофейку, девонька. Ночь длинная. Давай свою кружку.

Она открыла краник огромного стационарного агрегата, налила кофе и положила две ложки сахара.

– Ой, тетя Маша, не надо было. У меня свой есть.

– Чего ты, милая? Я ж денег с тебя не возьму.

– Да я знаю. Неудобно как-то. Вы ко мне так добры всегда.

– Не волнуйся, девонька. С шахты не убудет.

Она внимательно посмотрела на Наташу.

– Гляжу – грустная ты какая-то сегодня. И глазки... Может, случилось что?

– Да, – Наташа махнула рукой, – морозы вон какие, а у меня на такую погоду ничего пока нет. А в магазине – смотреть тошно.

– Ой, девонька, по этому ли плакать? Сдается мне – здесь что-то другое. Ну да ладно. Не хочешь говорить – не говори, – она сделала паузу. Как будто давала Наташе возможность рассказать о наболевшем, – Слу-ушай... – встрепенулась, – а по поводу одёжи... Мы тут с моим дочери дубленку новую достали. А старая–то еще не старая. Хороший полушубочек, – тетя Маша вывалила свой бюст на узенький прилавочек, пытаясь заглянуть за высокую стойку буфета. Осмотрела Наташу с ног до головы, – Надо тебе примерить. Ты такая же где-то, как моя Анька.

– Ну что вы, тетя Маша, это же денег стоит, – запротестовала Наташа. Но сердце екнуло. Она видела Аньку, когда та приходила зачем-то к матери. И, конечно же, на «полушубочек» внимание обратила. Подумала тогда – «мне бы такую дубленочку».

– Не бойся, милая, дорого не возьму. Вот смена закончится, и зайдем ко мне – я здесь недалеко живу. Подойдет – заберешь. А деньги потом. Постепенно отдашь.

– Спасибо, тетя Маша. Мне, правда, неловко. Но, если

честно, я очень рада. Не верится даже.

Дубленка оказалась в самый раз. Денег тетя Маша запросила даже меньше, чем Наташа ожидала. Радости не было предела. «За что мне такое счастье? – восторженно подумала Наташа, – И валеночки, и дубленочка... Спасибо, Господи... Ну вот, – поймала себя на мысли, – точно, как мама уже говорю».

46.

У Оли Паша стал бывать чаще. Связь вошла в ту стадию, когда любовники еще не надоели друг другу, но уже понимали один другого с полуслова. И от этого в интимных отношениях стала превалировать механистичность. Однако притяжение от этого не ослабевало – Олино творчество оказалось неиссякаемым до поры, до времени. У Паши в ванной комнате появилась своя зубная щетка на полочке и бритвенный станок, купленный ею. А в прихожей – свои тапочки. Иногда он оставался у нее даже в критические дни. И тогда они просто общались. Вели себя как муж и жена. Разговаривали о чем-нибудь, обсуждали то, что происходило в университете. Оля рассказывала, что известно ей, а он – что известно ему. Смотрели телевизор. Особенно программу «Время». Политические события последнее время вызывали острый интерес у всех, кто политикой раньше, во времена застоя,

совершенно не интересовался. Да и чем было интересоваться? Победками во всех отраслях жизни советского народного хозяйства? Или войной в Афганистане, о которой, конечно же, официальные органы не сообщали ни капли правды?

И вот в начале февраля, в один из спокойных семейных дней, когда Паша и Оля сидели у телевизора, Горбачев объявил, что Советские войска будут выведены из Афганистана к 15 мая.

– Наконец-то, – Оля встала с кресла, – У меня одноклассник погиб в Афгане. Любил меня. А я его нет. Остался в армии на сверхсрочную – прапорщиком. В 83-ем... или в 84-ом... не помню уже точно, – засомневалась она, – Пошли чаю попьем.

– А, пойдём, – Паша потянулся с удовольствием. Подошел и выключил телевизор. И вдруг в полутьме комнаты вторглись воспоминания того времени, когда он должен был идти на службу. Вспомнилась Наташа. Ее мокрые от слез и такие милые и родные глаза. Ее сетование на руководителей государства по поводу войны, на которую могут забрать ее любимого. Всплыло чувство вины вперемешку с обидой. Но уже не на Наташу, а на саму жизнь. А, может, на себя? И так стало тошно. Испорченная негативом кровь прихлынула к голове и стала зло пульсировать в висках. Пришло осозна-

ние того, насколько взаимосвязаны душа и тело, и как они влияют друг на друга.

– Паша, все готово. Ты где потерялся? – позвала из кухни Оля.

«Откуда это?.. Из школьного курса анатомии? Или из жизни?» – вопросы пришли и ушли, не беспокоив своей риторичностью.

– Уже иду, – чуть громче обычного, как показалось, ответил он.

Яркий свет и обстановка почти мгновенно растворили остатки злости, окончательно вернув Пашу к действительности.

47.

В декабре, в самом начале случилось событие, изменившее жизнь Наташи кардинально. Мороз в это означенное часами утро стал крепчать. Даже туман появился – висел прерывистой полосой, подсвеченный фонарями. Где-то совсем плотный, где-то чуть реже.

На работу Наташа вышла пораньше. Так получилось. Сон

разбудил до времени. Не спешила – новая одежда защищала от холода. А еще под мамин пуховый платок она подложила простую бабью хустку. Красота. Только дышать носом не получается. Обжигает. Надо прикрываться.

Пришла на полчаса раньше. Яркий свет люминесцентных, тихо жужжавших ламп ослепил после относительной темноты улицы. В холле тихо. Только с цокольного этажа – из их бойлерной негромко слышны какие-то посторонние звуки – металла о металл. «Что это там, интересно?» – насторожилась.

В буфете пересменка. Анна Семеновна повязывает белый фартук – наверное, только что пришла.

– Здравствуйте, Анна Семеновна, – Наташа улыбнулась, – Уже отпустили Клаву?

– Здравствуй, Наташенька...

Из-под прилавка показалась голова Клавы с красным, видимо, от напряжения лицом.

– Вот, сука, – она никогда не стеснялась в выражениях, – Замок не сходится. Вчера вечером застегнула, а сейчас – ни в какую.

– Привет, Клава. Ты еще здесь оказывается?

– Здесь, здесь... – она даже не ответила на приветствие, снова нырнув под прилавок.

«Значит, тетя Маша будет во вторую».

– А что там у нас? Что за шум? – обратилась она к Анне Семеновне.

– Так... насос какой-то меняют. Клава говорит – авария там у вас ночью была.

– Ага, была, – вынырнула Клава, – Фу, слава богу.

Анна Семеновна и Наташа засмеялись – получился каламбур.

– Чего вы? – удивилась Клава, – А-а, – дошло и до нее, и она криво, как это бывает с виновниками смеха, заулыбалась, – Главный там. Пришел полчаса назад, и еще не выходил, – продолжила она.

– Главный инженер? – забеспокоилась Наташа, – Наверно, что-то серьезное. Пойду я.

– Ага, – напутствовала Клава, – Без тебя там точно не разберутся.

– Добрая ты, Клава, – услышала Наташа восклицание Анны Семеновны, – Не можешь без подковырок.

Наташа спустилась вниз по ступенькам, приветствовавшим ее знакомым железным звуком. Сразу бросилась в глаза непривычная обстановка. На полу во многих местах – лужи воды. Три человека в комбинезонах возятся у основного насоса. Четвертый – в дубленке и ондатровой шапке, в унтах – стоит на сухом пятачке у стола к ней спиной. Разговаривает со сменщицей. Разговор, видимо, не серьезный, потому что Ева улыбается, и щеки у нее покрасневшие. Но за шумом резервного – на случай аварии – насоса, параллельно с основным подсоединенного к системе, ничего не слышно.

Подошла ближе, обходя лужи.

– Здравствуйте... – хотела спросить – что случилось. Но Ева опередила.

– А у нас авария, – она как будто оправдывалась, – насос сломался. Ты не представляешь, как я испугалась, когда там заскрежетало... Но я сразу же отключила его, – спохватилась

она, – И подключила резервный.

Это «сразу же отключила» уже больше адресовалось главному инженеру.

– Ева... ну, не сразу. Это же очевидно, – улыбнулся, видимо, ее наивности он, и в голосе прозвучали нотки, словно главный инженер уговаривал ее, и уже, видимо, не в первый раз.

В бойлерной жарко. «Как он выдерживает – в полушубке, в шапке?» – Наташа сняла и повесила дубленку. Стянула на плечи пуховый платок. Переобулась. Поправила перед висевшим на стене осколком зеркала волосы. Заметила боковым зрением, с каким интересом ее разглядывает «главный». Когда оглянулась, он перевел взгляд в сторону наладчиков. «За такого бы я точно не пошла», – подумала почему-то Наташа.

– Илья Михайлович, ну, все – можно запускать, – подошел один из рабочих, – Задвижки открыты.

– Давай, Саша, только не сразу – включил-выключил. Попробуем.

– Да, конечно, Илья Михайлович. Первый день замужем,

что ли? – Саша пошел к рубильнику, а «главный» к насосу.

После пробного пуска насос заработал. Резервный перекрыли. Ева к тому времени уже ушла. Собрав инструмент, ушли и наладчики, заверив главного инженера, что все будет работать как часы. А Илья Михайлович все не уходил. Стоял недалеко от насоса, будто оценивая по звуку качество его работы. И простоял так минут пять. Наташу уже начинало тяготить его присутствие – большое начальство все-таки. Наконец, он повернулся, как-то странно взглянул на нее и опустил глаза. Помедлил и подошел ближе.

– Извините, – на этот раз он смотрел прямо и открыто.

– Да. Я слушаю вас... – Наташа хотела добавить имя-отчество, но в последний момент передумала. Интуиция определила, что перед ней сейчас не начальник – просто мужчина, которому она интересна как женщина.

– Как вас зовут? – Илья Михайлович улыбнулся мягко, и от этого его взгляд приобрел необъяснимую непосредственность и притягательность, детскую беззащитность. Она даже удивилась такому преображению.

– Наташа.

– А отчество?

– Леонидовна, – смутилась, – Зачем?.. Не надо по отчеству... Мне это не нравится.

– Как скажете, – уже увереннее улыбнулся он, – Как вам здесь работается?

– Спасибо. Меня все устраивает, – выпалила она, снова почувствовав, что разговаривает с начальством.

Он усмехнулся, опустив голову. Потом сказал серьезно, но с улыбкой в уголках глаз:

– Наташа, если что с насосом – сразу звоните мне... Ну, все. Я пошел. До свидания.

– До свидания, Илья Михайлович.

48.

Первое, что увидела Наташа, придя в следующий раз на смену – новое большое зеркало, висевшее на месте старого. В это дежурство Илья Михайлович снова заглянул в бойлерную – послушать, как работает насос. И в следующее. Потом по расписанию у Наташи были ночные смены, и главного она

не видела. Но как только вышла во вторую, он снова появился, и к насосу уже не подходил, а только спросил с улыбкой, как тот работает.

– Можно? – спросил, кивнув на другой стул, который стоял у прилепленного к стене выдавшего вида столика.

– Разве я могу вам отказать, Илья Михайлович, – улыbnулась Наташа, почувствовав на какое-то мгновение свое превосходство. Это было странное чувство, никогда до этого не испытываемое ею. В нем присутствовала и радость, и горечь одновременно. Раньше, когда к ней приставали мужчины, она просто ощущала досаду, игнорируя то, что они говорили. Сейчас же ей импонировало внимание. Оно ассоциировалось с почти забытым восторгом Паши, когда он пожирал ее глазами, и в них читалось преклонение перед ней. А горечь? Может, от того, что чувство превосходства ей не было присуще? Она даже мысленно пристыдила себя.

– Наташа, – начал главный, не глядя на нее, – Я не буду скрывать, что вы мне очень понравились, – он сделал паузу и посмотрел ей в глаза, – Я думаю, вы уже об этом догадались.

– Илья Михайлович... Не надо.

– Наташа, не перебивайте меня, пожалуйста, – умоляюще

попросил он, – Я вам больше скажу – со мной такого еще никогда не было... Я чувствую, что люблю вас, – он пристально посмотрел ей в глаза, – Как только увидел – сразу же все во мне перевернулось.

– Илья Михайлович, – она не сдержала улыбку, но постаралась смягчить ее максимально, – Вы что – делаете мне предложение?

– Пока нет, – серьезно ответил он, – Я женат, Наташа.

– Ах, Илья Михайлович! И не стыдно вам? – Наташа снова улыбалась. Интонация выдала нотки сарказма в ее голосе.

– Нет-нет, Наташа! Вы совсем не так поняли меня.

– А как я могла понять вас? Вы предлагаете мне стать вашей любовницей. Разве не так? – Наташа все еще улыбалась, но в голосе прозвучала жесткая прямолинейность, – А неважно, что я еще девушка? – добавила с сарказмом.

Пауза, возникшая после ее спонтанного возмущения, не продлилась долго. Но какой страстной оказалась, какую силу в себе скрывала. Наташа почти сразу пожалела о сказанном. Стало стыдно. Илья Михайлович, мгновение бывший в оцепенении, засуетился.

– Наташенька, простите меня, ради бога. Все совсем не так. Я понимаю, что тороплю события, но я иначе не могу. Слишком дороги вы для меня, и я боюсь вас потерять, не сказав того, что должен. Хотя, понимаю, что этим же могу и оттолкнуть вас. А мой развод, – спохватился он, – это уже почти свершившийся факт. Через две недели нас с женой разведут. Мы уже полгода живем в разных местах. Она – в нашей квартире, а я в другой...

Он говорил и говорил, боясь конца тирады, после которого все сказанное может превратиться в никому не нужное бляенье. Она все поняла. Поняла его решительность как неотъемлемую черту сильного характера, а не как капризную торопливость баловня судьбы. И ей стало жаль этого большого для нее начальника, изливавшего душу. Она даже прониклась к нему чувством симпатии, забыв, о чем подумала при первой встрече. Его холености – как не бывало. Перед ней сильный мужчина стал влюбленным мальчиком, и при этом – чувствовал вину за то, что полюбил.

– Ладно, Илья Михайлович, – серьезно сказала она, желая прекратить эмоциональную пытку – Вот разведетесь, тогда и поговорим.

Понимала, что оставляет ему надежду. Но иначе было

нельзя. Понимала, что продолжение – не за горами. Но что-то в ее душе уже состоялось. Она другими глазами увидела его, ощутила к нему симпатию. Он стал ближе ей – этот все еще чужой человек, о котором теперь она будет думать.

49.

Проснулась поздно – в одиннадцатом часу. Вчера и домой пришла поздно, и потом долго не ложилась, а когда легла, никак не могла уснуть – пережевывала в сознании странное объяснение главного инженера. «Жалко – Верунчика нет», – мысли и чувства переполняли, просились наружу, но кроме близкой подруги, поделиться ими не с кем. А так хотелось. Хотелось услышать, что та скажет. Вера – настоящий человек. Бесхитростная и порядочная. Никогда Наташа не слышала от нее настоящего осуждения в чей бы то ни было адрес. Так, разве, в шутку могла наградить кого-нибудь соответствующей характеристикой. Наташа встала и подошла к окну. Их общежитие находилось чуть в стороне от дороги, и за ним – до начинавшегося вдалеке кустарника огромное сверкающее под звездным небом поле снега. Смотреть – не пересмотреть. Пошла включила свет. Заправила кровать. На шахту к четверем – вторая смена. Времени хоть отбавляй. «Может, почитать? Нет, – решила сразу же, – Начитаюсь еще на работе». Воспоминание о работе – о бойлерной в очередной раз вытащило вчерашнее событие. Ощуще-

ние шока, хоть и в легком варианте, снова стало прорастать в душе. И сознание, защищая психику, Илью Михайловича с его признанием представило как сон, настолько сама по себе сцена казалась иллюзорной из-за ее неожиданности. Неестественность крылась в неподготовленности – слишком быстро все произошло. Отсутствовала прелюдия в отношениях. «Ах, да... зеркало», – усмехнулась пришедшему воспоминанию Наташа. А еще тому, как сразу оценила внимание к себе. «А разве это о чем-то говорит? Жаль с Верунчиком сегодня не удастся пообщаться, – подумала опять, – Придет, когда я уже уйду. А приду – спать будет». Она обулась. Повязала платок. Накинула уже ставшую любимой дубленочку. Покрасовалась перед зеркалом. «Паша не видит», – сама собой пришла мысль, и стало грустно. Но не от того, конечно, что он не видит, какая она красивая. А что до сих пор соизмеряет свою жизнь с ним, хотя уже столько времени прошло. Начали всплывать обрывки разговоров, сцены их последних встреч. Волнами подкатила обида, сосредоточившись внизу горла и провоцируя слезы.

– Ни за что! Хватит! Умер он для меня! – проговорила вслух.

Как спасительную соломинку сознание вытащило зеркало в бойлерной, видимо, проведя аналогию с тем, перед которым стояла. В глазах появился образ главного инженера. И

опять пришло легкое ощущение вчерашнего шока. Но оно уже оказалось совершенно другим. Изменилось отношение к тому, что произошло. И порывистость Ильи Михайловича, и честность его сейчас стали очевидными – внушали доверие, подразумевали отеческие заботу и защиту. «Вот! – Наташа снова удивилась, почувствовав в очередной раз в себе озлобление, – Так тебе и надо, Думанский! Вот выйду замуж! – ее захлестнули эмоции, отвратительные своей эгоистичностью, – А чем я хуже тебя? Тебе позволено быть эгоистом, а мне нет?» Стало противно от того, что сорвалась. Стыдно даже перед собой. Что-то детское – «вот умру, тогда поплачете» – поднялось из глубин психики. Каприз? Может быть. Но он сблизил ее с этим чужим человеком, как, наверное, ничто бы сблизить не могло. «Он сам бросает меня в объятия другого мужчины. И этот мужчина благороднее и честнее». Уже выходя из подъезда, подумала: «А что скажет Верунчик? Она-то уж точно расставит все по местам. Думанского, вон, сразу окрестила бесхребетным. А как отзовется об Илье Михайловиче?» Захотелось, чтобы отозвалась хорошо.

50.

Вера, ростиком чуть выше ста пятидесяти, с короткой стрижечкой, со вздернутым носиком, похожа на подростка, хотя всего на год младше Наташи. Колокольчик с неиссякаемым запасом остроумия. Казалось, что она замолкает только то-

гда, когда спит. Но, что странно, это не надоедало. Может, будучи неглупой, она редко повторялась, и оттого не раздражала. А может, потому, что не часто виделись – работали в разные смены. Точнее, Вера всегда была на первой, а Наташа ходила в разные.

Через пару дней – вечером, когда Наташин график, наконец, позволил, девчонки смогли посеCRETничать. Наконец, Вера услышала, что так взволновало подругу, что затмило для нее почти все, до этого существовавшее.

– А я-то думаю, – засмеялась она, – о ком это болтают? – она прямо-таки обрадовалась, что, наконец, узнала – о ком.

– Что? – не поняла Наташа.

– Бойлерная, бойлерная – говорят. Я уже хотела спросить у тебя – к кому там главный ходит. А это, оказывается, к тебе, моя дорогая. Ну, еще бы. А на кого там у вас еще посмотреть можно? На Лизку разве что. Так на Лизку можно смотреть только до тех пор, пока она рот не открыла. Как в мультике про Мюнхаузена. Помнишь? «Птичка спой». Лучше бы не пела.

– Верунчик, хватит плетки плести. Нормальная Лиза девчонка.

– Ага, – как бы согласилась Вера, – Нормальная, на всю голову.

Если поначалу Вера пыталась острить, то вскоре стала слушать внимательно, без своих обычных комментариев, без присущего ей юмора. Может, прониклась драматизмом произошедшего. А, может, поняла бестактность своих шуток в этой ситуации. Даже тогда, когда Наташа закончила свой рассказ, сидела молча, задумавшись о чем-то. Это так на нее было не похоже – видно, задело. «Ну, если Верунчик так реагирует, значит все гораздо серьезнее, чем представлялось. И скорее всего, через пару недель меня позовут замуж. А я?..» – она вдруг по-настоящему почувствовала ситуацию. Почувствовала, что эта «пара недель» – уже завтра, а не в далеком будущем.

– Наташечка, – Вера поднялась со своей кровати, подошла и обняла ее, – Если честно, я тебе завидую. Такой мужик! – она не скрывала восторга по поводу Ильи Михайловича.

– Верунчик! Но он же женат... – фраза даже для себя прозвучала неубедительно.

– А тебе-то что? – удивилась Вера.

– Ну как же, Верунчик? Я, вроде бы как... разлучница.

– Да ты что, Наташка? Какая разлучница? Блаженная ты. Все бабы на шахте знают, что он со своей не живет. Одна ты только...

– Да и я знаю... Он говорил. А чего они разводятся?

– Не знаю. Говорят, она стерва, каких поискать. Крутила мужиками как хотела... А, кстати... в вашем буфете работала до того, как вышла за него. Клавка ее будет знать. И тетя Маша. Поспрашивай у них, – хитро улыбнулась Вера – она снова стала сама собой.

– Ну, ты даешь, – без чувств возмутилась Наташа, не уловив подвоха в голосе подруги. Она как раз смотрела в темноту окна, где, отражая свет из комнаты, кружили у стекла, падая, снежинки, – Смотри, Верунь, снег пошел – потепление будет.

– А ты откуда знаешь?

– Так, всегда ж так, – удивилась Наташа незнанию таких простых вещей.

– Да ладно тебе. Метеоролог мне нашелся...

– Нет... правда.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Ни с того, ни с сего. А, может, потому, что слишком долго были серьезными – почти целый час. И этот снег, падавший за окном. И смех, от которого легко стало на сердце. И восторженное мнение подруги, высказанное конкретно, и так отчетливо схваченное подсознанием. Все говорило о надвигавшихся переменах. И ощущение этих перемен уже прорастало в душе Наташи невидимыми связями с другим мужчиной. Все так непривычно. Но как интригующе. Она может выйти замуж за человека, которого пусть и не любит, но он ей симпатичен. Даже очень симпатичен. «А что до того, что он был женат... Смотри-ка, – удивилась мысли, – как повернула – был. Вроде, уже и развелся».

Позже, лежа в постели и перебирая в памяти его признание, почти засыпая, Наташа позволила себе назвать его просто по имени. И от этого потеплело на душе – стало уплывать куда-то вместе с сознанием одиночество. Закрутились, будто перед глазами, приятные образы, нафантазированные днем. Пришло телесное онемение, а с ним – отсутствие понимания разницы между реальностью воспоминаний и эфемерностью надуманного. И, наконец, все разом исчезло.

Промелькнул февраль. За ним – с метелями и капелью по очереди, радуя чаще появлявшейся синевой в небе, прошел март. Отжурчало начало апреля, а ближе к концу месяца стало совсем тепло днями, и лишь по вечерам и утрам еще чувствовалось дыхание не нагретой весенним солнцем земли. Естественные для молодости отношения стали происходить все реже: уже не было того изматывавшего поначалу притяжения. Зато больше стало спокойных, с чаепитиями вечеров. Была и еще одна немаловажная причина, почему теперь Паша стал тяготиться общением с Олей. Он принимал меньшее участие в финансовой стороне их почти совместной жизни.

Паша и Оля все больше отдалялись один от другого. Появилось раздражение какими-то привычками, потому что каждый постепенно становился самим собой, а при отсутствии любви это приводило к замкнутости друг от друга. И если у него имелась отдушина – возможность уйти в общежитие, когда его настигал такой психологический кризис, Оля такой возможности была лишена. И она, либо шла прогуляться по городу, либо становилась немой и недоступной для общения, особенно в критические дни. И тогда уходил Паша – на несколько дней, понимая, что происходит, и чувствуя себя не в своей тарелке. И каждый раз уходил навсегда. Но каждый раз Оля его возвращала, виновато улыбаясь при

встрече где-нибудь в коридорах университета. И все повторялось снова.

15 мая после восьми с половиной лет боевых действий Советские войска начали покидать Афганистан, как и обещал Горбачев. В комнате, где жил Паша, по этому случаю намечалась пьянка – был бы повод. А повод был: Коля – четвертый член их дружного коллективчика – участник войны, он и организовывал мероприятие. На подготовительное отделение Коля попал почти на полмесяца позже остальных – сразу как уволился. Соответственно и в их комнату, не укомплектованную, по каким-то соображениям, тоже. Отслужил, как сообщил, при высоком начальстве. Насчет службы, хоть и не распространялся, но говорил, что кое-что повидать пришлось. Поэтому, естественно, все называли его за глаза «афганец». Уже в разгар посиделок, когда политика и философия слились в едином порыве осмысления действительности, и когда стратегом не становится только по-настоящему ленивый, в дверь негромко постучали.

Все сразу замерли. Потом в мгновение ока бутылки, как всегда в такие моменты, заняли свои укромные места. И Саша, который находился ближе, подошел к двери, прислушался. Стук повторился.

– Кто там?

– Вы меня не знаете – я с четвертого этажа. Мне нужен Думанский Павел, – приятный девичий голос выдавал волнение.

У Паши даже сердце екнуло: «Что могло случиться?» Мысли одна за другой стали мелькать в голове.

– Минуточку, девушка, – Саша оглянулся вопросительно.

Паша поднялся и подошел к двери, задернув предварительно портьеру, отделявшую комнату от места у шкафов – хитрое их изобретение. Потянул за ручку и прощелкнулся в полутемный после яркого света комнаты коридор, уходивший в обе стороны, будто в бесконечность – из-за отсутствия лампочек в обоих концах. Перед ним оказалась маленького ростика хрупкая девушка.

– Вы Павел?

– Да, я Павел. А что случилось?

– Я шла из читалки, и меня Марьяновна попросила передать, чтобы вы срочно позвонили своему методисту... И все, – предупредила она вопрос, – Я больше ничего не знаю.

От сердца отлегло. И хотя тревога совсем не выветрилась, Паша уже стал самим собой.

– А зовут тебя как, ангел мой? – любвеобилие и алкоголь делали свое дело.

– Марыся... Маша, – поправилась девушка, стеснительно опустив глаза, – Это мама меня так называет.

– Марысечка, спасибо тебе огромное. И мне кажется, что тебя именно судьба привела сюда. Надеюсь, мы скоро увидимся. Из какой ты комнаты?

– А зачем вам, Павел? – девушка собралась уходить.

– Мне? – Паша лукаво улыбнулся, – А вдруг ты моя половинка?

– Вот правильно о вас девочки говорят, – фыркнула Марыся, уходя.

– А что говорят? – попытался он вдогонку остановить ее вопросом. Но Марыся уже скрылась за проемом, ведущим на лестничную площадку. «Какой шарм придает ей акцент. Она, видимо, откуда-то из западных областей – скорее из Брестской. Тем более имя – Марыся. Католичка, наверное».

Паша заглянул в комнату, сказал ребятам, чтобы закрылись, а сам пошел вниз – к Марьяновне – попросить позвонить Оле. «Что-то поздновато, – посмотрел на часы, – Без четверти восемь. Неужели просто так – соскучилась? Не похоже. Да и виделись мы сегодня в универе – могла бы сказать. Странно. Она ведь ни разу сюда не звонила. Может, и вправду, что случилось?» Сомнения роились в сознании и одолевали все больше. Когда набирал номер телефона Оли, уже уверен был в том, что произошло что-то неординарное, иначе Оля не светилась бы: «Зачем ей это?»

– Слушаю вас, – голос спокойный, но немножко в нос.

– Это я. Что случилось? – Паша не стал называть ее по имени.

– Пашенька, приезжай. Поговорить надо, – голос стал взволнованным.

– Это что – так срочно?

– Да, Паша, срочно, – она пару раз шмыгнула носом.

«Вот те раз. Что там еще?» – сознание напряглось вопросом, но по телефону спрашивать он не решился.

– Хорошо. Сейчас приеду, – он положил трубку и улыбнулся вахтерше, – Спасибо, Марьяновна, вы одна у нас здесь человек.

– Иди, иди уже, любовничек, – отмахнулась та, – Все равно после одиннадцати не пуцу. Даже и не думай.

Марьяновна на самом деле была единственным сердобольным вахтером, кто давал звонить с поста и пускал студентов в общежитие и после одиннадцати. При остальных приходилось пользоваться платным автоматом, висевшим тут же – на стене, и лезть после закрытия через козырек черного хода в окно одной из комнат, находившихся над ним.

В половине девятого Паша уже взбежал на Олин этаж и нажал на кнопку звонка.

Непривычно быстро открылась дверь. Оля даже не спросила – кто. И сразу же уткнулась лицом в его плечо.

– Ну что ты, Оленька, – ему захотелось пожалеть ее, но оставаться в дверях не хотелось, – Давай войдем в дом.

– Да-да, конечно, – спохватилась Оля. Чувствовалось – она ждала его очень. Потому, видно, и реакция оказалась та-

кой бурной.

«А где же наша аристократическая гордость? – цинично прокомментировало ставшее самостоятельным сознание, отчего о себе сразу же напомнила совесть. Стало стыдно, – Человеку нужна моя помощь, а я...»

– Раздевайся, Паша. Я покормлю тебя сейчас, – она собралась было идти в сторону кухни.

– Нет, Оля, спасибо. Я сыт, пьян и нос в табаке. Николая сегодня угощал нас в связи с началом вывода войск из Афганистана, – Паша взял ее за руку, и они прошли в комнату. Молча сели на диван.

На какое-то мгновение повисла тишина. Оля опустила голову, как бы собираясь с мыслями, но тут же подняла.

– Я беременна, Паша, – выпалила распиравшую ее изнутри фразу, и виновато опустила ресницы.

Это сообщение, если с чем-то и сравнивать, можно было сравнить разве что с ударом под дых, или в пах: у Паши даже перехватило дыхание. Понимал, что молчать сейчас нельзя, но ничего не приходило в голову, и поэтому спросил первое, что пришло на ум:

– И давно ты об этом узнала?

Оля удивленно посмотрела на него.

– Сегодня... После обеда. Выбралась, наконец-то – чуть отпросилась у Надежды Александровны. Уже две недели прошли... как должны были начаться. Она бы меня, конечно, отпустила, если бы я сказала зачем. Но как я ей скажу, Паша...

Оля все говорила и говорила, будто боялась, что как только замолчит, Паша встанет и уйдет. Или скажет что-нибудь такое, от чего можно будет сразу умереть. А он, ошарашенный, нервно искал выход из создавшегося положения. Его мозг тщетно перебирал какие-то сказочные, какие-то фантастические варианты будущих событий, потому что реальные, правдоподобные – понимал – либо не устроят его, либо ее. Наконец, он заметил, что Оля, молча, смотрит на него, и в ее взгляде – немой вопрос, разбавленный горькой усмешкой. «А я даже не слышал, что она говорила сейчас... Да какая, в принципе, разница, – вздохнул обреченно, – Суть-то одна». Он ничего лучшего не придумал, как придвинуться к ней вплотную и обнять, не найдя слов, не зная, как повести себя в этой ситуации. Его будущее вдруг померкло: «Наташа, Наташа... как ты была права». Он почувствовал, что Оля тихо

плачет. Ее беззвучные всхлипы стали отдаваться во всем его теле невыносимым ритмом, ввергнув в ступор и затуманив окончательно сознание. Паша сидел и молчал. «А о чем говорить? – думал тоскливо, – О счастье, которое свалилось на мою голову. О том, как я рад тому, что произошло? Да-а, влип по самое не балуй».

Постепенно Оля успокоилась. Она встала и пошла в ванную. Шум воды, донесшийся оттуда, продолжался с минуту, после чего она показалась в дверях, держа у щек полотенце. Припухшее возле глаз лицо, покрасневшие белки – на нее жалко было смотреть.

– Ну, что, Паша? – Оля попыталась улыбнуться, и от этого взгляд стал растерянным, – Я помню – никаких обязательств, – в ее голосе появилась нервозность, – Ты не готов к семейной жизни, тебе нужно выучиться – я все помню, Паша. А я? Мне – что с этим делать одной?

«А я откуда знаю? – спонтанно вспыхнуло в голове, – Только бы ни истерика!» – он встал с дивана.

– Оля, почему ты одна? Я не отказываюсь помогать, если ты захочешь оставить... – он не пересилил себя сказать «ребенка», – Но я не могу жениться. Мы же сразу с тобой все оговорили... Разве я не был честен с тобой?

– Да... тебе легко сейчас говорить об этом. Да я и не обвиняю тебя ни в чем. Просто обидно, – она пересилила новую волну, подступившую к горлу.

Паша видел – ей снова хотелось заплакать. В его голове стали крутиться банальные фразы, которые даже стыдно было озвучивать. Сколько не пытался, ничего стоящего в ней так и не появилось. И он промолчал в очередной раз.

– Нечего сказать? – Оля почувствовала как обида, усиливаясь, стала сосредотачиваться в самом низу горла. Там противно першило, как будто какое-то маленькое существо сидело внутри и потихоньку вгрызалось во внутренние ткани, – Значит, аборт?

– Оля... – он сделал паузу, – Ты, и только ты принимаешь решение. Я заранее согласен на любое. Но это не говорит о том, что я снимаю с себя ответственность. Я с тобой – чтобы ты не предприняла. Будет... ребенок, – он, наконец, выговорил это слово, – я все сделаю, что смогу. Буду по вечерам вагоны ходить разгружать, если понадобится. А решишь сделать аборт – твое право, – он посмотрел на часы – без четверти десять. «Час всего прошел. Вот она – относительность времени... Здесь я, конечно, сегодня не останусь. Продолжать заниматься самоедством? Нет уж, увольте». Па-

ша встал с дивана, – Извини, Оля, мне пора. Сама знаешь – надо успеть до одиннадцати.

Смалодушничал. В который раз. И голос, и мимика, конечно же, сразу выдали. Почувствовал это и машинально стал оправдываться тем, что нужно подготовиться завтра с утра к занятиям, кое-что подчитать. Но, увидев, как с насмешкой посмотрела на него Оля, замолчал. Пошел в прихожую. Обулся. Стоял и думал, разрываясь на части. Совесть кричала – останься! – ты должен. А чувства тянули вон отсюда. К свободе. К привычной жизни, где минимум ответственности и бесконечная перспектива возможностей. И чувства победили. Он заглянул в комнату: Оля стояла на том же самом месте, в задумчивости приложив к губам указательные пальцы, сложенных как будто в молитве ладоней.

– Оль... я пошел. Не забудь закрыть за мной дверь, – позаботился, – А то – мало ли что...

И от того, что сказал это, пришло облегчение. Как будто мелкое, спонтанно выраженное пустым сердцем беспокойство, явилось индульгенцией за все, что произошло. Словно, такая забота и вправду чего-то стоила и могла уравновесить все грехи, совершенные им по отношению и к этой женщине, и к результату их телесной любви, ожидавшему в данный момент своей участи. Что-то в этом, конечно, было: что-

то за пределами весомое. Для него. Но что – так и осталось непонятым. Лишь пришло прочувствованное на собственной шкуре – живое осознание того, что не дано обычному человеку знать всех перипетий его будущей жизни. Но самое главное – в груди, ближе к солнечному сплетению, появилось ощущение отсроченного наказания.

52.

За две недели Илья Михайлович ни разу не появился в бойлерной – выполнял Наташин наказ. Лишь раз, почти под конец срока, они встретились случайно у входа в здание администрации шахты. Наташе позвонили зачем-то из отдела кадров – попросили зайти, почему она и оказалась здесь. А главный инженер в сопровождении водителя как раз вышел из «конторы». Как чувствовала, что встретит его. И не хотела, и хотела. Нет, хотела. Заглянуть в глаза: «А вдруг это порыв души был, и он уже сожалеет об этом... А я, дурочка, мучаюсь, жалею его».

Морозы, как и предрекала Наташа, спали: чуть за двадцать. Можно сказать – тепло. Но долгое отсутствие солнца и вообще светлого времени суток сказывалось на настроении. Она, так много передумавшая за это время, бросаясь из крайности в крайность – то согласиться, то отказать, уже не понимала, что же на самом деле происходит. Ей все больше

начинало казаться, что случившееся – то ли сон, то ли какая-то плохая шутка. И вот – встреча. Почти через две недели. И ожидаемая, и в то же время неожиданная. Наташа даже вздрогнула. Почувствовала сильное волнение. Ощутила, как кровь прилила к щекам.

– Саша, иди заводи – я сейчас, – обернулся Илья Михайлович в сторону водителя, направляясь к ней. Подошел порывисто, по лицу видно – волнуется, пытаюсь это скрыть за улыбкой, – Здравствуйте, Наташенька.

– Здравствуйте, Илья... Михайлович, – чуть не забыла, что разговаривает с ним – настоящим, а не выдуманном.

Он уловил этот момент, и лицо его изменилось – стало по-детски радостным.

– Наташенька! Да-да, без отчества даже лучше, – он догадался, – Вы думали обо мне? Думали над тем, что я вам говорил?

И она, уже готовая было к новым сомнениям, дававшим возможность оттянуть решение, вдруг изменила своим мыслям. И отдалась чувству, возникшему как реакция на преобразование его лица. В сознании происходила трансформация – Илья Михайлович уже в действительности превращался

ся в Илью. И это было чудом. Потому что какое-то мгновение творило целую жизнь по своему образу и подобию. И Наташа просто – с теплотой и неожиданно появившейся нежностью – очень тихо согласилась:

– Да, Илья...

Голос подвел, потому что капля сомнения все же оставалась, а это «да» сейчас подразумевало сразу же все вытекающие из него «да».

– Наташенька! – он все понял, – Вы... ты не представляешь, как я сейчас счастлив... Надеюсь, – спохватился он, – не я один.

И на самом деле – и его восторг от встречи, и этот всплеск радости сейчас, который еще больше делал из него ребенка, передался и ей. Не в полной мере, конечно. Но все же она тоже была счастлива. Он не казался уже чужим для нее человеком. И его чувства она разделяла так, как разделяют его близкие люди.

– Наташенька, прости. Я сейчас очень тороплюсь, – вернулся он на грешную землю, вспомнив, наконец, о рутине, – На днях я все закончу и приду к тебе. Как положено.

Он взял ее руку в свою. И это прикосновение – такое неожиданное – вызвало бурю чувств в ее душе. Глаза предательски увлажнились. Никто еще, даже Паша не вызывал в ней такого трепета. Она никогда не забывала, а, вернее, всегда внутренне ощущала, что он моложе. Не то, чтобы думала об этом, просто всегда помнила. Может, потому, что была готова к жизни, а он нет? Может, в их отношениях с ее стороны срабатывал материнский инстинкт, и именно поэтому она прощала ему все, пока хватало сил? А тут вдруг почувствовала в себе какой-то ностальгический шепот. Как будто проснулся и стал заявлять о себе голосок маленькой девочки, до поры до времени забытый. И это снова принесло ощущение защищенности, какого-то душевного покоя. Понимание перспективы возникло исподволь – той перспективой, которой она никогда не видела в отношениях с Пашей, и которую лишь только фантазировала себе.

– Да-да, конечно, Илья.

Он чуть сильнее сжал ее руку.

– Вот и хорошо, – успокаивающе сказал он, – Через два дня... До встречи, Наташенька.

Она проводила его глазами до машины. Подождала, пока он отъезжал, глядя на нее. Повернулась. И пошла в свою

бойлерную. Но внутри что-то стало противиться этому. «Вот растяпа! – Наташа тихонько засмеялась, – Совсем забыла, зачем я здесь». Пришлось вернуться.

53.

Через два дня, уже вечером, когда Наташа собиралась в ночную, он пришел.

Целый день, суматошно пытаясь что-то делать – читать ли, вязать или наводить порядок, она ждала его, посматривая на часы. Время, до предела растянутое постоянным наблюдением за ним, почти топталось на месте. В конце концов, пришла мысль – не сегодня. Ожидание оказалось угнетающим. А когда с работы вернулась Вера, стало казаться, что это какой-то странный розыгрыш.

– Ну, что? Не пришел? – первое, что услышала от нее Наташа, едва та переступила порог. Не спросила – приходил ли? А сразу – «не пришел»? «А как может быть по-другому, если на моей физиономии все написано?»

– Как видишь, – в душе появилось и стало нарастать ощущение, будто появление Веры и ее вопрос явились началом конца. Потом в сердце возникла и стала разливаться по всей груди, уходя в руки и ноги, горечь. Она ограничивала свобо-

ду мышц, лишая их эластичности. И это так остро чувствовалось, что впору расплакаться. Если бы не надежда: ее, вроде бы, и нет уже, судя по состоянию, но она, полуживая, еще теплится где-то под сердцем, напоминая о себе.

– Ну, значит, чуть позже придет, – попыталась успокоить подругу Вера, осознав, в каком состоянии та находится, – Ты же знаешь – у него ненормированный рабочий день, – она вдруг сотворила недоумевающий жест, – Может, на шахте что-то случилось? А как без него? Тебе такое в голову не приходило?

– Да, Верунчик... Знаю все. Понимаю... Но у меня бзик на этой почве. Еще того как следует не пережила. Я не выдержу еще одно унижение.

– Натаха! Брось паниковать! Накручиваешь себя... Перестань сейчас же! Ну... В чем дело?

– Да в том, Верунчик, – чуть не плача, заговорила Наташа, – что я на воду дую. И не хочу этого – само получается.

– Все, Наташечка! Возьми себя в руки. Не такой Илья Михайлович. Ни одного плохого слова о нем не слышала. И потом... Он что – сказал конкретно, когда придет? Через два дня – это может быть и завтра... Понимаю тебя. Но ты не

права.

«И вправду...» – от сердца почти сразу же отлегло – как будто организм ждал этого объяснения, чтобы «спрыгнуть» с темы, которая мешала ему наслаждаться жизнью. Молодость, еще не закомплексованная постоянными потерями, легко восстановила баланс. И подружки занялись приготовлением ужина. Вера, как всегда, смешила Наташу. Рассказывала простые вещи, видоизмененные до неузнаваемости ее особым углом зрения: юмор, в основе которого лежала народная мудрость, никогда не давал промаха.

Ближе к восьми Наташа прилегла. Решила поспать до одиннадцати перед работой. А Вера, чтобы не мешать подруге, взяла книгу и расположилась за столом у настольной лампы.

Полумрак и тишина в комнате, иногда лишь нарушаемая движением по коридору и отдаленными голосами, создавали уютную атмосферу. Но сон не приходил. Спонтанное мышление приносило воспоминания, творчески трансформируя их в полусознательном состоянии разума. Наташа находилась и в комнате и за ее пределами одновременно. И это было приятно. Мысли приходили светлые, легкие, не омраченные переживанием. Организм защищался от перегрузки, закрывая доступ к негативу. Нега постепенно делала свое де-

ло, обволакивая сознание своим полупрозрачным покрывалом, которое все более и более уплотнялось и становилось непроницаемым...

Стук в дверь мгновенно растворил его. Это не было испугом в классическом его проявлении, но все же испугом было. Наташа быстро приподнялась на локтях: «Он!» Волнение стало расплываться по телу, лишая мышцы силы. Девчонки переглянулись.

– Верунчик, – взмолилась Наташа, – задержи его на секунду – я хоть волосы поправлю.

Вера подскочила со стула, как будто только и ждала этого, и пошла к двери. Стук повторился.

– Кто там? – она не торопилась открывать.

За дверью – тишина. Как будто там не слышали вопроса.

– Кто? – повторила Вера.

– Добрый вечер... Мне нужна Наталья Леонидовна... Кронич.

– Минуточку, – ответила Вера, и, обернувшись, прошеп-

тала, – Ну, что – ты готова?

– Сейчас, – руки и волосы не слушались, и Наташа еще раз все переделала. Села на кровать, от волнения положив руки на колени. В голове – пусто, и только пульсировала фраза – «пришел все-таки».

– Я готова, – наконец сообразив, что ее ждут, твердо сказала Наташа. Она вдруг преодолела себя – только легкий тремор в голосе еще выдавал волнение.

Илья Михайлович вошел в комнату, чуть пригнув на мгновение голову, словно боялся удариться головой о верхнюю планку дверной коробки. А может, это было машинальное приветствие, веками культивируемое в телах предков и сработавшее в этот момент.

– Добрый вечер, – перешагнув порог, он остановился – вероятно, ждал, когда его пригласят войти, стоял с букетиком миниатюрных роз, выращенных в шахтной теплице.

– Ой, – наконец, сообразила Вера, – Входите Илья Михайлович. Что-то я растерялась, – засмеялась она.

– Спасибо. Вера, если я не ошибаюсь?

– Вера. Не ошибаетесь, – она подала ему руку.

– Очень приятно, Верочка, – он легонько сжал ее кисть.

– Садитесь, Илья Михайлович, – Вера развернула стул от стола, приглашая.

Он сел. Но тут же встал и подошел к Наташе.

– Наташенька, это вам.

Она взяла цветы, не вставая с кровати, на которой сидела истуканом. Понимала – сейчас происходит поворот в ее жизни. Она – эта жизнь – начинает складываться вопреки тому, о чем Наташа совсем недавно думала, о чем мечтала и что представляла себе в будущем. Как будто невидимый сценарист смял исписанный листок с непонравившимся развитием событий, и начал все писать заново. А это новое оказалось настолько не похожим на то, что было, и с такой силой вышибло Наташу из колеи обыденности, что она совсем растерялась. Стали всплывать в сознание сны, в которых она пыталась догнать Пашу, но так и не смогла этого сделать.

Илья Михайлович шагнул назад, оглянулся на Веру, словно искал ее поддержки, и сел.

– Спасибо, Илья, – Наташа вдруг почувствовала в себе перемены. В бессилии появилась крупица жесткости, быстро кристаллизовавшая вокруг себя подобное. Она встала, взяла со стола небольшую керамическую вазочку, подаренную Верой, налила из кувшина воды и поставила в нее цветы.

Благодаря Вере беседа кое-как наладилась. Только и слышалось – Илья Михайлович, да Илья Михайлович. Вера забросала его вопросами. Минут десять пыталась, меняя постепенно канву разговора в нужную, как ей казалось, сторону. Но ее потуги больше стали мешать, чем помогать. Наконец, у нее хватило ума найти убедительный повод для ухода. И Наташа с Ильей остались вдвоем.

Сначала по инерции все еще произносили банальности, иногда даже невпопад, потому что паузы удлинялись. И вот почти вплотную подступил момент истины – один из молчаливых промежутков очень уж затянулся. И Наташа почувствовала – Илья никак не может переступить через невидимый порог, как будто боится показаться смешным, боится начала разговора, на который намекал уже дважды. «А, может быть, он сомневается? – внесло свою ложку дегтя сознание, – Нет! – Наташа тут же поняла свою ошибку, – Он не сомневается. Иначе бы его здесь не было». Пришло понимание, что остались секунды до того мгновения, которое станет разграничительной линией – чертой, которая разделит

ее жизнь на «до» и «после».

– Илья, уже поздно, – зацепилась Наташа за мысль, пришедшую внезапно, как за возможность прекратить эту душевную пытку – подтолкнуть его к решению. Вот она – бесхитростная суть жизни, где теория обязательно должна подтверждаться практикой. Нет завершения, если нет капли, благодаря которой количество переходит в иное качество.

– Наташенька, прости меня, – встрепенулся Илья, – Я просто не нахожу слов, чтобы передать чувства, переполняющие все мое существо, – он замолчал на секунду, собирая воедино мысли и чувства. В его лице, в его глазах Наташа вдруг увидела такое что-то знакомое, такое близкое. «Господи, неужели это возможно? – точно так же когда-то на нее смотрел и Думанский, – она удивилась, что вспомнила его по фамилии, – Думанский?» Появилась мысль, что, наверное, у всех людей на земле есть нечто общее в глазах, когда они смотрят на любимых. И эта же мысль спровоцировала в ней вселенскую тоску женщины, которая любит одного, а замуж выходит за другого, – Наташенька, я люблю тебя. Я не могу жить без тебя... – он слегка подался вперед – к ней, взял ее руку в свою, – Ты станешь моей женой?

Тоска, наполнившая грудь, стала подниматься к яремной ямочке, концентрируясь в ней неприятным скребущим из-

нутри ощущением. Наташа машинально приложила ладонь к горлу, как бы ощупывая его – как будто пыталась не пропустить ее дальше. Но так и не смогла. Сдерживать слезы больше не было сил: она так долго ждала этого предложения. Ждала от Паши. И сейчас неосознанное нечто в ней, так сильно взбудоражившее душу, превратилось в обиду космических масштабов. Обида душила, и от этого Наташа задыхалась, пытаясь набрать воздуха, всхлипывая и снова пытаясь замереть, успокоиться. Это у нее не получалось. Но она снова пыталась. И снова не получалось. Наконец, обессилив от бесполезной борьбы, сознание сдалось на милость чувствам.

Илья смотрел на нее, ошарашенный такой реакцией, и не знал, что делать.

– Наташенька... успокойся, – повторял он, не находя других слов. Сердце сжималось от любви, от непонятной жалости, пришедшей чувством вины за то, что это происходит из-за него. Из-за его нерасторопности, как он думал. Из-за того, что заставил так долго ждать, мучиться и переживать.

Наташа начала успокаиваться, но еще иногда всхлипывала.

– Илья... прости, пожалуйста, меня... за это. Для меня самой... такое... неожиданность, – она замолчала. И Илья

почувствовал что-то неладное.

– Наташа...

– Подожди, Илья. Дай собраться с мыслями.

Чувство неопределенности, пришедшее на смену мысли, что Наташа его любит, тревогой начало заполнять солнечное сплетение – ни о какой любви уже не было и речи. Понимание этого вкралось в мозг, разрастаясь, бесконтрольно множась пеной всевозможных предположений и допущений. Промелькнула неприятная мысль об отказе, пронзив сердце. Он захотел сказать что-нибудь, что могло бы как-то развеять сомнения, но увидев Наташино лицо, на котором появилась готовность говорить, замер.

– Илья. Прости меня еще раз, – начала она медленно, но тут же спохватилась, увидев, как потемнели его глаза, – Давай немного подождем, узнаем друг друга получше.

Он опустил взгляд, понимая всю нелепость ее отговорок. Наташа вдруг все поняла. Ощутила драматизм ситуации. Почувствовала его состояние. В порыве она взяла его руку и стала гладить ее.

– Илья, ты неправильно все понял. Я виновата, что не на-

шла нужных слов. Я... согласна. Просто я прошу – не будем торопиться со свадьбой. Мне нужно осознать себя в новом качестве. Почувствовать это. Прости, но я такая... – она улыбнулась преображению его лица, – Может, когда ты узнаешь меня получше, сам откажешься от этой затеи. Я – не белая и пушистая.

– Наташенька, – он не находил слов, – Наташенька. Счастье мое. Прости, прости, прости. Да, конечно. Мы подадим заявление тогда, когда ты скажешь. Да там же еще и ждать месяц нужно. Там такой порядок.

– Хорошо, Илья. А сейчас иди. Уже поздно, – она снова улыбнулась, – Нашему тактичному Верунчику надо дать возможность попасть на свое законное место.

– Да-да, Наташенька, уйду. Можно мне поцеловать тебя?

Она промолчала. Он все понял, и просто прикоснулся к ее щеке губами. Ну, может, чуть дольше и более страстно.

– До завтра? – уже у двери Илья умоляюще посмотрел на Наташу.

– До завтра, – подтвердила она, закрыла за ним дверь, и еще секунду стояла около, чувствуя в себе двойственность:

и приятное возбуждение и облегчение от того, что он ушел, унося с собой напряжение трудного вечера. «Я – невеста», – до нее вдруг дошло, что ее статус изменился. Но радости, как таковой, не появилось: это было совсем другое чувство – как при обмане зрения – чувство изумления от случившейся ошибки.

54.

К концу июня – почти через месяц после студентов – закончились занятия и у слушателей подготовительного отделения. Остались экзамены – выпускные, и они же – вступительные. С Олей, после того, как она сделала аборт, и он заходил к ней в больницу, преднамеренных встреч больше не было. В коридорах учебного корпуса, если их пути пересекались, они иногда обменивались ничего не значившими фразами, превозмогая желание не смотреть друг другу в глаза и поскорее разойтись. Не суждено было их близости перерасти во что-то большее. Случилось то, что случилось – замок рухнул, подмытый волнами никого и ничего не щадящего потока жизни. Они стали чуть взрослее, пройдя, а, может, и не пройдя испытания, подготовленного неумолимой судьбой, чтобы вскоре, только закончатся экзамены, разойтись окончательно.

Уже несколько дней Паша готовился к сдаче курса исто-

рии, челноча, в основном, между своей комнатой и «читалкой», иногда только отбегая в магазин за продуктами, когда была его очередь, да в университетскую библиотеку. В конце июня студентов в общежитии уже не было – после сессии все разъехались. Оставались несколько мужских и женских комнат слушателей подготовительного отделения. Коридоры опустели. Все развлекательные программы, типа дискотек или гитарных посиделок в холле, прекратились. И это здорово, потому что, когда они прорастали в ушах, сопротивление им оказывалось бесполезным занятием. Тогда ни до учебы.

В один из таких дней – утром, повесив на шею полотенце и положив в карман спортивных штанов зубную щетку и пасту, Паша вышел из своей комнаты и направился к умывальнику, собираясь предварительно заглянуть в туалет. Их комната – в том крыле, где располагался мужской санузел, и притом в каких-нибудь десяти шагах. Не перепутаешь – налево, и почти сразу у цели. Когда он уже подошел к туалету, из него выпорхнула милостивая, обращающая на себя внимание, девушка: в шортиках и свободном, не облегающем фигуру топике. Они почти столкнулись в дверях. «Ничего себе! – пришла глупая мысль, – Перепутал, что ли?» Но на дверях красовалась буква «м», да и ноги не могли, даже спросонья, привести на чужую территорию.

– Привет, – сказала девушка. Она усмехнулась, видимо, среагировав на Пашину физиономию.

– Привет, – промямлил он, – Надеюсь, сюрприза там не будет, – кивнул на дверь туалета.

– Может быть, – хитро улыбнувшись, она бочком, почти впритык, прошла мимо него, словно в коридоре не хватало места. Кокетливый наклон головки и милая улыбка задели за живое.

Отстояв положенное у писсуара, он снял с шеи полотенце и заткнул его сзади за резинку штанов, как в армии, и вошел в дверь напротив – комнату с умывальниками.

Там уже хозяйничала незнакомка. Она сняла топик и обмывалась по пояс. Паша застыл в нерешительности – то ли идти чистить зубы, то ли тихонько ретироваться, пока тебя не заметили. Но было поздно. Девушка, пару раз фыркнув от соприкосновения с холодной водой, обернулась.

– Привет, – снова сказала она.

– Ну... привет, – машинально буркнул Паша, и снова появилось ощущение, что не туда попал.

– В женский далеко ходить, – в ее голосе прозвучал насмешливый вызов. Она повернулась к нему, кокетливо покачивая бедрами. Наслаждалась тем, какой производила эффект.

Движение любопытных глаз выхватило белые треугольники не загоревших мест на груди – вокруг сосков, и сами соски – крупные и торчавшие от контакта с холодной водой. «Где она успела загореть?» – отреагировало поглупевшее опять сознание. На какой-то миг Пашу постигло оцепенение. Но потом он сделал вид, что ничего не произошло, как будто сиськи в мужском умывальнике он видит чуть ли не каждый день. Подошел к раковине, открыл кран, набрал в пригоршни холодной воды и плеснул на лицо. Не успев затормозить реакцию тела, оглянулся. В комнате он один.

Через какую-то минуту стали подтягиваться в умывальник остальные ребята.

– Пацаны! – его распирает запоздавший восторг, – Тут такое кино сейчас было. Расскажу – не поверите.

– Что уже случилось за три минуты, пока нас не было? – ехидно улыбнулся Коля, – Бабу голую увидел, что ли?

– Ты что – пророк, Николая? – Паша не скрывал удивле-

ния.

– Остынь, Пашка, я ее еще вчера здесь видел. Правда, она как раз успела свою кофтенку натянуть. Я вам хотел рассказать, а потом думаю – ну вас на фиг. Вы мне, во-первых, хрен поверите, а во-вторых, еще и оборжете. Себе дороже.

«А передо мной не прикрывалась, – мысль пришла сама собой, – А перед ним прикрылась».

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Слава, – Что за чудо такое у нас на этаже? И почему я про это – ни сном, ни духом? Давай, Николая – ты же всегда все знаешь.

– Да не знаю я ничего... Что за бабы? Откуда они? Если надо, узнаю, – он хитро, с подвохом в глазах, прищурился.

– Бабы? Так она не одна? – удивился Паша, – Тут легион голых девок разгуливает по этажу, а мы... Ну, ты жлоб, Николая.

– Четыре, – промычал Коля через зубную щетку, – Они – в двести седьмой.

Позавтракав, ребята уже собрались выходить, когда на пороге появилась рослая деваха. Представилась Аней. Со все-

ми перезнакомилась за руку и тут же изложила – кто они и откуда.

Девчонки оказались «медичками» – студентками санитарного факультета столичного медицинского института, а сюда их распределили на практику. Коле, охочему до визитов, и по возможности не пропускавшему шанс познакомиться с новыми людьми, даже не пришлось к ним идти.

– Ну что, мальчики? Вечером сабантуй? – не то спросила, не то сообщила Аня, – Надо познакомиться поближе... С вас разогрев. Да не жадничайте, мальчики, – добавила. И рассмеялась, глядя на их поглупевшие физиономии, – Пока. До вечера.

Она так же стремительно ушла, как и появилась, оставив «мальчиков» в озадаченном состоянии. Что значит не жадничать? Много брать или, наоборот, немного? В любом случае мужская половина для грядущего многообещающего вечера постарается.

55.

Само застолье прошло весело и раскрепощенно. Благодаря девчонкам, в основном: они оказались контактными и в меру кокетливыми. В допустимых пределах. Только для то-

го, чтобы вызвать к себе интерес. А вот Марина – девушка, с которой Паша столкнулся утром – сразу стала смотреть на него с вызовом. В ее взгляде – ни капельки двусмысленности. Складывалось ощущение, что она через глаза проникала в него своим желанием. Когда зазвучала какая-то романтическая мелодия из зарисовок Поля Мариа, и кроме них все организовались в пары, она подошла и присела на стул – напротив, положив ногу на ногу.

Он оценил ее плавные с фиксацией движения и глаза, чуть затянутые паволокой. Почему-то появилась мысль, что она кошка. «А ведь и правда – напоминает в ней что-то это грациозное животное... Точно! – пришла догадка, – Пружинистость в движениях... Как будто к прыжку готовится».

Марина наклонилась к нему и показала, чтобы он сделал то же самое.

– Пойдем в вашу комнату, – прошептала она, почти не улыбаясь, – Хочу посмотреть, как ты живешь, – ее голос чуть вибрировал.

«Оп-па! – приятное волнение передалось и ему, – Блин! Такая и загрызть может».

Когда вошли, он притянул Марину к себе, но она сразу

же отстранилась. «Что за черт! – удивился Паша, – Какого хрена тогда тащила меня сюда?»

– Ну и что это было? – он не скрывал разочарования.

– Подожди. Замкни дверь, – Марина виновато улыбнулась.

Он повернул ключ в замке и подошел к ней, снова пытаюсь обнять.

– Подожди, – разомкнула она его руки. Подтянула к кровати стул. Из графина налила в стакан воды. Поставила на него. И, снова виновато улыбнувшись, попросила:

– Выключи свет, – и добавила, видя его заминку, – Пожалуйста.

– Пожалуйста, – Паша вернулся и щелкнул выключателем.

Свет уличных фонарей, проникавший через не задернутое шторами окно, сотворил романтический полумрак не хуже, наверное, свечей. А фигурка Марины на фоне прямоугольного светлеющего пятна стала ближе и от этого привлекательней.

– Иди сюда, Паша, – она легкими движениями выпроста-

ла руки из коротких рукавчиков, освободилась от соскользнувшего на пол платья, под которым ничего не оказалось, и юркнула под покрывало.

Паша не заставил себя долго ждать, и уже через несколько секунд его кожа ощутила вожделенный бархат обнаженного женского тела. Благо насчет душа он позаботился заблаговременно.

– А это зачем? – шутливо кивнул на воду, – Наутро, что ли?

– Дурачок, – Марина легонько стукнула его пальцем по носу, – Много будешь знать – скоро состаришься, – она стала касаться губами сначала его шеи, потом груди, потом живота, легонько при этом царапая кожу своими «коготками».

Первый раз так все и закончилось. Секрет стакана с водой раскрылся. Но потом был второй. И третий. По-настоящему. Были перерывы, когда они лежали – курили и разговаривали.

– А зачем тебе это? – в какой-то момент поинтересовался Паша.

– Что – это? – не сразу поняла она.

– Ну, это, – он кивнул в сторону стула, на котором стоял стакан с недопитой водой.

– А-а, это? Витамины, – рассмеялась она, и стала дурачиться. Ущипнула его. Потом перевернулась, уселась сверху, щекоча за бока. И это дурачество вернуло через пульсацию прикосновений вождеделение, где снова на земле остались только он и она, и больше никого.

И была ночь, и было утро. День второй. За ним третий. Четвертый. И так две недели. Иногда, как и первый раз, вечер начинался со стакана воды. Потом она ласкала его, делая снова мужчиной. Потом они забывались. Ночью кто-то просыпался первым, эгоистично и призывно начинал ласкать того, кто спал, и все повторялось. Паша даже несколько раз вспоминал Лику – так это было похоже.

Через две недели у девчонок закончилась практика, и они уехали, закатив отходную. Марина и Паша не спали всю ночь. Прощались. Она – с тяжелым сердцем, обещая вернуться – приехать к нему как-нибудь. Он – с легким, потому что этот стакан, с которого начиналась ночь, ему уже начинал надоедать. Паша искал оправдание своему внутреннему состоянию, объясняя это распущенностью Марины. Но в глубине души понимал, что просто по отношению к этой девушке, как и к Ольге, в нем нет искры божьей. Понимал,

что, если бы такое случилось, вряд ли он искал бы причину. Искал бы возможность продолжать встречаться. «И вообще, – рассуждал, – всякое оправдание поступка – это всего лишь неадекватность отношений с окружающим миром. Это самообман. Сладкая ложь для морали – а как иначе объяснить, что я лучше других? Но этого не объяснишь совести. Совесть не обманешь. Главное – ее услышать». Он, вроде, и слышал свою совесть, но мораль говорила громче, а потому убедительней. Грубая патриархальная мораль: мужчине можно – женщине нельзя. Может это происходило потому, что в каждой женщине он искал спутницу жизни? А если говорить правду – без социальных соплей – тогда подходящую самку для продолжения рода. Потому что его тело транслировало зов предков, жаждавших своего бессмертия, у которых Павел Думанский был заложником, не пытаясь даже слишком глубоко анализировать того, что с ним происходит. Заложником своего исторического времени, этнической принадлежности и родового проклятия. Иначе и не скажешь. И только одно дополнение мог вносить в эти поиски от себя – любовь.

Марина плакала, тихо всхлипывая. Она ясно осознавала, что это конец. Ее Паша молчал. Лежал тихо. По дыханию было слышно, что не спит. На душе – горько, хоть вешайся. Она понимала – отношения начинались совсем не романтично. Была похоть, был красивый мужественный мальчик. Было

желание оторваться за эти две недели, далеко от дома, где ее никто не знает. И вот результат. Она влюбилась. В этого умного, с тонким юмором, с одуряющим тембром голоса парня. А запах его кожи? Все в нем было ее. Но сам он – не был. Она понимала это, несмотря на сопротивление чувствующей плоти, сгоравшей желанием вечного наслаждения.

Раннее утро заглянуло в окно ветками деревьев. Они плавно выступали из густого тумана, словно были обозначены на мокрой, еще до конца не высохшей акварели. «Спит?» – Марина посмотрела на Пашу. Душа рвалась к нему. Она стала покрывать его грудь нежными прикосновениями губ. Обняла, прижалась всем телом, почувствовала, какой он горячий. И слезы снова заполнили ресницы – они заставляли их слипаться, мешая смотреть на любимого. Вдруг поняла, что он проснулся. Но на ласки, как это случалось обычно, не отзывался – лежал с закрытыми глазами. Тот прием, к которому она привыкла за две недели, весь алгоритм, сложившийся в процессе их общения – не сработал. И к чувству горечи добавились растерянность и недоумение, за которыми последовала еще не совсем осознаваемая, но такая ощутимая досада. Все стало перемешиваться в голове и груди: сознание и подсознание, перевивая мысли и чувства, как уток и основу, ткали полотно ее собственной реальности, не согласной с тем, что происходило на самом деле.

А реальность Паши, еще не совсем освободившаяся от сна, потревоженная нежеланным вторжением, бунтовала. Первым ощущением, возникшим после пробуждения, стало тоскливое неприятие ситуации: сегодня первый экзамен – хотелось выспаться. Досада персонифицировалась: она стала Мариной с ее мокрыми глазами. Он понимал ее по-человечески. Жалел по-своему. Но устал от притязаний, пусть даже и неявных: он – свободный человек – уже чувствовал сложившиеся отношения обузой, тяготился ими. То, что так легко и непринужденно началось, вдруг стало давить всей тяжестью зарождавшихся связей, опутывавших все и вся. Эти связи, вроде бы, ни к чему не обязывали, но все же завладевали его свободой, его вольным, не считая учебы, распорядком дня. Да и не только дня. Распорядком вечеров и ночей. Распорядком всей жизни. Он морально уставал от такой несвободы и тихо радовался последние три дня, что скоро конец – девочкам пора уезжать. Что не надо будет рвать отношения с Мариной – они сами, был уверен, сойдут на нет, не порождая унижения и обиды. Хотя унижение, знал, для нее уже существовало, потому что она любила, а он – нет. «Судьба у меня что ли – вот так расставаться с каждой женщиной? Ну почему они прирастают ко мне?» Ему вдруг стало жаль Марину. Повернувшись, он просунул руку под ее голову. Притянул горячее и мокрое лицо и прикоснулся губами к губам. Обнял ее, прижал к себе. А она, вместо того, чтобы успокоиться, сильнее стала вздрагивать, всхлипывая и шмыгая носом.

Захотелось сказать что-то такое, что могло бы успокоить ее. Но ничего не приходило в голову. Вместо этого сама по себе вырвалась фраза, о которой он тут же пожалел:

– Мариночка, давай поспим немного. У меня сегодня экзамен.

Фраза прозвучала так странно, так неестественно, и настолько была не к месту, что стало стыдно – и перед Мариной, и даже перед собой. Возникло чувство никчемности и внутренней пустоты. «Эгоистичный, – подумал, – черствый... Ну за что меня любить? Я только и умею, что обрекать на страдания...» Никчемность стала приобретать вселенские масштабы. Паша ощутил вдруг, как уменьшается в размерах, превращается в одинокую песчинку, одиночество которой безмерно. И это одиночество начинает пульсировать в нем, вызывая приступы нежности к любящему его существу. Он встрепенулся: «Задремал... Опять некстати».

Когда уже утром прощались, взгляд у Марины был отчужденным. Глаза – сухие и грустные. Только красные прожилки на белках глаз, да заострившиеся черты лица выдавали то, что она пережила за эту ночь. Она почти не смотрела на него, видимо, понимая свою ненужность. Неловко извинялась за назойливость. Не называла его Пашенькой.

– Мариночка, прости меня. Я такой... – он не нашел ничего лучшего, кроме простого – «дурак». И это прозвучало дежурно.

Прощались чужие люди, которым на какое-то время удалось побывать в сказке, но которые не сумели там остаться. Не судьба. Но судьбы, соприкоснувшиеся ненароком и разошедшиеся навсегда. Каждая отправлялась в свое собственное путешествие – к новым горизонтам жизни.

56.

Экзамены сданы – две пятерки и две четверки. И это здорово, потому что это – поступление. Здесь не нужно уже бороться, что кто-то окажется с лучшими результатами и лучшим аттестатом, и ты пролетишь, «как фанера над Парижем». Это все. Победа. Павел Петрович Думанский – студент университета. Казалось, начинается какая-то новая жизнь, и впереди ждет только радость. Все, что было до сих пор – только подготовка к жизни, а вот сейчас начнется сама жизнь – и она будет прекрасной. Но как всегда смена жизненных циклов принесла лишь иллюзию – пустое ликование – «король умер, да здравствует король». Действительность обставляла себя новыми декорациями, смягчая этим свой постоянный прессинг, чтобы человеку не было так больно и обидно постоянно ей проигрывать. Казалось бы, вот оно – новое. А

присмотришься внимательней – да, конкретика изменилась, принципы же остались те же. Но как раз именно нюансами конкретики и привязывает жизнь человека к себе. А иначе – пшик – пустота. Божественно? Конечно. Но неинтересно.

Прошло лето. Оно унесло с собой первый стройотряд, с его кирпичами и раствором. Дождливую Псковскую область с «обалденным пленером». Великие Луки с бархатным пивом, отдающим сероводородом. Унесло Полибино – усадьбу родителей Софьи Ковалевской, где в одной части был детдом для умственно отсталых детей, в другой – студентки Ленинградской академии художеств, приехавшие на практику. А еще в одной части поселили их спаянный работой и веселыми пьяными вечерами дружный коллективчик, украшением которого оказалась уже довольно взрослая – двадцатисемилетняя Лера – врач стройотряда, благоволившая Пашиным фантазиям. Лето унесло Веру – юную повариху детдома, с широкими бедрами и узкими плечиками, в постели которой, не помня себя, он однажды оказался. Ее сдавленная с боков и как бы выступающая вперед грудная клетка напоминала птичью. От этого, наверное, округлые прелести располагались как-то до смешного низко. От ее кожи попеременно отдавало вчерашней кухней, и поэтому общение не затянулось. Унесло и приехавшую на пленер интеллигентную немного подслеповатую Юлю, с ее подкосившимися коленками, когда Пашина рука оказалась под юб-

кой, и почти мгновенно намокшими между ног трусами. И еще – она смешно стонала. А при первой встрече все время щурилась, видимо, пытаясь рассмотреть его лицо. Но очки не надевала. Стеснялась, наверно. Лето унесло чаяния, возлагаемые на него весной, чтобы осенью пришло понимание сезонной оголенности чувств и тщетности поисков того, чего не дано постичь в иллюзорности бытия. Но оно – как сказочное существо, оставляло светящееся перо надежды на то, что в следующий раз, когда прилетит, обязательно окажется в руках. И потому новые разочарования, вышедшие из лона прекрасных обещаний, трансформируясь в новые прекрасные обещания, не давали разувериться в тщете жизни, создавая пульсирующую цикличность проб и ошибок, имя которым – жизненный опыт.

Сентябрь Паша пробыл дома, потому что сентябрь – это «картошка», а стройотрядовцы от этого мероприятия освобождены. Они пилили и кололи дрова с отцом – «растопку». Таскали уголь в сарай. А в конце месяца копали свой картофель, засыпая его под пол. В общем, занимались хозяйством.

По вечерам он с друзьями отдыхал. По-разному. Пару раз даже изрядно напивался, и поутру вспоминал вчерашний вечер лишь частично. Помнил, что с кем-то был, но не помнил с кем. И от этого становилось стыдно где-нибудь появиться. Но в то же время стыд сопровождала тихая радость, что все

обошлось мирно – нигде ни на кого не нарвался и не оказался в отделении.

В двадцатых числах съездил в университет – узнать расписание и день начала занятий. Встретил нескольких знакомых с подготовительного отделения: не мог отделаться от мысли, что они уже не свои, что теперь будут редко видеться и что у них – другие факультеты, другие преподаватели и другие учебные корпуса. Чувство сожаления о том, что что-то безвозвратно ушло и уже никогда не вернется, неприятно наполнило грудь. Вспомнилась Оля с милыми теперь сердцу ночными фантазиями. На мгновение даже промелькнула шальная мысль – а не зайти ли? Но разум не принял ее – отверг, даже не вдаваясь в логику рассуждений. Просто сказал «нет». А может, и были бы рассуждения, но хватало насущных организационных вопросов. Они – важнее. На одну только общагу уйдет куча времени. Нужно взять в деканате направление, оплатить и сходить все узнать, потому что, хоть она и та же самая, но все по-другому. Другая комната, другой этаж. И соседи уже будут другие – с его факультета. Со Славой Ковальским встретиться тоже необходимо – они собирались сделать «реальное вложение» части денег, заработанных на стройке – надумали пойти на вечерние водительские курсы, и для этого договорились подготовить все необходимые документы, чтобы сегодня, встретившись, занести их в автошколу.

К обеду почти все получилось сделать. Кроме встречи с коменданткой. Ее до обеда не оказалось. Дежурила Марьяновна – сказала, что после двух обещала быть.

К трем часам дела завершены, и Паша отправился домой. Через три дня пора возвращаться – начинается учебный год – первый в его студенческой жизни семестр.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Прошло три года. Опальные когда-то у народа новостные программы, стали, пожалуй, самыми популярными, если не считать всякого рода политические шоу, где можно было услышать такое, отчего мороз пробежал по спине. События, словно из рога изобилия посыпались с телеэкранов на неподготовленного зрителя. За это время на пенсию отправили выполнившего свою миссию Председателя Верховного Совета – Андрея Андреевича Громыко. В Армении случилось страшной силы землетрясение, на какое-то время отратившее сознание людей от развивавшихся семимильными шагами экономических катаклизмов. В СССР объявили о реабилитации миллионов граждан – жертв сталинских репрессий, а в США Джордж Буш сменил Рональда Рейгана. Объединились Западная и Восточная Германии, а в Польше к власти пришла «Солидарность» во главе с Лехом Валенсой. Прибалтийские республики заявили о выходе из состава

ва СССР. Да и сам Союз Советских Социалистических Республик де факто приказал долго жить, корчась в предсмертной агонии после Вискулей. Группой лиц, правда, предпринималась попытка реанимировать колосса. В середине августа 1991 года был создан государственный комитет по чрезвычайному положению – ГКЧП, но просуществовал он всего лишь три дня. В результате сопротивления, возглавляемого Борисом Ельциным, путч провалился. К концу августа в отставку с поста Генерального секретаря КПСС подал первый и последний президент Союза – Горбачев Михаил Сергеевич, а за ним и правительство уже на самом деле не существовавшей страны. Деятельность КПСС на территории России запретили, а коллегия КГБ распустили. Но перед тем как больная страна окончательно развалилась на куски, состоялся акт прощания советских граждан со своими финансовыми накоплениями – «павловская» реформа превратила их в пыль. И наконец, 25 декабря 1991 года президент СССР отправлен в отставку и супердержава – великая «империя зла» ушла в историю, словно «Титаник» в глубины океана, увлекая за собой огромное количество судеб. События, и вправду, появлялись как из рога изобилия, наслаиваясь друг на друга, не давая опомниться. Началась не менее великая, чем развал Союза, миграция бывших советских граждан, ставших вдруг чужаками на территориях суверенных государств. Пришли времена смуты – начинались 90-е годы двадцатого столетия, завершающие очередной исторический период. Но

кроме этого шла смена более масштабных циклов – астрономических эр или эпох. Заканчивалась эра Рыб, и ей на смену заступала эпоха Водолея. Двадцатый век своими изумствами закрепил окончательное духовное нисхождение человечества – путь от Бога. И, наконец, пришел момент перехода, названный древним Гераклитом «встречным бегом» – начался путь к Богу – духовное восхождение. Очередная глобальная цивилизация людей – арийская – закончила по всем канонам трансформации систем свою аналитическую фазу, чтобы, наконец, войти в стадию синтеза. Двухтысячелетний период развития Чувственности и Веры в людях – как результата использования знаний предыдущих цивилизаций, сохраненных мировыми религиями, уплывал в прошлое. А на его место заступал новый – тот, который станет эрой Просвещенного Разума. Безответственные детство и юность человечества заканчивались. Начиналась взрослая жизнь.

1.

В октябре у Наташи побывала Полина. Все удивлялась, что из теплой осени попала в холодную зиму. Приехала на легке. Не рассчитала: вроде, и тепло одета, но не для севера.

– Завтра же одеваться, – скомандовал, смеясь, Илья, – По еду попозже на работу – завезу вас с Наташкой в комиссионный к десяти. Ну, а назад – уже своим ходом.

– Илья, а если не возьмем ничего? – вопросительно посмотрела на него Наташа.

– Да ну, милая. Были бы только деньги, – он обнял ее за плечи, улыбаясь, и поцеловал в щеку, – А у нас их есть.

Ему так было приятно сделать что-то для сестры жены. Восторженные чувства, распиравшие от того, что он может себе это позволить, возвышали его в собственных глазах. И плюс к тому, опекая Полину, он тем самым заботился о Наташе. И перед ее родителями выглядел прилично. Но больше, конечно, удовольствия получал от этого меценатства сам. Понимал всю нелепость эгоистичного чувства, всю его меркантильность, но ничего не мог с собой поделать. Приятно было оказаться большим и сильным перед родственниками жены.

Приезд сестры – разговоры о родных местах, о родителях – вызвали волну ностальгии у Наташи. Стали приходить забытые чувства, связанные с их городком, с людьми, о которых уже даже и не вспоминала, с любимым. Все вдруг восстало в ней с прежней почти силой. Память, отбрасывая не возобновляемый жизненными обстоятельствами негатив, оставляла приятные, радостные моменты и события, навечно в рамках жизни запечатленные подсознанием. «Где он?

С кем теперь?» – думала Наташа, лежа под своим собственным одеялом на широкой супружеской кровати. Они с Ильей почти сразу – может, через какой-то месяц после свадьбы, стали спать как бы отдельно. Вроде бы и рядом, но порознь. Ей не хватало свободы, и она отстояла свое право, не смотря на не скрываемое неудовольствие мужа. Наташа вспомнила первую ночь. Улыбнулась. Сейчас это уже даже смешно. Только перед Ильей стыдно где-то в глубине души: сейчас она жалела его...

В ту ночь не смогла пересилить себя – не готова была к близости. Постоянно загоняемое в бессознательность противоречие – между тем, чего желала, и тем, что предоставила судьба – ожило. Тоска, свернувшая все последние события в спираль, стала сжатой пружиной, готовой развернуться в любую секунду и больно ударить по сердцу. Наташа чувствовала, что может сорваться в истерику – такое напряжение переживала.

– Илья... – она попыталась сглотнуть сухость в горле, – Ильюша... не надо сегодня... я не могу.

Он посмотрел на нее внимательно, нежно улыбнулся и погладил по голове, словно девочку.

– Успокойся, любимая. У нас все впереди. Ложись – по-

спи. Ты очень устала – я знаю.

Наташа благодарно обняла его, прильнув к щеке щекой.

– Спасибо, – хотела снова назвать его уменьшительно ласкательным именем, но в последний момент не смогла еще раз пересилить себя.

– Поспи, – прошептал Илья, подтыкая одеяло и целуя в щеку.

Видно было, что он слегка не в своей тарелке, что не так представлял все, но смирился, остался нежным и сдержанным. Наташа повернулась на бок и закрыла глаза. Какой тут сон: онемевшее тело не хотело мириться с тем, что первым мужчиной у нее будет не тот, кого она избрала. Не тот, о ком мечтала столько лет, и уже свыклась с этой мыслью, срслась с ней. Тело не могло понять несоответствия, предлагаемого ему. Как будто обладало своим собственным сознанием, чувственно противясь рациональному поведению того, кто им пытается управлять, кто бросает его в чужие объятия. Тело хотело быть с любимым. Рука занемела, и Наташа, осторожно, боясь побеспокоить Илью прикосновением, перевернулась на спину. И от этого движения, освободившего ее на время от неудобной позы, почему-то стало так тоскливо, что впору выть. В который уже раз пожалела, что не отда-

лась тогда – до службы. Взбунтовавшиеся чувства шептали, что это важно, что первый мужчина оставляет неизгладимый след в теле женщины. Что-то запредельное влияло в сознание с волнами интуиции. Как будто они приносили послание из глубины веков или даже тысячелетий – от миллионов женщин, чье право на любовь было бесчеловечно попрано, чью девственность отнимали совсем не те, кому бы ее хотелось подарить. «Да! Сама... – согласилась с прозвучавшим в ушах обвинением, и с горечью добавила, – Сама, сама...» Сама изменила ход судьбы, отступившись от полноценных отношений, когда была востребована. «Захотела управлять любовью? На – получи! Хотела хорошо выглядеть в глазах любимого? Ну и где он теперь этот любимый?» Она вдруг осознала всю неизбежность своего положения. Осознала, что уже не принадлежит только себе, что попала в капкан, который сама же по неразумению и поставила когда-то, и что не сможет подвести человека, который любит ее по-настоящему. «Он – муж мой... и тоже не спит, потому что его любимая... стерва. Пусть напуганная... но все же стерва». Внутреннее несогласие с тем, что происходило, жалость к себе, порожденная этим несогласием, обида на весь белый свет – все это постепенно, раскрученное мыслями, привело к предсказуемому результату. Наташа снова повернулась на бок, свернулась калачиком, почти уперев коленки в подбородок, словно эмбрион в материнском теле. Горечь загнанного в угол существа слезами стала сочиться из глаз, тихо

и обреченно. Слезы щекотали кожу у виска, стекая вниз, и там соединялись с тканью наволочки. Подвел нос – она пару раз шмыгнула им. Почувствовала, как повернулся в ее сторону Илья. Притихла, даже затаила дыхание. Он придвинулся ближе, обнял ее сзади и замер.

Свершилось чудо. Нежность к этому большому и доброму человеку волнами проникала в подсознание, смывая противоречия прошлого и настоящего, выдуманного и действительного. Наташа повернулась к нему лицом, положила руку на голову и стала гладить по волосам, по щеке.

– Прости, Ильюша. У нас все будет хорошо.

2.

Новый 1992-ой год Паша пригласил Славу Ковальского отметить у своих родителей. Вернее, сам Новый год у них, а потом – в какой-нибудь компании – с кем договорятся. Уже почти четыре года они – не разлей вода, хоть и учатся на разных факультетах – каждый в своем корпусе, и живут в разных общежитиях. Но, тем не менее, много времени проводят вместе. Сегодня – 30 декабря – договорились, что на последние две пары не пойдут – сразу отправятся на автостанцию, чтобы успеть на какой-нибудь дневной автобус, еще не переполненный, как вечером, работавшими в областном го-

роде людьми.

Уже спускаясь по лестнице, Паша услышал, что его окликнули.

– Думанский! Подожди!

«Лиза?» – он обернулся. Девушка быстрыми шажками сбежала к нему и взяла под руку.

– Ты в какую сторону идешь, Думанский? Может, по пути? – затараторила она, и сразу перешла к делу, – Ну что ты решил? Может, все-таки к нам – со Славой, как прошлый год? Мы с Лилькой, и вы... Ну? Думанский? – подергала за руку, – А то Лилька сказала, если не со Славой, то тогда ни с кем...

«Вот лиса! Сама хочет, а на Лильку стрелки переводит... Попал, блин. Не мог раньше слинять...» Ему не хотелось обижать Лизу, но по-другому не мог, потому что путешествие по жизни с ней для него закончилось.

– Ну, чего молчишь, Думанский? Скажи уже что-нибудь, – она забежала чуть вперед, повернулась и остановилась, загородив дорогу.

– Лиз?! – в его голосе прозвучала досада, – Ну сколько можно? Мы же все уже выяснили. Я же говорил – в этом году я еду домой.

– Да, говорил, – не сдавалась девушка, – Ну и что? Может, ты уже передумал, а сдать назад гордость не позволяет? Вот я и подумала...

– Нет, Лиза, – перебил он ее, – не передумал... Извини, – Паша сделал шаг в сторону, чтобы обойти ее, – Славка меня ждет уже. Мы сейчас на автобус – и ко мне. Прямо сейчас... А вон он, смотри, – обрадовался, увидев друга.

Лиза даже не обернулась.

– Ну и ладно, Думанский, – бросила с вызовом, – Как бы тебе не пожалеть об этом, – она даже, как показалось, фыркнула. Поправила сумочку на плече и, гордо измерив его взглядом, ушла в обратную сторону.

– Фух! – Паша почувствовал облегчение.

Слава стоял у крыльца главного корпуса. Общался с худеньким черноволосым парнем – экономистом, как и он сам, которого Паша тоже прекрасно знал. Так случилось у него, что каждый год, начиная с подготовительного отделе-

ния, он ездил в стройотряд с «экономистами» – почему и знал многих. Самый первый их трудовой семестр после подготовительного отделения оказался в основном сформированным из ребят, поступавших на отделение «Экономика труда». Этот костяк так и остался на все годы студенчества в основе стройотряда. Остался верен «трудовикам» и Паша. И ни разу об этом не пожалел.

– Привет, пацаны, – он поздоровался за руку сначала с Игорем – давно не видел, а потом и со Славой, – Где пропадаешь, Игореня? Как дела?

– Да все по-прежнему, Паша – едим, пьем... А у тебя? Как на личном фронте? Не женился?

– Ага, – вставил свои пять копеек Слава, – Горбатого могила исправит. У них же в группе полтора мужика, а на весь факультет десятка два, если и наберется, то это здорово. И ты хочешь, чтобы он женился?

– Ну, да. Промашка вышла. Извините, – засмеялся Игорь.

– Это у нас почти что паритет – сколько мальчиков, столько и девочек. И это вместе с монашками и крокодильчиками.

– Ну не так плохо, как у «геологов» – заметил Паша, и

ребята рассмеялись.

– Так, пацаны, суть да дело – а нам пора, – Слава заторопился, – Игорек, не пропадай. С наступающим тебя. Родителям привет и поздравления.

– Да, Игореня. И я присоединяюсь, – Паша забросил сумку на плечо, – А нам со Славой пора. А то опять будем ехать по стойке «смирно» с оттоптанными ногами.

На троллейбусе до железнодорожного вокзала, а там с километр пешком – чтобы не объезжать за тридевять земель по кругу. По-другому до автостанции пригородных маршрутов – никак.

Людей в пригородном – не битком, но все же пришлось несколько остановок стоять. Через час добрались до городка, а минут через сорок подошли и к дому. Родители еще на работе. Паша позвонил маме – отметил, что приехал.

– Слава, ставь чайник. Посмотри, что там есть на кухне пожевать, а я растоплю котел. В доме совсем не жарко.

Вскоре они, перекусив наскоро, пили чай и строили планы на сегодняшний вечер.

– Я сейчас сяду на телефон и обзвоню своих. Может, и искать ничего не придется? – Паша откинулся на спинку стула, – Может, все перекрутилось в нашу пользу?

– Ты же говорил, что они все разъезжаются кто куда.

– Говорил. А что? Разве ничего не может измениться? Мы вон тоже собирались в городе отмечать. И что?

– Ну, да, – согласился Слава.

К сожалению, ничего экстраординарного не произошло. У друзей все оказалось без изменений. И вечером, на дискотеке, переговорив с несколькими знакомыми парнями и девочками, ничего стоящего Паша не добился. А туда, куда его приглашали, он и сам не захотел идти.

– Попали мы с тобой, Славик. Не фиг было харчами перебирать. Могли бы спокойно у Лизки отметить. Романтики захотелось, – начал ворчать он, когда вышли на перекур, – А ты знаешь, что мне эта сучка сегодня на прощание завернула, когда я в отказ пошел?

– Ну?

– Сказала: «Ну и ладно, Думанский. Как бы тебе не пожа-

леть об этом». Может, наколдовала чего? – он усмехнулся.

– Да ладно тебе, – Слава оптимистично хлопнул его по плечу, – Хороший из тебя дед получится, Пашка. Ворчать уже научился... А к Лизону мы всегда успеем. Сядем завтра на автобус – с утра, и мы в городе.

«А чего мне самому не пришла в голову такая простая мысль?» – Паша даже повеселел. Но романтика все же маячила на горизонте. Ее никто не отменял. А Лиза – это так – запасной аэродром, потому что там романтика уже вся сдулась.

– Ну, да, Славик. Ты прав, – Паша затушил окурок о край урны, – По крайней мере, дежурный вариант есть... Правда, неудобняк будет. Расстались с Лизкой...

– Да все нормально. Перетопчешься... Первый день замужем, что ли?

Когда они вернулись в зал, буквально через минуту прекратилась музыка.

– Внимание! – бас-гитарист и солист группы, только что, полусогнувшись с эстрады, выслушивавший какую-то девушку, объявил, – Белый танец.

«Медлячок, – сердце екнуло, – сейчас будем рыбку ловить. Может, что и клюнет?» Паша замер от напряжения. И точно. К нему шла достаточно миловидная, с хорошей фигуркой девушка.

– Можно вас пригласить?

– Конечно, – Паше даже не пришлось изображать удовольствие.

Они прошли туда, где было свободнее.

– А я вас знаю – вы Паша... Думанский, – девушка посмотрела ему в глаза.

«Не красавица, – промелькнуло в голове, – Но что-то в ней есть такое...»

– Ну, раз ты меня знаешь, давай на «ты»? – он увидел, как дрогнули накрашенные ресницы со стрелками. Девушка не выдержала взгляда – опустила ресницы. Но тут же подняла снова. Паша склонился к ее уху, чтобы не конкурировать с солистом, – А тебя как зовут?

– Меня? Дарья, – она снова спряталась за ресницами.

– Даша, если не секрет, откуда ты меня знаешь?

– А мы с вами... с тобой, – поправились она, – учились в одной школе. Только, когда ты был в десятом, я еще была в седьмом, – она замялась, – Ты мне тогда очень нравился.

Паша немного отстранился и, улыбаясь, заглянул ей в глаза.

– Вот как? А сейчас?

– И сейчас нравишься, – как-то совсем просто сказала Даша, – Только сейчас я уже могу тебе сказать об этом. А тогда... Даже мысль – подойти к тебе – вводила меня в ступор.

– Хм, да. Дела, – искренне удивился Паша, – Живешь и не знаешь, что кто-то думает о тебе... – шальной вопрос, возникший в сознании, если бы он тут же автоматом его не выпалил, так, по всей вероятности, и остался бы не заданным, – Так что – это предложение вместе провести Новый год?

Он увидел – Даша от неожиданности растерялась. Но опомнилась быстро.

– Вряд ли тебе будет интересно с нами, – она как будто

оправдывалась, – Мы с подружкой вдвоем собирались отмечать – тихо – без компании... Мои родители на Новый год поехали в Мурманск, к маминой сестре, – добавила. Видно, объясняла – почему их будет только двое.

– Да это же просто здорово! – воскликнул Паша, – А я с другом. Почему бы нам не объединиться? – запросто подытожил он. И подсознание тут же перевело этот восторг на свой язык. «Вот так удача! – отозвалось в нем, – Неужели судьба готовит подарочек?»

– А это тот парень, с которым ты сейчас вместе стоял?

– Да, Дашенька, тот самый, – Паша оглянулся посмотреть, где Слава. Но того на месте не оказалось. Он поискал глазами, – Да вон же он, танцует с кем-то.

– С моей подружкой, – Даша улыбнулась так, как будто была виновата. Как будто они с подружкой затеяли на пару интрижку, а Паша их наивный заговор раскрыл, – Хорошо, Паша, я поговорю с Катей, но ничего не обещаю.

– Насколько я понял, ты сама... согласна?

– Да, – чуть слышно сказала Даша, опустив голову. И от этого ее «да» потонуло в звуках музыки. Но Паша его услы-

шал. Даже не услышал, почувствовал. По всему ее поведению. По тем непереводаемым на вербальный уровень знакам, которые подает не обученное играть сознательные роли тело. Он еще до ее «да» увидел, что Даша, ошарашенная случившимся, еще, может, не до конца верившая в произошедшее, тем не менее, согласие свое уже дала.

Танец закончился, и он взял девушку за руку.

– Ну что, Даша? Мы ждем вашего решения, – он пошел проводить ее до того места, где уже стояла подруга.

– Мы пришли, – она оглянулась на него, давая знать, что его миссия закончена.

– Благодарю, – Паша кивнул по-военному, прикоснувшись к груди подбородком – играть, так играть.

Девчонки согласились. Завтра к десяти вечера – к ним.

3.

До обеда попарились в бане – отец вытопил, пока они спали. После обеда, отдохнув, стали собираться. Наглаживались, начищались. Укладывали в сумку купленные заранее продукты, шампанское, водку. Мама еще наставила каких-то

контейнеров с едой.

– Не с пустыми же руками идти, – говорила, – Не те нынче времена, чтобы в гости идти с букетом и бутылкой шампанского, – она постоянно что-то говорила, а Паша поддакивал, иногда не улавливая, о чем идет речь, потому что занят был и своими мыслями, и разговорами со Славой и мамой одновременно.

Часам к девяти все уже было готово. Пора.

– Мам, пап, – Паша виновато улыбнулся, – Ну... извините. Так получилось. С наступающим вас... Я позвоню.

– Не думай ты о нас, Пашенька. Дело молодое, – мама обняла его, – Ну, с Богом, – перекрестила, – Ведите себя хорошо. Слава, проследи за ним – ты посерьезней.

«Ага, – подумал Паша, – видела бы ты этого серьезного».

– Ты посмотри на него, – он с наигранным возмущением шлепнул друга по плечу, – Аж растащило его от гордости. Пошли, серьезный.

Морозец взялся – градусов под десять. Ни ветерка. И снег в свете фонарей, кажется, не падает, а парит в возду-

хе. Крупные снежинки, планируя, легко опускаются на сухой асфальт, напоминая тополиный пух, который под ногами испуганно шарахается в разные стороны. Восторженное состояние охватило Пашу. И пусть Новый год он проведет не с той, с которой хотел бы, но, как говорит мама, дело молодое. Вся жизнь впереди. Главное – здесь и сейчас, и чтобы весело.

Минут через двадцать – быстрым шагом – они на месте. Пока доводили до ума стол, пока провожали старый год, ели, пили, встречали Новый – 1992-ой, было еще ничего – шло по накатанному. А потом? Потом танцульки под пластинки – на старой радиоле. И все. Пить девчонки отказались, и на контакт не шли. И не курили. Так что на балкон «мальчики» ходили одни. Слушали, как за перегородкой кипела жизнь, пробиваясь из полуоткрытой, видимо, двери. И, чертыхаясь, отпускали раз от разу обидные комментарии и в свой адрес, и в адрес своих новых подруг.

В очередной перекур, когда настроение опустилось уже за нулевую отметку, за перегородкой послышался шум вывалившейся на соседний балкон компании. Раздались громкий смех, женские голоса и знакомый мужской. Паша, не успев сообразить, что делает, машинально перегнулся через заграждение и заглянул за стенку. На фоне ярко освещенного окна четыре при параде девчонки, выстроившись в рядок, дымили сигаретами.

– С Новым годом, соседи!

– С Новым годом, – ответили ему нестройным хором.

И тут среди девушек он увидел Наташину сестру.

– Поли-иночка, привет, дорогая. И ты здесь?

– И я здесь, – кокетливо улыбнулась она, – Привет, Паша.

– И я здесь, – услышал он тот же низкий знакомый голос. Парень отодвинулся от перегородки, за которой его не было видно, – Привет, братан.

– Шурка... Громов, ты? А я думал – показалось. Слышу голос... Привет, братан, – они пожали друг другу руки.

– И Жека тут, – сообщил зачем-то Громов, – Уже спит – притомился.

– Да ну? Жека и притомился? Даже не верится.

– Рванул не по-детски, – Шурка засмеялся.

– Саш, мы пойдем, – сказала одна из девушек, имени ко-

торой Паша не знал, но видел неоднократно, – Холодно.

На балконе остался один Громов. Он с каким-то сожалением посмотрел на Пашу и, показалось, с удивлением изрек:

– Ну, вот чего не ожидал от тебя, Паха, так вот этого... Ты что вообще делаешь тут... у монашек этих? Может, жениться собрался? – Шурка даже не думал улыбаться. Судя по всему, о шутке не шло и речи.

– Да... – Паша пожал плечами, – так получилось. Слишком долго выбирали. А сейчас, хоть уходи. Скучища жуткая.

– Так айда к нам, у нас мужиков – раз, два и обчелся – одни бабы.

– А много вас?

– Хватает.

– Не, Шурка... как-то неудобно линять. Да и как ваши примут?

– Паха, брось ты свои интеллигентские штучки – тебя здесь все знают. И гитара есть. Кого-кого, а тебя-то, девчонки на ура примут.

– Думаешь? – засомневался Паша.

– А то нет?

– Блин! – он вдруг вспомнил о Славе, – Я же не один. Я с другом. Из универа.

– Со Славкой, что ли? – обрадовался Громов.

– А с кем еще?

– Ну, ты даешь, братан. Кто же из наших Славку твоего не знает? – он подошел ближе и тихо, но внушительно скомандовал, – Давай, сворачивайтесь там по-быстрому – и к нам. А я пойду толпу подготовлю... Давай, давай, – поторопил, уходя.

Паша посмотрел на часы – четверть третьего. Закурил. «Надо подумать, как сделать лыжи... Неудобняк получается, но сиделки эти... Блин! Только семечек не хватает... Ладно, по ходу дела буду разруливать». Затушил сигарету и вошел в комнату.

Слава сидел на диване, рассматривал какой-то журнал. Обернулся на стук балконной двери.

– А где эти? – Паша кивнул в сторону двери.

– На кухню пошли – кофе готовить. Сказали – кофе, и пора бай-бай. Во попали!

– Прелесть, – обрадовался Паша к недоумению и удивлению друга, – Мы и от кофе отказываемся. Прощаемся и уходим, – полушепотом заговорил он, – Раз они так, то и мы так же. Забираем водку – они ее все равно не пьют, и пошли.

– Куда? Давай хоть кофе с тортом...

– Т-с-с, – Паша приложил палец к губам, – Положись на меня. У-хо-дим, – почти шепотом закончил он, и повернулся в сторону кухни, – Девочки! – позвал громко, – Мы, пожалуй, кофе не будем. Пойдем – поздно уже.

– А чего? – спросила Катя, – Я «Наполеон» испекла, – но прозвучало это как-то без сожаления.

– Спасибо, Катюша, сладкое мы со Славой не любим. Да пора и честь знать, – он повернул в прихожую, – Да, кстати, водку мы с вашего позволения забираем – вы все равно ее не употребляете.

– Да-да, конечно, мальчики, забирайте, – вышла Даша, – Нам она ни к чему.

– Слав, где ты там? – позвал Паша.

Слава уже поднялся с дивана и ждал, когда друг закончит ломать комедию.

В сумке оставались еще две водки – на всякий случай, и третью, недопитую наполовину, Паша сунул в боковой карман. В нем, когда открыл клапан, увидел забытый батон вареной колбасы: «Слава богу, не вспомнили. Очень кстати».

– Ну, спасибо... Даша, Катя. Было приятно пообщаться. С Новым годом вас. Надеюсь, еще увидимся, – Паша повернул защелку накладного замка, – Пока, девочки. Счастья вам в Новом году. И с наступающим Рождеством и Старым новым годом, – он потянул на себя ручку.

– Пока, мальчики, – ответила Даша, – И вам всего самого хорошего.

Дверь захлопнулась. Паша схватил Славу за рукав и потянул удивленного товарища вправо – к соседней двери.

– Куда ты меня так беспардонно тащишь? – возмутился

тот.

– Сейчас увидишь, – Паша нажал на кнопку звонка.

4.

Открыли сразу же. Показалась физиономия Шурки. Видимо, он уже караулил их.

– Заходите быстрее! А то меня уже заколебали – где, да где.

– Гром, а чья это квартира? – Паша снял куртку и передал ему, потому что не нашел места, куда повесить.

– Наташки Краевой. Отец у нее в Сочах сейчас – на люльках. Фасады красит с бригадой... О! Вот и она сама.

– Привет, мальчики, – Наташка казалась принцессой. Красивая. В вечернем платье. Огромные глаза, подчеркнутые макияжем, лучились улыбкой, чуть упрощенной алко-голем, – Проходите. Будьте как дома. У нас шведский стол. Никто... никого... ни к чему не принуждает, – она погрозила с улыбкой пальчиком, – Но и не ограничивает. Самоконтроль... Громов, я пошла, – обратилась она к Шурке, – Поухаживай за гостями.

– Есть, моя королева.

– Это что – твоя подруга? – Паша задал вопрос автоматом, отреагировав на обращение Громова к девушке.

– Не-а. А что, хочешь приударить?

– Не может быть, чтоб такая и была не занята?

– Свободна, насколько я знаю. Тут один хмырь подкатывается к ней, но, по-моему, ему ничего не светит.

– А парня постоянного у нее что – нет?

– Да, вроде, есть какой-то... Спортсмен из города. На фасадах щас. Вместе с папашкой ее.

– Понял. Не дурак, – Паша достал из сумки колбасу и две водки, – Держи.

– О-о, отлично, – Громов перехватил колбасу и одну бутылку, – Все – пошли.

Вечер, а вернее, остаток ночи пролетел незаметно. Только когда утренние сумерки стали спорить с электрическим све-

том праздник, наконец, пришел к своему логическому завершению. Кто-то спал, где его настигла усталость, кто-то ослабленно сидел, не в силах уже что-то пить или есть и даже шевелиться. Правда, некоторые уже разошлись, особенно те пары, которым было куда. Ушел и Слава – провожать домой Полину. Паша и представить себе не мог, что его закадычный друг, которому все и всегда нипочем, так может стусеваться в присутствии женщины. Кроме него, может, этого никто и не заметил. Но он-то заметил. И сразу все понял. Может, и неправильно сделал, но по возможности вмешался в процесс – отвлек Славиного конкурента разговорами и выпивкой. И у него это получилось.

А самого его почти сразу же стала клеить хозяйка. Часа через полтора после того, как он здесь нарисовался, она заманила его в спальню, закрылась и бессовестно отдалась. Пьяно лепетала всякую чушь, после чего предложила взять ее в жены, на что он – в алкогольном трансе, довольный жизнью и самим собой – тут же согласился. Вроде, в шутку, а, вроде, всерьез. А что? Жизнь прекрасна и многообещающа. И папашка с деньгами. И Наташка баба красивенная. Говорит – дом и машину батя сразу купит – обещал. Единственное, что не вписалось в ощущение прелести жизни, отсутствие страсти – фригидная какая-то Наташка – ни рыба, ни мясо. И завлекла сама, и отдалась, а бревно бревном – лежала как мертвая. «Тут без любви – ну никак. А, может, не

проснулась еще в ней женщина? – пришла мысль, – Да ну! Если нет страсти, она и не проснется... А чему просыпаться? – ехидно заговорил в нем циник, – Разве что совести... – и сразу стало неудобно, – Все, Думанский, кончай нести пьяный бред». На этой ноте их прелюдия к брачному союзу, можно сказать, и закончилась. Они как-то сразу перестали об этом говорить. А теперь только, встречаясь взглядами, иногда многозначительно перемаргивались, как заговорщики.

Пришел Слава. Он не стал даже раздеваться. Бухнулся около уморенного Пашей конкурента, наполовину лежавшего, наполовину сидевшего на диване, от чего тот проснулся и пытался приподняться, что-то бурча себе под нос и снова засыпая. В принципе, если не считать парочку, тискавшуюся на стульях у окна, которой не хватило спального места, хозяйки и его со Славой, всех остальных уже фактически не существовало.

– Ну что, невестушка моя, на посошок? – Паша, улыбаясь, обнял ее сзади, прижавшись щекой к щеке, и продолжил полупшепотом, – Наташ, пойдем мы уже, а то и Слава сейчас расслабится.

Он подошел к столу. Налил три рюмки.

– Эй, господа у окна, вы с нами?

Парень отреагировал на предложение достаточно резко – бросил подругу, как будто только и ждал команды. А та сразу стала прихорашиваться, пятерней поправляя волосы. Встала, пошатнувшись на каблуках, и тоже подошла к столу.

Паша подвинул еще две рюмки и налил в них водки.

– Еще раз всех с Новым годом! – произнес громко, и выпил, резко запрокинув голову, – Все, Наташ, – хлопнул себя по ноге, – Мы пошли.

– Ну, давай, давай, женишок. Не терпится смыться? – то ли с обидой, то ли с сарказмом проговорила она, неприятно улыбнувшись, – Скатертью дорога.

Паше вдруг так захотелось нагрубить ей. Но он сдержался. «Оправдываться? Да перед кем?» Только ухмыльнулся:

– Спасибо, дорогая, что отпускаешь. Счастливо оставаться.

Выйдя на улицу, вдохнул полной грудью свежий морозный воздух. Даже голова чуть закружилась после квартиры, где алкогольный чад соперничал с углекислым газом, запахом пота, пищи и духов. Горизонт на востоке, куда под уклон

вниз шла улица, уже подсвечивало собиравшееся показаться солнце.

– Как хорошо, – не сдержал он восторга.

– Солидарен с тобой, – послышался сзади Славин голос, – Я, когда зашел в квартиру после улицы, думал – подохну.

– Представляю, – Паша засмеялся. Повернулся и обхватил рукой Славу за шею, – Ну, колись, братан: запал на младшую Кронич?

– Какую еще Кронич? – Слава удивленно посмотрел на Пашу, но работа мысли уже стала проступать в выражении его лица, – Так это...

– Да, мой друг. Это младшая сестра той самой Наташи... Которую я до сих пор, оказывается, люблю... И которая замужем. Вот так-то, дружище.

Они миновали пустынную улицу с двухэтажными домиками, и вышли к частному сектору. Утро первого дня Нового 1992 года предстало относительной тишиной. Кое-где слышно было ленивое перебрехивание собак. Иногда долетал скрип не смазанных петель из-за высоких непроницаемых для глаз заборов. Крик петуха. Да откуда-то издалека – звук поезда, слышимый в морозном воздухе за многие ки-

лометры. Но это все не нарушало тишину, гармонично вплетаясь в ее структуру. И даже их шаги не вторгались в нее – они очень естественно не воспринимались ухом, как нечто, на что не стоило обращать внимания.

– Вот так бы шел и шел, не смотря на усталость, – Славин голос перебил спонтанный поток Пашиных мыслей. Отвлёк от них. Заставил сосредоточиться на чувствах друга, восторговавшегося тем же, чем только что восторгался и он сам.

– Ты мне так и не ответил, Слава, – Паша был серьезен, – Никогда не видел тебя таким, как рядом с ней, – взглянул в его сторону. «Да, друг мой, тебе уже и говорить ничего не надо. Куда пропало твое красноречие? Ты же можешь выскользнуть из любого неудобного положения».

Слава молчал.

– Ну, не хочешь говорить – не говори. Это я так спросил. Сам все вижу. Полина, кого хочешь, с ума сведет. И если свела тебя, то я этому только рад. Я даже почувствовал связь какую-то утраченную с Наташей через это. Когда увидел, как ты реагируешь на Полинку, подумал – вот бы Слава женился на ней.

Слава не ответил, будто бы соглашался со всем, что слы-

шал. Потом он вдруг словно поперхнулся.

– Ты знаешь, – заговорил, откашлявшись, – И вправду, не понимаю, что со мной. Как будто что-то перемкнуло в голове. Вроде, ничего особенного. Но такое притяжение ощущаю к ней. Первый раз увидел, а как будто всю жизнь ее знаю. Сказал бы кто – не поверил. Договорились встретиться послезавтра. Она, оказывается, в медучилище учится. Через два года заканчивает, как и мы.

– Слав, ты не представляешь, как я рад за тебя. Извини, и за себя тоже. Это для меня как знак какой-то. Словами не передашь. Но я, как в чудо, сейчас поверил, что для меня еще не все потеряно. Я снова начинаю думать о ней. . . о Наташе, – уточнил, – Начинаю думать о ней не как о прошлом, а как о будущем. Представляешь? Ты – с Полинкой, я – с Наташкой.

Пашу понесло – он и верил и не верил в то, что говорил. Чувство вины перед Наташей не то, чтобы ушло, но стало меньше. Все юношеские мечты воспряли в нем с новой силой, будто дожидались своего часа где-то в укромном уголке души, находясь в состоянии «здесь и сейчас», ожидая только удобного момента. И вот этот момент наступил. Он пришел вдруг. Пришел, чтобы мучить и делать счастливым одновременно.

– Слав, за это надо выпить, – он достал из сумки оставшиеся полбутылки водки и протянул товарищу.

– За нас, за наше счастливое будущее, – Слава глотнул и, сморщившись, передал бутылку другу.

А Паша посмотрел на него и вдруг почувствовал, что нет сейчас ближе человека на земле.

– За нас, брат. И дай бог, чтобы твои слова не пропали даром.

До дома оставалось метров сто.

5.

События, связанные со Славой и Полиной, развивались быстро. К концу весны вопрос о свадьбе уже был решен. Свадьбу отложили до октября по причине каникул, стройотрядов, «картошки» и отпусков. Так рассудили влюбленные, хотя мама Полины – Ирина Сергеевна – очень хотела поскорее узаконить положение дочери. Ей не нравилось, что «детки слишком самостоятельно повели себя» – сняли квартиру и живут не расписанные.

Паша стал бывать у них, когда его приглашали. А иногда

ненадолго заходил и без приглашения. Нравилось ему у друзей. Там он убивал сразу двух зайцев. И восполнял пробелы общения со Славой, потому что уже не удавалось так часто встречаться. И получал удовольствие – вид Полины создавал ощущение связи с Наташей. Будто присутствовала она в ней незримо. А в мае уже начались вылазки на природу, где ко всему этому сумасшествию примешивался фон, который сопровождал встречи с Наташей. Болезнь вернулась окончательно. Он, как и много лет назад, иногда вдруг так явно чувствовал себя отвергнутым подростком, что диву давался, насколько память сохранила в себе все переживания.

Быстротечный май сменил июнь, незаметно приблизив время экзаменов. А после сессии – последний в их жизни стройотряд. На этот раз Тюменская область – район Ханты-Мансийска. Правда, Слава посомневался немного – ехать или нет, но как-то так, больше несерьезно – финансовый вопрос все сомнения отмел. Это, во-первых, расходы на свадьбу – очень хотелось быть независимым. А еще – Сибирь: обещано «злачное место, куда все едут за длинным рублем». Там разрабатывалась новая промышленная скважина. Строился поселок со всей инфраструктурой. Работы валом. И ребята даже планировали, если все пойдет так, как обещают, остаться даже на сентябрь. Тем более что в обещание входила бесплатная доставка самолетом до Ханты-Мансийска, а от Ханты-Мансийска до поселка вертолетом. И все это – туда

и обратно. Такие предпочтения возникли по причине того, что родной дядя Влада Карпухина – командира отряда всем этим строительством заправлял. А иначе досталось бы им что-либо подобное – держи карман шире.

Две дозаправки – в Саранске и Свердловске – Екатеринбургe нынче, и «Аннушка», доведя пассажиров за несколько часов до отупения своим плавающим – то выше, то ниже – гудением, наконец, опустилась на плиты аэродрома в Ханты-Мансийске. Через два часа «Ми-8», задрожав всем корпусом и оглушив окончательно участников этого утомительного путешествия, поднялся в воздух с одной из многочисленных площадок. А еще через час коснулся дощатого настила, закрывавшего середину огромной бревенчатой вертолетки. И только винтокрылая машина, снова взревев двигателем и развернувшись на ветер, ушла, к вертолетной площадке подкатил новый «Урал» – вахтовка, с оранжевым салоном за кабиной цвета хаки. Из кабины вышел мужчина лет сорока пяти, в ветровке и испачканных глиной резиновых сапогах, не смотря на жаркую погоду. Он оказался прорабом, а заодно и куратором стройотрядовцев.

Что поразило Пашу в первый момент, так это обилие грязи, а точнее – глинистой жижи, намешанной повсюду строительной техникой, сновавшей взад и вперед по своим делам. А еще дощатые тротуары вдоль вагончиков. Но боль-

ше всего, наверное, люди, запакованные в одежду с длинными рукавами, когда жара стояла за тридцать. Но, только выйдя из вахтовки, когда подъехали к вагончикам, Паша понял, почему так происходит: несметные полчища насекомых – от крупных оводов до малюсенькой мошкары, пренебрежительно нареченной гнусом, безжалостно атаковали новых членов строительства. На вертолетной площадке, обосновавшейся на бугре и обдуваемой ветерком, насекомых, считай, и не было. А здесь, у жилого сектора их – просто ужас. Кто-то из ребят, нервно засмеявшись, высказал мысль, что по поводу сентября они, наверно, погорячились.

– Это еще цветочки, – заметил прораб, – Вот спадет немного жара, почувствуете наших комаров. Сейчас их почти нет.

– Это сейчас-то их нет? – спросил командир, – Да вы просто смеетесь над нами, Иван Иваныч.

Жара и вправду невероятная. Как сказал прораб – под сорок.

– Резко-континентальный климат у нас в Сибири. А еще повышенная влажность – болота испаряются. А еще те же болота окисляются. Нехватка кислорода порядка двадцати процентов, – он засмеялся и выдал уже порядком затертую за

последние годы голливудскую фразу, – Добро пожаловать в ад... – и добавил, – На ночную прохладу не надейтесь. Ночью будет под тридцать.

Народ возмущенно стал высказываться. На это никто не рассчитывал. Длинные рубли, обещанные за работу, теперь уже не казались такими длинными, как там – на «большой земле».

Разместили их в двух таллиннских видавших виды вагончиках, которые специально для них установили рядом со стационарными «бочками» для круглогодичного проживания. Паша со Славой заняли места рядом. Потом столовая, поразившая изобилием продуктов и дешевизной. И на сегодня все – отдыхать. Завтра трудный день. Работа определена – заливка трех бетонных вертолетных площадок. Командир с прорабом поехали на подготовленное техникой место, а оттуда – на склад за спецодеждой: резиновыми сапогами, комбезами, куртками.

– Телогрейки, – просветил прораб, – если возникнет необходимость в связи с погодными условиями, дадим по ходу дела... Да! – добавил, кивнув на Влада, – Мазь от насекомых у командира. Короче, разбирайтесь тут, – он устало зевнул, прикрыв рот рукой, – Накomarники, постельные принадлежности и полога подвезу попозже – ближе к ужину.

– Во попали мы с тобой, Слава. Вовек не забудем, – Пашу растащило на истерический смешок. Это уже было что-то не совсем нормальное. Видимо, организм, таким образом, давал себе разрядку – слишком много впечатлений за одни сутки, начиная с девятичасового перелета на вибрирующем АН-24.

Он развернул матрац, лежавший на занятой им койке, и бухнулся на него, оставив ноги на полу. От усталости стало клонить в сон. И он давно уснул бы, если бы не комары. Сначала Паша, машинально вырубаясь, тут же просыпался. Снова вырубался, и снова просыпался, реагируя на укусы. В конце концов, со сном было покончено – по крайней мере, до того момента, как Иван Иванович привезет «полога». Паша лежал и вслушивался в комариный перезвон – то приближавшийся, то удалявшийся, стараясь предупредить атаки. Два парня из юных – после школы – студентов, которых он знал лишь по именам, разговаривали о чем-то своем, полулежа на кроватях. Ухо непроизвольно стало ловить обрывки разговора.

– ... я обязательно куплю себе... – Паша не услышал, что именно – в тамбуре кто-то хлопнул дверью, и он отвлекся.

– А я обязательно, если хорошо забашляют, поеду в Гер-

манию или, на худой конец, в Польшу.

Паша стал прислушиваться: разговор обещал быть интересным.

– А как ты поедешь? Надо ж знать – куда и как. А документы через границу?

– У меня шурин – спец. Уже две пригнал. На первой со всеми расходами заработал пятьсот баксов. А на второй – девятьсот. В неделю ушли.

– Ну-у? Так у тебя есть за кого зацепиться?

– То-то и оно. Главное капусты срубить.

«И я бы тоже не против – вот так прокатиться», – подумал Паша.

И эта мысль засела в его голове, периодически возвращая к осмыслению услышанного. Вечером он рассказал об этом Славе по дороге в столовую, на что тот ответил: «Поживем – увидим».

Потекли рабочие будни. Почти весь июль трудились по ночам, потому что днем работать было совершенно невозможно. Выходили ближе к одиннадцати вечера. Когда пропадали все насекомые, кроме комаров. Когда уже начинало идти в закат солнце, собиравшееся на пару часов за горизонт, и жара немного спадала. Работали часов до десяти утра. А днем, завернувшись в мокрые простыни, спали под пологами, периодически просыпаясь для того, чтобы снова их намочить. Правда, природа иногда давала отдых от жары, но ненадолго. Август также не порадовал. Когда спала жара, жизнь на короткое время показалась раем. Но затем похолодало и пришли дожди. Мелкие и затяжные. Они по нескольку дней, словно туман, висели в воздухе, уплотняя собой пространство и сокращая его пределы. Теперь одежда, до этого становившаяся мокрой изнутри, намокала с двух сторон. А вечером, развешенная по вагончику, насыщала собой и без того влажный воздух настолько, что и подушки, и простыни, и одеяла, когда ложились, прилипали к телу. И если постельные принадлежности быстро просыхали от собственного тепла, то рабочая одежда такой возможности не имела, и утром ее приходилось натягивать, морщась от неприятного ощущения. Если прибавить ко всему запах от сохнувших сапог и портянок, и плюс к тому сигаретный дым, обстановка была намного хуже, чем в армейской казарме.

Их бригаду, разбитую на звенья, бросали с объекта на объ-

ект до самого сентября. Прораб был доволен работой. Особенно, когда ребята ее рационализировали и выполняли гораздо быстрее, чем планировалось. Наконец, встал вопрос о том, чтобы остаться еще на месяц. Нашлось пять человек несогласных, а на кону – хороший куш – сборка и утепление финских домиков: можно за месяц заработать столько, сколько за два предыдущих.

– Кто не хочет оставаться, едут домой за свой счет. Других вариантов нет, – командир отряда явно нервничал – срывались его договоренности, – Ну, до Ханты-Мансийска борт будет. Здесь вопросов нет. А оттуда уже либо самолетом на Свердловск... к поезду...

– На Екатеринбург, – поправил кто-то. Но Влад не обратил внимания.

– А там – через Москву. Либо из Свердловска самолетом на Минск. Ну и там поездом, – он помедлил, – Правда, не знаю, что у вас останется от заработка. Сейчас это удовольствие, ох, не дешевое.

После такого заявления желающих досрочно закончить трудовой семестр не осталось.

Сентябрь в этих местах уже прекрасен тем, что насеко-

мых почти нет. В самый разгар дня, когда немного становится теплее, иногда появляются комары, но это так – чтоб не забывали. Сентябрь – это уже бесспорная поздняя осень. И она – короткая и насыщенная дарами лесов и болот – наводит свои порядки в природе, начиная готовить все живое к самой длинной части годового цикла.

К двадцать пятому числу все запланированное выполнено, и можно со спокойной совестью и отягощенными карманами лететь домой. Дядя Влада Карпухина не подкачал. Снова вертолетом до Ханты-Мансийска. А оттуда «Аннушка», натужно ревя моторами, и дозаправившись на этот раз по погодным условиям сначала в Уфе, а затем в уже знакомом, продуваемом всеми ветрами, аэропорту Саранска, наконец, приземлилась в родном городе.

Двигатели, поворчав еще немного, затихли. Наступила тишина, какая бывает только после сильного и длительного шума, когда меняется порог восприятия звуков. За иллюминаторами темно, не то, что было на высоте. Как-никак – одиннадцатый час вечера. Стюард объявил, чтобы все оставались на своих местах, и что за бортом плюс семнадцать по Цельсию. Раздались радостные, соскучившиеся за три месяца по родине, голоса. Наконец, через салон проследовал экипаж, и все засуетились, покидая свои места и направляясь к долгожданной свободе.

– Паша! Мы дома, – радостно воскликнул Слава, хлопнув друга по плечу.

– Понимаю твою радость – Полинка ждет, – Паша понимающе улыбнулся.

– Да ну тебя, поручик Ржевский. Обязательно нужно все опозлать, – Слава смутился.

Но Паша, видя это, с темы не слез.

– Слав, а что здесь пошлого? Я же о высокой любви, – он хитро улыбнулся, – И заметь – не на рояле.

Слава что-то хотел ответить, но уже стал спускаться по трапу, и поэтому просто махнул рукой – да ну тебя.

Теплая сентябрьская ночь, пахнула в лицо почти летними ароматами благоухающей природы. И еще чем-то невыразительным, но таким родным, таким выворачивавшим наизнанку душу, что Паша физически ощутил, где у него находится сердце.

Автобус к трапу не подали, видимо потому, что самолет подрулил почти к самому аэровокзалу. И пассажиры, разо-

брав багаж, гуськом пошли за экипажем.

«Какое все!» – Пашины мысли вдруг захлебнулись от восторга, и слова, которые должны были придти следом, потонули в его волнах, нахлынувших так неожиданно, что застали все существо врасплох.

Его переживания прервал Слава. Он обогнал и, повернувшись, на ходу бросил:

– Пашка, пошли быстрее, может такси удастся перехватить. Всем точно не хватит. Он, натянув спереди ремни, чтобы тяжелый рюкзак меньше раскачивался при быстрой ходьбе, рванул вперед. Паша старался не отставать.

Водитель не церемонился – запросил от души, при этом предупредив, что торг не уместен. Делать нечего, тем более что перспективы уехать дешевле не предвидется.

– Паш, может, все-таки к нам? А вдруг в общагу не пустят?

– Кого? Меня? – Паша был категоричен, – Пусть только попробуют, – он не хотел мешать Славиному с Полиной счастью после такой долгой разлуки.

По дороге договорились о завтрашней встрече – он пообещал придти к ним часам к одиннадцати.

Когда машина, газанув, отъехала от общежития, с волнением осмотрел знакомые очертания здания. Крыльцо. Навес над ним. «Интересно, кто дежурит сегодня? Дай бы бог, Марьяновна». Паша подошел к окну. Марьяновна, опустив очки почти на самый кончик носа, вязала. «Кажется, повезло». Он постучал и перешел к освещенному дежурным светом входу. Вскоре слышались шаги и ворчание женщины, а затем показалась за остекленной дверью и она сама.

– Ну, кого там носит по ночам?

– Это я, Марьяновна... Паша Думанский, если не забыли еще. Я с самолета.

Марьяновна открыла дверь, всматриваясь ему в лицо.

– Не сказал бы кто ты – не узнала бы. Бороду отрастил? – в ее речи уже не было ворчливости. Она, словно даже обрадовалась. Как будто встретила близкого человека, – И куда ж ты летал?

– В Западную Сибирь. Мы там в стройотряде были.

– Далеко, – сделала вывод Марьяновна, и затем спросила, – А спать-то как собираешься? На голой сетке?

– Да... – Паша махнул рукой, – Что-нибудь придумаю.

– Придумает он, – опять заворчала Марьяновна, – Иди сюда. Вот тебе ключ. В конце коридора – последняя дверь справа – наша подсобка вахтерская. Знаешь? Там матрас есть бесхозный. Возьмешь на ночь. Да рюкзак сними пока. Но-сишься с ним, как дурень с торбой, – добавила она.

Через полчаса Паша уже спал, растянувшись на выдавшем виды матрасе, сняв лишь ботинки и прикрыв плечи и живот ветровкой. Непривычная для общежития тишина обволакивала его голову, давая телу желанный отдых. Завтра-послезавтра начнут съезжаться студенты – время стройотрядов и «картошки» закончилось.

7.

На следующий день, как и договаривались, он уже без десяти одиннадцать был у Славы. Открыла Полина.

– Полиночка, рад тебя видеть, – его искренность вызвала на ее лице теплую улыбку, – Ты похорошела, дорогая, пока нас не было.

– Я тоже рада тебя видеть, Паша, – его чувства передались и ей, – А Славка еще валяется – не поднять.

– Сейчас я его подниму, – Паша засмеялся, – Не будет знать, где прятаться.

– Да не сплю я уже, – из комнаты послышалась возня, – И уже одет, – Слава вышел в спортивных штанах с голым торсом.

– Одет он, называется. Впрыгнул в штаны – и считай одет. Слышишь, Паш, – Полина обернулась, – Вот разве можно с таким, о чем-то договариваться, – она улыbnулась, – А ведь вчера обещал, что сегодня после обеда пойдем подавать заявление.

– Нет, Полиночка, Славик надежный пацан, – Паша подхватил ее шутливый тон, – Не то, что я. Пацан сказал – пацан сделает...

Потом они пили кофе. Смеялись по пустякам. Потом Паша стал клонить к задуманному: заговорил о том, что распишут их только через месяц – не раньше. И, решив, что этого достаточно, выдал:

– Слава, я хочу, чтобы мы сейчас решили тот вопрос, о котором рассуждали в теории. Надо ехать, Слава. Это деньги. Я разговаривал с Денисом. Он сказал, что десятилетку можно взять за полтора косаря, а то и меньше. Как повезет. А у нас с тобой почти по четыре. Возьмем по две штуки – и айда.

Слава молчал. То ли размышлял, то ли не знал, как мягче отказаться. Молчала и Полина, и, судя по тому, что вопросов не задавала, разговор между ними на эту тему уже состоялся. Не стал форсировать события и Паша – дело личное.

Наконец, Слава заговорил.

– Паш, если б не свадьба, даже разговоров бы не было... Стремно. А вдруг на рэкет нарвемся. А на границе с Беларусью со стороны Польши – так точно. Ты же сам говорил.

– Так это же на обратной дороге. Это уже копейки. Денис говорил – долларов пятьдесят, не больше... Слав, ты как знаешь, а я по любому поеду. Сегодня же звоню Денису и узнаю только – когда. Грех не воспользоваться случаем. Даже если не продадим быстро, будем и при конях, и при опыте. И что – тебе не хватит на свадьбу двух штук? Да за глаза... Еще и останется. А не хватит – я добавлю, – он улыбнулся, повер-

нувшись к Полине, – Ну скажи, дорогая, ты не хотела бы, чтобы твой жених был с машиной?

– Конечно, Паша, хочу. Но боязно как-то. Сколько я слышала всякой всячины нехорошей об этом.

– Короче, совещайтесь, – Паша посмотрел на часы, – Да вам уже и в ЗАГС пора идти. А я сейчас на почту – на межгород. Вызвоню Дениса. А вечером буду у вас. Доложусь, – он улыбнулся, – Ну... и отметим. Так что не расслабляйтесь без меня, – безапелляционно заключил он.

– Что? Пьянствовать будете? – простодушно и почти утвердительно спросила Полина.

– Ты что, Полиночка? Просто отметим наше благополучное возвращение из сибирского плена, где нас безжалостно пытали при помощи насекомых.

Она вопросительно усмехнулась, а ребята, глядя на нее, расхохотались.

– Да называй ты это как хочешь, Пашенька, а пьянка она и есть пьянка.

– Полин, все стесняюсь спросить, – Паша стал серьезным,

и даже не смог сразу посмотреть ей в глаза, – Как там Наташка? У нее все по-прежнему? Без изменений?

– Все по-прежнему, Паша. Без изменений, – она тоже стала серьезной.

– Ну, и, слава богу, – вздохнул он и попытался улыбнуться, – Все. Пошел... До вечера.

8.

Собралось семь человек. Четверо – вместе с шурином Дениса – бывалые. Ребята лет по тридцать – тридцать пять, уже перегонявшие и продававшие иномарки. И трое – зеленые – Денис, Слава и Паша.

Автобусом доехали до Гродно. Взяли билеты до Белостока, чтобы перейти границу с местными, которые контрабандой везли на территорию Польши спирт и сигареты. Вывоз валюты с нашей стороны ограничивался пятьюстами долларами США. А ввоз ее, если не декларировался вывоз, контролировала польская таможня. Симбиоз пограничных служб приводил к неизбежному симбиозу граждан. Гродненчанам выгодно было внести в декларацию н-ную сумму из тех денег, что везли те, кто ехал за покупками, отдав им еще и часть своих сверхнормативных бутылок спирта и блоков сигарет, чтобы потом законно ввезти валюту, вырученную от

продажи контрабандного товара. Заинтересованность же перегонщиков – налицо. Иначе валюту пришлось бы прятать, на что у таможенников нечеловеческий нюх. В итоге, и те, и другие становились туристами – с деньгами и презентами.

Как только граница осталась позади, все облегченно вздохнули, и одни вернули деньги, другие товар. Через час рейсовый автобус «Гродно – Белосток» подошел к площадке автовокзала в конечном пункте. Оттуда – на железнодорожный вокзал. И на поезде – до Щецина, с пересадкой в Варшаве.

В Щецине «бывалые» сразу у вокзала сняли два такси.

– Лучше переплатить за мотор, чем быть выпотрошенным карманниками в набитом автобусе или рэкетом от остановки до авторынка в Колбасково, – пояснил шурин.

Часам к десяти они уже прибыли на рынок и ходили по рядам, рассматривая ценники.

«Бывалые» и Денис достаточно быстро решили свои вопросы. Отогнали купленные и оформленные машины в сторону, оставив двух человек при них.

Паша выбрал себе «Аскону» – восемьдесят шестого года,

а Слава – БМВ, «пятерку» – восемьдесят седьмого. Шурин Дениса осмотрел машины, проверил работу двигателей. Сказал, что машины приличные – можно брать. Поторговались. «Аскона» обошлась в тысяча четыреста марок, а БМВ – тысяча семьсот. Соответственно – 875 и 1060 Долларов.

Как только закончили оформление, нарисовалась проблема, хотя она существовала и до того: Паша и Слава последний раз сидели за рулем только на курсах.

– Да, пацаны, – нервно засмеялся шурин, – Честно скажу – даже не мог представить такого. Знал бы – трижды подумал. Как же вы в колонне пойдете?

– Да ладно тебе, Крюк, – сказал один из парней, – поздно локти грызть. Не бросать же их.

– Да уж... Конечно. Будем надеяться – все обойдется.

– Пацаны, – Паша виновато улыбался, – Через каких-то полсотни километров вы забудете о том, что пожалели, взяв нас с собой.

– Посмотрим... чего стоят твои слова, – Крюк оценивающе посмотрел ему в глаза, – Но машины на дорогу мы вам все же с рынка выведем... На всякий случай.

Волнение Паши нарастало. А когда дошло до дела, стало страшно – организм сопротивлялся садиться в машину. И потребовалось усилие над собой. Один из парней, видимо, вспомнив свой опыт, скомандовал:

– Ну-ка вытерли сопли. Все сомнения проч. Руками и ногами ощутили машину. Если нормально ездили на курсах, привычка сделает свое дело.

Это как-то подействовало – все сомнения, пытавшиеся пробиться в сознание, хоть и не совсем, отступили. Когда тронулись, машина несколько раз дергалась при переключении скоростей, но все обошлось – не заглохла.

Заехали на АЗС – залили полные баки. Еще раз проверили охлаждающую жидкость и масло. Шурин сказал, чтобы масла взяли с собой по литру – на всякий случай. Показал – какое. И охлаждающую жидкость. Проверил количество омывателя лобового стекла у обоих. Все в порядке.

– Ну что, пацаны? С Богом! Если техника не подведет, прям до Варшавы без остановок. Вам, – он посмотрел на Пашу, – держать дистанцию и не отставать. Поначалу – километров двадцать – я пойду семьдесят. Присмотритесь. Дальше – девяносто-сто. Ну, а потом – по обстоятельствам. Бу-

дем надеяться, что плохие парни сегодня будут заняты другими, – усмехнулся, будто подбадривая себя, – Тем более и колонна у нас внушительная... Все! Погнали!

Позже, когда Паша вспоминал этот перегон, он никак не мог восстановить в памяти начальный отрезок пути, самые первые впечатления. Все оказывалось смазанным и нереальным. Как во сне, когда помнишь, но не помнишь, что же именно помнишь. Это память чувств, но не мыслей и образов. И даже не чувств, а, скорее, ощущений, еще не трансформировавшихся в чувства.

К Варшаве он уже подъезжал, получая удовлетворение от езды, от внутреннего комфорта, что едет в своем собственном автомобиле. Передвижение в колонне почти не доставляло трудности, как вначале, когда машина, то резко ускорила, то ее приходилось притормаживать из-за несбалансированной работы всех частей организма, участвовавших в управлении. Постепенно отрабатывалась их слаженность, начинавшая приносить наслаждение. В Варшаве, когда заправлялись топливом, Крюк даже похвалил – сказал, что ждал худшего.

– Молодцы – не подкачали, – он улыбнулся, – Слава богу, что не встретили никого. Потому что, если бы пришлось уходить от «клещей»...

– Поплюй, – перебил его Макс – один из «бывалых», –
Еще дорога впереди.

– Тьфу, тьфу, тьфу, – поплевал Крюк через левое плечо, –
Самое главное – не простоять бы долго на границе. Хреново,
что ночью приедем. Дай бы бог, чтобы не как в прошлый раз.

– А что прошлый раз было? – спросил Слава.

– Сутки простояли в Щучине. И по пятьдесят баксов с
носа отдали.

– И вот за что? – возмутился Слава, – А что – нельзя никак
отбиться?

– Да чего там – можно, – усмехнулся Макс, – Только это
не решит вопроса. Они не спускают такие вещи. Либо потом
тормознут на машинах между Гродно и Минском – с оружи-
ем. Мало не покажется. Либо по лобовику битой шарахнут.
А с трещиной на лобовике через границу не пустят. И стекло
будешь менять и все равно заплатишь. Так уж лучше сразу.
Себе дороже...

– Ладно, хорош болтать, – вмешался Крюк, – Отдохнули?
Погнали дальше. Путь еще не близкий.

В Щучине колонна перегонщиков стояла отдельно от основного потока, который продвигался быстрее. Рейсовые автобусы и маршрутки – те вообще шли по встречной без очереди, чудом разминаясь на узком пространстве оставшейся проезжей части дороги. Выруливали по самому краю обочины, рискуя оказаться в канаве.

Колонна перегонщиков, ждавших таможенного оформления, растянулась на километр – машин двести, не меньше.

– Ну вот, – сказал шурина, когда все собрались у его машины, – минимум часов двенадцать. А с их заморочками, да пересменками, – кивнул в сторону границы, – сутки можем простоять... Никуда не расходитесь. Пойду – поищу польских полицаев. Может, удастся прорваться без очереди. Если знакомый дежурит. У них тут все можно организовать – только плати. Бизнес, суки, с нашими наладили... Лысый, – обратился к Максиму, – Если что – разгребай, – и ушел.

– Было бы здорово, – мечтательно сказал Макс, – Все равно, если не прорвемся, рэкету платить. И притом – ни за что. А тут – за час бы все провернули. Сколько только запросят? Позапрошлый раз по семьдесят баков с носа. И то, – он кивнул на стоявшего чуть поодаль Дениса, – за счет Коляна, – как будто Денис и его шурина были одно и то же, – А так –

сотка – мама не горюй.

Колян вернулся через полчаса. Все сразу организовались вокруг него.

– Пацаны, через час его смена. Пока отдыхаем. Если к кому подойдут... эти, отправляйте ко мне. В принципе они начинают пасти ближе к пункту пропуска. Чтобы наверняка. Вон, видишь, – посмотрел на внимательно слушавшего его Пашу, – кучка стоит? С-суки... человек двадцать. И это цветочки.

Паша посмотрел в ту сторону, куда показывал Крюк. Группа пацанов, в основном в кожаных куртках, спортивных штанах и кроссовках терлась невдалеке, то убывая, то прибывая в количестве. Курила, громко разговаривала и противно гоготала. «Конечно, – подумал Паша, – Как я могу непредвзято относиться к ним?» – он почувствовал пришедшую откуда-то из глубин психики ненависть. Темное, неподвластное рациональному сознанию нечто, накапливаемое поколениями предков, осознавало в этих людях врагов.

Час пролетел быстро. И Колян снова ушел. А еще через полчаса подъехал полицейский джип, и из него вышел он.

– Пацаны! Быстро по местам... И за мной – в таком вот

порядке: смотрите – не дайте кому-нибудь между вами вклиниться. Семь машин.

Польский полицейский выгнал из второго ряда две стоявших одна за другой «Ауди» на обочину, освободив для колонны проезд, а второй встал на встречной полосе, чтобы никто их не объехал. Джип включил проблесковый маячок и тронулся. За ним Колян. А за ним остальные шесть машин.

Как и предполагал Лысый – по семьдесят зеленых. Паша все воспринимал с замиранием сердца: «Во пацаны дают. Сам бы стоял, как идиот, как баран, которого стригло бы это шакалье. С Коляном нужно дружить... Если он, конечно, этого захочет. А нет – я, по крайней мере, теперь знаю, что такое возможно».

После оформления все дальнейшее путешествие прошло на приличной скорости. Один раз только – ближе к Минску, тормознули «гаишники». По десять «гринов» – и скатертью дорога. Уже к обеду Паша и Слава были почти что дома. У самого города остановились.

– Пацаны, – сказал Колян, – Боевое крещение вы прошли. Честно говоря, когда вы мне сказали, что кроме курсов у вас никакого опыта, я подумал все... – он от души выматерился, – приехали, – это у него получилось почему-то смешно,

и вызвало среди ребят соответствующую реакцию, – Ладно. Все. Прощаемся. Спасибо за компанию!

– Это вам всем спасибо. И что не отказали, и что не бросили, когда узнали, с кем имеете дело, – усмехнулся Слава.

– Да вы что, пацаны, – возмутился Лысый, – За кого вы нас принимаете?

Слава хитро прищурился.

– Коля, то, что ты сказал, дорогого стоит. За это, конечно, гран мерси. Но хотелось бы поконкретней узнать: спасибо – прощайте, или спасибо – до свидания.

Пацаны переглянулись, обратив все свое внимание на Коляна – что скажет. А он посмотрел на них и рассмеялся.

– Ну, наглецы! Ладно. До следующего раза. Соберетесь ехать – звоните.

Обнялись. И ребята, посигналив, поехали дальше.

Паша со Славой уже часам к двум подрулили к подъезду, где жил Ковальский.

Двор – почти пустой. На всей площадке – два «жигуленка» и один «зэпор». Их две машины, даже пройдя такую дорогу, и имея затрапезный от пыли вид, все же смотрелись шикарно. Решили оставить их около дома Славы – рядом опорный пункт. Но открыв капоты, как советовали «бывалые», сняли аккумуляторы и по парочке высоковольтных проводов, чтобы обезопаситься от угона.

Пока они это делали, спустилась Полина в накинутой на халат куртке. Простоволосая, вся сияющая и растерянная одновременно. Она прямо захлебывалась от счастья, что Слава вернулся. Цел. Невредим. Да еще и на такой шикарной машине.

– Славочка, Паша, я так рада, – она обняла Славу за шею и прижалась к нему.

Видно было по реакции, что передумала и перестрадала достаточно.

– Полиночка, перестань, родная, – Слава засмеялся, – Все в порядке. Мы живы. Никто нас не убил.

– Дурак, – она провела кончиками пальцев под глазами, – Все тебе хиханьки-хаханьки.

На следующий день машины были растаможены. Через три дня – с третьего заезда на авторынок, «Аскона» ушла за две тысячи долларов. В общей сложности, если отнять все произведенные расходы, Паша заработал восемьсот «баксов». А на следующий день отбыла «в хорошие руки» и Славина «бэха» примерно с таким же результатом. До свадьбы – еще куча времени. Когда позвонили Денису, тот сообщил, что у них не продано две машины, но они, тем не менее, едут, не смотря на это.

– Через три дня, – добавил, – Шурин сказал – надо лететь, пока погода.

Договорились созвониться, и встретиться на автовокзале.

9.

Отгуляли свадьбу и встретили 1993 год. Прошла преддипломная практика и время, отпущенное на подготовку к госэкзаменам. Наконец, и университет остался в прошлом. Времена распределения прошли – работу приходилось искать самостоятельно. Хорошо это, плохо? Паше сложно было судить о таких вещах, но, по крайней мере, хорошо уже даже то, что в какую-нибудь деревню учительствовать его не упекли. И то, слава богу. На жизнь хватало. За зиму, не смотря на трудности, связанные с пятым курсом, они со Славой, кроме

осенних поездок, умудрились еще дважды смотаться в Польшу за машинами, и теперь собирались снова. Теперь уже к Коляну, который с Денисом и Лысым организовал в Польше бизнес – сам перегонял машины из Германии на территорию Польши, где продавал их нынешним и бывшим соотечественникам. И все бы хорошо, но шли слухи о том, что в Беларуси введут запрет на отторжение автомобилей, пригнанных из-за кордона – на два года. И все, кто мог, старались успеть. От этого на границе выстраивались многокилометровые очереди. И можно было больше двух суток простоять, ожидая переезда.

Паша со Славой постарались подгадать, когда Коля сам поедет домой – с ним надежнее пересекать погранпереход. Можно сказать – «на халяву». Раз в месяц на несколько дней он появлялся дома. Смеялся – чтобы проверить – не носили кто его тапочки. До ноября успели трижды проскочить таким образом. Указ о запрете на отторжение заставил думать о поисках работы. И Паша занялся этим вплотную, потому что Слава уже работал, а ехать одному, даже подстраиваясь под Коляна, не хотелось. Тем более что у него была машина и приличная по нынешним меркам сумма денег, жил он пока у родителей, а потому свои – кровные тратил только на «развлекуху» да на бензин, потому что постоянно мотался в столицу. Хотел закрепиться там.

В середине ноября, в пасмурный, не предвещавший ничего хорошего день, Паша подъехал к желтому многоэтажному зданию, с единственным под широким козырьком подъездом. Одна из организаций, арендовавших в нем несколько помещений под офис, набирала на работу людей – по объявлению, в котором оговаривался недельный бесплатный курс обучения. Фирма занималась выпуском каталога и нуждалась в рекламных агентах. А через неделю он уже предлагал ее «продукт», обивая пороги предприятий, доставшегося ему региона столицы.

Неделя за неделей пролетали незаметно. Зима прошла на городских улицах. А с весны начались командировки по областным и большим промышленным центрам: по заводам, фабрикам, мясокомбинатам, коммерческим фирмам – по предприятиям, которым было, что предложить. Паша втянулся в работу, отдавшись ей самым серьезным образом, и вскоре почувствовал вкус к общению с директорами. Это почти всегда была борьба – психологический поединок, где со временем вырабатывались свои собственные приемы, оттачивались слоганы, необходимые для ломки старых стереотипов мышления. И самое важное в этом – не упустить «жертву», не дать ей сорваться с крючка в промежуток от подписания договора до перечисления денег. Вначале карьеры такое случалось, потому что подписание договора для руководителя предприятия не предполагало никаких обязательств.

Директора знали, что по такому пустячному поводу судиться с ними никто не будет. А свое начальство из-за «пустышек» отпускало косые взгляды. Особенно, если подобное случилось часто. Уж лучше – устный отказ. Легче отчитываться.

Как-то – к концу 94-ого, когда снова пришло время «покрывать» город для каталога на 96-ой год – Паша уже минут сорок сидел в холле одной фирмы. Дождался директора, который, как сказала симпатичная девушка в приемной, «с минуты на минуту должен быть». Она дважды прошла из кабинета в кабинет, поглядывая на него и улыбаясь. «Милое создание», – Паша с удовольствием разглядывал ее силуэт, подчеркнутый строгим костюмом, красивые ноги. Не скрывал при этом своего интереса, потому что видел ее интерес к себе. Когда девушка продефилировала мимо него в третий раз, понял, что на ее обратном пути не упустит случая познакомиться.

Позже, вспоминая этот день, он не раз задумывался над тем, как бы сложилась его жизнь, если бы он не стал дожидаться, когда «с минуты на минуту» появится шеф Лены.

Их конфетно-цветочный период продлился недолго. К весне Лена уже была беременна, и свадьбу откладывать не стали. Тем более что на этом настаивала новоиспеченная теща – Евдокия Кондратьевна, в цепкие объятия которой Па-

ша попал. Она даже попыталась ему «тонко» угрожать, по-своему поняв Пашины намерения, но тот успокоил ее, сказав, что у них с Леной все уже решено.

10.

Как-то быстро пролетело лето. На этот раз Павел слетал на две недели в Турцию. В августе. А тридцать первого даже побывал на линейке у сына – Алеша пошел в первый класс. Страсти поулеглись, и они с бывшей женой стояли рядом, махали сыну руками, когда тот растерянно поглядывал на них, еще не вжившись в новую роль. Слава богу, не было ни занемогшей тещи, ни нового мужа Лены. Все как-то по-семейному – без претензий и кислых физиономий. Павел даже на какое-то мгновение подпал под иллюзию произошедших в сознании перемен – назвал свою бывшую Леночкой, на что та, пристально посмотрев на него, нежно, казалось, улыбнулась.

Тридцать первого августа была только линейка с первым звонком для первоклассников. И все. Он проводил Лену и Алешу до машины, и они попрощались.

Теплый сентябрь сменил такой же теплый, но уже со сменной декораций, октябрь. За ним проследовал ноябрь, довершая начатое октябрём осеннее действие, выметая к концу сво-

его срока остатки листвы из парков и дворов и впуская иногда в свои приделы зиму. Пришел, как и положено, декабрь – с первыми в светлое время суток морозами и легкими редкими снегопадами. 2002-ой заканчивался. Отношения с Вероникой остались ровными, что так беспокоило поначалу Павла. Она оказалась молодцом, как он говорил сам себе. И хотя давалось это ей, наверное, нелегко, она справилась. Напряжение, возникшее поначалу, понемногу рассеялось – будто ничего и не было. Первое время, видя, как она мучается, чуть было не дал слабину – так хотелось пожалеть ее. Может потому, что нравиться она ему стала не меньше, а даже больше. Но жить с ней Павел не хотел, а уж жениться на ней – и подавно. А потому и не собирался продолжать отношения. Знал, насколько тяжело будет потом их разорвать, а если к тому же еще и не сложится, то не только личные отношения могут накрыться медным тазом, но и бизнес. В общем, ни то, ни другое в его планы не входило. «Случай он и есть случай – переспали и разбежались, – рассуждал, – А вот совместная жизнь, которую нужно выстраивать по всем правилам быта – это уже совсем другое дело». Единственный человек, с которым он готов был на сегодняшний день сойтись по этим правилам, была Наташа. Но она далеко. Правда, Ковальские ждали ее на Новый год. Ждал и он, конечно. Хотя личных отношений по телефону – кот наплакал. Три звонка с ее стороны. За целый год. Две минуты – и разговор заканчивался. Первое время Павел пытался позванивать сам, но, то она не

отвечала, то «привет-привет» и «не могу говорить сейчас», а потом не перезванивала. И все. Пропасть. Странные отношения. Но они были. Он ощущал их. Ощущала, видимо, и она, судя по тому, о чем говорила Полина. Но в итоге – ноль. Если не сказать – минус. И только ожидание ее приезда поддерживало надежду на чудо в каком-то определенном – уже с легким негативом – тону, не давая разувериться в нем окончательно.

Семнадцатого декабря по городскому телефону позвонила Полина. Павел только что пришел с работы – готовил себе ужин. Пригласила приехать завтра вечером – часам к шести.

– Приезжай, Паша. Посидим. Ты так давно у нас не был. Славик соскучился уже... Вон, трубку у меня вырывает.

– Паш, приезжай, – слышался голос Славы, видимо, говорившего почти в самый микрофон, – У меня коньяк хороший есть.

– Полиночка, скажи ему, что его козырь сработал. Я согласен. А так бы еще подумал, – засмеялся Павел.

– Значит, договорились?

– Спасибо, Полиночка. Я уже тоже скучаю. Приеду, ко-

нечно.

Ожидание вечера невероятно растянуло рабочий день. Особенно долго тянулись последние два часа. Конечно, он мог бы уехать и раньше, но его рано не ждали. Все необходимое он купил еще по дороге на работу – заехал в ближайший супермаркет. И поэтому отсиживал время, постоянно поглядывая на часы.

Наконец – половина шестого. Накинув куртку, вышел из кабинета. Закрыв дверь. «Все. Кажется, ничего не забыл». Машину оставил здесь же – на площадке – не стал отгонять к дому. Завтра, после похода к Славику, с утра за руль не сядет все равно – рисковать не стоит. Забрал из багажника пакет с покупками и пошел к проспекту – тормознуть такси.

В прихожей, когда Слава отодвинул зеркальную дверь шкафа, чтобы повесить его куртку, Павел увидел знакомую дубленку. Сердце заколотилось. «Неужели, приехала? Почему же тогда не сказали вчера? Может, только сегодня? А может, у кого-то из подруг Полины – такая же?» Вопросы, громясь друг на друга, навалились тяжестью загустевшей от волнения крови.

– Слава!?! – он никак не ожидал такой бурной реакции собственного организма, и от этого в глубине души даже засты-

дился вдруг охрипшего голоса, – Она что – здесь?

– Паша... – Слава понял его состояние, – Ну, прости. Представить даже не мог, что ты так остро отреагируешь. Наташка хотела тебе вчера позвонить. Это я отговорил ее – хотел сюрприз сделать.

– Тебе это удалось... – выдохнул Павел, – Даже с лихвой.

– Ладно, Паш, назад дороги все равно нет. Что сделал, то сделал... Ну, дурак. Каюсь. Мозгов не хватило. Прости, – он подошел, чтобы обнять друга, похлопать успокаивающе по плечу.

– Ну вот! – в прихожую вошла Полина, – Мы их ждем. А они тут обнимаются, – Паша, быстро мыть руки – все уже на столе.

– Э-э, женщина. Ты что не видишь, джигиты разговаривают, – сострил Слава.

– Получишь у меня сейчас, джигит...

– Идем, идем, Поляночка, – Павел обнял ее одной рукой, потому что другой держал подхваченные с пуфа гостинцы, – Здравствуй, дорогая, – передал ей пакет, – Это деткам. И

тебе.

Общение с Полиной немного сняло напряжение. Но все же, входя в комнату, он снова ощутил прилив волнения.

11.

Наташа сидела в пол оборота к нему в кресле у журнального столика. Помогала племяннику – младшему – набирать картинку из пазлов.

– Дядя Паша приехал, – мальчик спрыгнул с дивана и подбежал, по-мужски подавая руку.

– Привет, Сашуля. Ну? Как у тебя дела? – Павел потрепал его по голове.

– Нормально, – мальчик посмотрел на него вопросительно – снизу вверх.

– Гостинцы в пакете, – догадался Павел, – Мама на кухню унесла... Брата не обижай, – напомнил вслед убежавшему мальчику.

– Ну, здравствуй, Паша – Наташа поднялась ему навстречу, и он потерялся на мгновение, как тот пятнадцати-

летний юноша, который отводил глаза, когда она на него смотрела. Всегда почему-то робел. Наташа сама подошла и обняла его, приподнявшись на цыпочки и прижавшись щекой к его щеке.

Они простояли так с минуту, пока оставались одни, теряя ощущение прикосновения и чувствуя, как их энергии, перемешиваясь, пытаются объединиться в одну. Долгожданный покой и вожаделенное желание, оставаясь каждый сам собой, пульсировали, почти мгновенно сменяя друг друга и творя странное сладостное ощущение. И лишь в одном их состояния были солидарными полностью – в проникновенности. Он начинал растворяться в ней, а она – растворять его в себе. И в этом порыве единства рождалось андрогинное существо – иллюзия, к которой всегда стремится разделенный мир.

Их блаженство нарушила Полина. Принесла соусницу. За ней, словно удостоенный чести выполнить какую-то торжественную миссию, гордо вошел Слава с бутылкой шампанского. У Павла снова появилось ощущение, будто он только что соприкасался с чем-то настоящим – с истиной, что опять держал в руках Жар-Птицу. И не удержал. Улетела Жар-Птица, оставив, как всегда, в руках лишь свое светящееся неземным светом перо – след в памяти о великом и непостижимом чуде. Как всегда, пришло осознание, что такое никогда не

повторится. Что-то подобное, наверное, еще будет. Но такое – никогда.

За столом они сидели рядом. Он постоянно ощущал присутствие Наташи, ни на единый миг не забывая о нем. Не отвлекался от этого ощущения даже тогда, когда застолье закончилось и они со Славой, как всегда, играли в шахматы, а женщины ушли на кухню. А потому, наверное, ни одной партии из трех так и не выиграл. И после заключительной, посмеиваясь, Слава констатировал:

– Сегодня ты явно не шахматист. Ты смотри, – он показал на свой пустой бокал, – А ты к своему даже не притронулся.

– Ты знаешь, старик, не хочется мне как-то сегодня. Такое ощущение, что я и так пьян, – он посмотрел в глаза другу.

– Понимаю, – Слава стал серьезен – без своих обычных улыбочек, – Знаешь, чувствую себя таким виноватым перед тобой. Хватило же ума вчера...

– Да нет, Слава, все получилось так, как надо. Если бы я вчера еще узнал, неизвестно, как бы все было. Я тут подумал... Ты все правильно сделал. Я хоть выспался благодаря тебе, – он, смеясь, хлопнул друга по плечу, – А так бы ночь не спал. Думал бы – что да как.

Из кухни появилась Полина с подносом, на котором дымились чашечки с кофе. Наташа за ней несла такой же – но с кусочками торта на тарелках.

– Мы решили, что так будет удобнее, – Полина стала снимать чашки, – Вы играете...

– А мы уже все – не дал ей договорить Слава, – Наигрались. Пашка сегодня не соперник. Неинтересно.

– Паш, можно я около тебя? – Наташа, не дожидаясь ответа, присела на диван – рядом.

– Конечно, Наташенька? Что за вопрос? – он сделал движение, как будто подвинулся. «Что за женщина? То она обнимает и целует меня. То спрашивает – можно ли рядом сесть».

Полина пристроилась на подлокотнике кресла около мужа, оставив свой торт без внимания. Потекли разговоры обо всем и ни о чем. Наташа ушла от вопросов к ней, переведя тему на анекдоты, и эта тема муссировалась с полчаса, а то и больше. Потом она поставила свою пустую чашку на журнальный столик и вплотную прижалась к Павлу, взяв его руку в свою и положив ему на плечо голову.

Павел застыл: боялся пошевелиться. Мысли, сменяя одна другую, как океанские волны, стали накатывать в сознание, неся обещания великого чуда, которое вот-вот должно произойти. И оно, наконец, заявило о себе. Когда Слава рассказывал очередную историю, Наташа повернула голову и прошептала на ухо:

– Пойдем? Я тебя провожу.

Перехватило дыхание: «Как провожу? Каким образом? Что она имеет в виду? Неужели это то, о чем я думаю?» Он повернулся и посмотрел ей в глаза. Вопросы, устроившие чехарду в голове, стали глупыми и никчемными. Все стало предельно ясно.

– Пошли, – тихо ответил он, поднимаясь с дивана, – Полюшечка, Слава... пойду я. Спасибо. Завтра на работу...

– Подожди, – возмутился шутливо Слава, – То тебя не выгнать... А то – засобирился, как Наташка приехала.

«Вот она – дружба, – подумал Павел, – Красота! Ляпнул, что в голову пришло, и, слава богу. Никто тебя не упрекнет ни в чем».

– Я сейчас. Только захвачу с собой кое-что, – поднялась, посмотрев на Павла, Наташа.

– Не понял, – Слава с недоумением посмотрел сначала на него, потом на Полину.

– Наташа идет со мной, – Павел выдохнул подавляемую сознанием радость.

Тишина, водворившаяся после его реплики, вытащила из памяти гоголевского «Ревизора». «Вот так-то, – пришла следом мысль, – Я и сам не меньше вашего поражен. Ну, Наташка. Не в бровь, а в глаз. Мучила, мучила, и – на тебе».

Наконец, Слава обрел дар речи.

– Та-ак, – выказал он свое недоумение, – И когда ж вы успели-то?

– Ребята! – Павел улыбнулся, – Два года вы сводничали, а когда это у вас получилось, вы еще и недовольны?

– Пашенька, мы очень довольны, – наконец, заговорила и Полина, – Я счастлива, – у нее даже глаза заблестели, – Просто как-то неожиданно получилось. Как говорят, сколько смерти ни ждешь... – она запнулась, – Так и здесь получилось.

– Ну, ты сказанула, мать, – Слава с упреком посмотрел на жену, – Вот это сравнила.

– Да я просто... от неожиданности, – покраснела Полина.

– Да не напрягайтесь вы, – Павел умилился их беспомощностью, – Все же хорошо.

Из своей комнаты вышла Наташа.

– Полина, я иду провожать Пашу, – она с интересом посмотрела на сестру – что та ответит.

– Да мы уже обо всем догадались. Сейчас я тебе ночнушку новую дам, – спохватилась она.

– Не надо, Полиночка. Я уже все взяла, что нужно. Я же не насовсем. Может, Паша меня еще и не примет? – она тихо засмеялась.

12.

Наташа лежала, вслушиваясь в дыхание любимого. Впервые в жизни, на смену череде огорчений и треволнений, пустых надежд и ожиданий пришло настоящее умиротворе-

ние. Пауза, передышка, возникшая в их беспрерывном ненасытном постижении друг друга, подарила возможность увидеть то, что ускользало поначалу. Полумрак комнаты, освещенной уличными фонарями, рождал в душе чувство тождественности со всем миром, окружавшим ее. С миром ее любимого человека, ее мужчины. И от этого Наташа не ощущала себя здесь чужой. Все, с чем соприкасалась ее умиротворенная душа, все было дорогим сердцу. Вдруг нахлынуло умиление от того, что она здесь, что рядом дышит ее Паша, что она, наконец, вкусила торжество единения с ним. Чувство благодарности подступило комом к горлу. Запершило под яремной впадинкой. И слезы стали сочиться из глаз, перехватив дыхание. Она сдерживалась, как могла, боясь разбудить любимого. Но, наконец, всхлипнула, не выдержав напряжения.

– Что с тобой, Наташенька? – он приподнялся на локте и наклонился над ней.

Она отвернулась и разрыдалась, уже не в силах сдерживать подступавшие волны захватившей все ее существо эйфории. И несколько минут проплакала, постепенно успокаиваясь, быстро вдыхая носом и выдыхая ртом воздух, иногда всхлипывая. А он обнимал, гладил ее по голове, как ребенка, и шептал ей на ухо ласковые слова.

Стало невыносимо жарко и влажно. Наташа поцеловала его, высвобождаясь из объятий.

– Пашенька, подожди милый, – она выскользнула из-под одеяла и, подойдя к окну, отдернула край тюля.

В этот момент в душе Павла вдруг снова возникло чувство одиночества. И он, чтобы не давать повода сомнениям, поднялся следом, подошел и обнял ее сзади за плечи.

За окном в свете фонарей в предутренней тишине и безветрии падал снег. Крупные снежинки медленно парили в воздухе, будто не желая опускаться на землю. Вечность, заглянув через стекло внутрь комнаты, отразилась в глазах двух влюбленных вселенской грустью всех тех, кто испытывал подобное до них. Новое чувство, сменив недавний надрыв эйфории, объединило на какой-то миг две противоположности – мужчину и женщину – в их извечном скитании по направлению друг к другу, в их притяжении, дарующем иллюзию единства. И они растворились в ней, постигая величие вечности через ее мгновение. И в этом мгновении – в этом ничтожном и одновременно великом таинстве жизни уже царил другая иллюзия – что так теперь будет всегда, потому что все возвращается на круги своя.